

Борис Васильев Офицеры

1917 год

...Последние святки царской России. Уже всем надоела бессмысленная и жестокая война, не прекращается поток беженцев с запада и юга, уже начались очереди, и многие недоедают, но никто пока не знает, что эти святки — последние, что через два месяца отречется Государь и Россия станет республикой. И, может быть, поэтому веселье сегодня такое по-русски бесшабашное и такое по-русски горькое. Даже отчаяние в России пока еще отчаянно веселое.

Ясный день, легкий морозец. Москва, Воробьевы горы. Где-то наверху полковой оркестр играет русские вальсы и марши, которые странно смешиваются с выкриками, шумом, смехом и всеобщим оживлением. На санках, на лыжах, а то и просто так, кувырком, или подстелив мешки, которые предлагают желающим бойкие московские мальчишки, катается праздничная толпа.

На реке расчищен снег: там режут лед коньками. Но удовольствие это более сдержанное: это — спорт, как его понимали тогда. И «спортсмены» в те времена были совсем не похожи на нынешних.

На горах куда демократичнее: здесь в основном молодежь. Студенты и курсистки, гимназисты и гимназистки, реалисты (учащиеся реальных училищ) и озорные московские девушки. Заметны легко раненные или выздоравливающие офицеры — тоже молодые. С палочками, с повязками, кое-кто в сопровождении сестер милосердия, друзей, подруг или родителей. Война все-таки. Повсюду снуют разносчики, предлагая конфеты и баранки, сбитень и чай, пирожные и шоколад.

Солидная публика — отставные офицеры, чиновники и просто отцы, сопровождающие своих дочек (женихов-то нынче маловато, ай-ай), — держится в стороне, наблюдая за всеобщим весельем, но не участвуя в нем.

И совсем уж особняком расположились отставные полковники и генералы: это уже деды, а не отцы. И странно видеть в их обособленном кругу двух терских казаков: пожилого есаула и совсем еще юного казачка Ваню.

— Георгиевский кавалер, — с невероятной гордостью хвастается есаул. — Покажи господам офицерам боевую награду, Ваня.

Ваня расстегивает парадную бурку. Над сверкающими газырями — новенький Георгиевский крест. Отставники уважительно рассматривают его — уж они-то понимают в наградах! — а какой-то весьма древний генерал торжественно отдает честь. И Ваня очень смущается.

— Самый молодой кавалер, — важно продолжает есаул. — Потому и в Царское Село приказано было явиться в моем сопровождении. Государь лично «Георгия» вручил. Белокаменную посмотреть дозволили, Иверской Божьей Матери поклониться. Ну а завтра, конечное дело, обратно на фронт. В действующую армию.

Отставники прочувствованно жмут юному герою руку, говорят добрые слова и тактично — есаулу, а не казачонку — суют червонцы в широкую задубелую ладонь. Ваня безмерно счастлив и горд, но и смущен тоже безмерно: даже румянец выступил на еще не знакомых с бритвой щеках. Он что-то бормочет в ответ на поздравления и напутствия, улыбается...Только вдруг замирает его улыбка.

...Мимо них с ликующим смехом проносятся расписные санки, в которых сидит румяная, безмятежно счастливая гимназистка, и красный шарф развеивается за ее спиной, как победный вымпел. Звали эту гимназистку тогда просто Любочкой.

Какое-то отчаянное счастье. И смех чересчур громок, и гимназисты с реалистами яростно, не на шутку (девушек не поделили, что ли?) сражаются в снежки, и студенты совсем некстати затеяли горячий спор. И даже полковой оркестр вдруг заиграл «Прощание славянки».

Большую группу молодых офицеров-фронтовиков, видимо, привезли сюда прямо из госпиталя, потому что сестры милосердия помогали раненым выбираться из только что

подъехавшей вереницы саней. На костылях, с обожженными лицами, с черными повязками, прикрывающими навсегда утеранный глаз, с перебинтованными руками, головами, ногами...

Всмотримся в них, пока еще звучит «Славянка»: они хлебнули лиха. Они уже все поняли в свои двадцать с небольшим, а если и не поняли, то научились верить в собственное предчувствие.

А вокруг — буйное молодое веселье. Под самый трагический в мире марш — под «Прощание славянки». Однако не все веселятся на святках. Кое-кто и работает. Группа рабочих выламывает глыбы льда на Москве-реке. Из глыб выпиливают тяжелые брусы, обматывают рогожей, перевязывают и грузят на грубые, совсем не для катания санки. И паренки лет пятнадцати, изгибаясь до земли, волокут груженные льдом санки наверх, на Воробьевы горы, где ждут ломовые извозчики с тяжелыми грузовыми платформами, запряженными мохнатыми битюгами. Там и перегружают на платформы доставленный с ребячьим надсадным хрипом лед: лошадей по такой крутизне не погонишь, жалко лошадок.

Парнишек не жалко. И того, упрямого, с хмурым лицом, которого пока еще зовут Алешкой, тоже не жалко. Каждому — свое, даже на празднике жизни — на святках.

И Алешка никогда не жаловался и не унывал. Отец у него еще осенью четырнадцатого без вести пропал, мать в эту зиму совсем расхворалась, и он подрабатывал, где только мог. Ну, а святки для рабочего человека, известно, самое удачливое время. Только не зевай.

Изгибаясь в три погибели, а кое-где становясь на четвереньки, Алешка с огромным трудом преодолел первый, самый крутой и до льда разъезженный подъем. Здесь была небольшая площадка, на которой можно было передохнуть, отдышаться, подкопить сил для последнего, самого длинного, но зато более пологого участка горы. И Алешка отдыхал, шапкой вытирая взмокший лоб и заинтересованно поглядывая на шумных саночников, которые мчались вниз, к Москве-реке, с визгом и смехом, благо веселый их путь пролегал совсем рядом с его обледенелой тернистой дорогой к ожидающим наверху ломовикам с платформами.

Сверху летели расписные, кокетливо изогнутые и полные звонкого смеха саночки, в которых сидела Любочка с победно развевающимся шарфом за плечами. В ней было столько искреннего восторга, и так она сама была сегодня хороша, что Алешка невольно заулыбался. И, конечно, засмотрелся: ее расписные саночки неожиданно подпрыгнули на ухабе, свернули вдруг на обледенелый рабочий спуск, сбили Алешку и его груженные сани, с таким трудом втащенные сюда.

Летели вниз все втроем: Любочка с хохотом в расписных саночках, Алешка — кубарем, а следом и его груженные льдиной сани. Любочка каким-то чудом сумела отвернуть и промчаться левее рабочих, а вот Алешка вместе со своими разогнавшимися некстати санями угодил прямо в трудящихся.

— Да растудыт твою, раззява косорукая!

— Виноват, Кузьмич, оплошал маленько. Барышня подбила...

— Мадемуазель! Мадемуазель Люба, одну минуточку!..

С этим взволнованным окриком мимо них торопливо прошел поручик в шинели, перетянутой офицерской портупеей с кобурой на правом боку и шашкой — на левом. С рукояти шашки свешивался красный темляк: знак ордена Анны IV степени.

— Разрешите представиться: личный адъютант вашего батюшки поручик Кольцов. Прошу вас, мадемуазель, срочно следовать за мной. Лихач ждет на дороге.

— Но зачем же, зачем? — настороженно удивилась Люба. — Что-нибудь... Что-нибудь с папой? С папой, да?

— Прошу поспешить, мадемуазель. Покорнейше прошу.

Взволнованная Любочка и суровый поручик прошли мимо Алешки. Рабочие молча смотрели им вслед.

— Господи, неужто полковника убили? — растерянно ахнул Кузьмич.

— Что? — спросил Алешка. — Какого полковника?

— Отец у этой барышни — боевой полковник. С четырнадцатого из окопов не вылезит. Я у них аккурат перед войной комнату для мамзели переделывал.

— Это где — у них?

— На Арбате. Там в переулке дом со львами. Заметный такой дом.

Кузьмич говорил что-то еще, но Алешка уже не слышал. Он смотрел в другую сторону: на расписные саночки с забытым шарфом, который так победно развевался за Любочкиной спиной...

Вечер. Немноголюдные и степенные улицы дворянского центра Москвы стали сегодня оживленными и даже шумными. По ним пронеслись рублевые извозчики, пятирублевые лихачи, а порою и тройки, спешащие в иные места — к «Яру», в «Стрельну».

— Посторонись!..

— Берегись, православные!..

Среди этой праздничной суеты шел усталый Алешка, волоча за собою расписные саночки. Вышел на Арбат. Свернул в переулок и остановился возле дома с двумя каменными львами у подъезда. Вдоль тротуара стояло несколько извозчиков и даже один автомобиль, но в самом доме было тихо.

Алешка втащил саночки по ступеням подъезда, нашел ручку звонка, подергал. Подождал, прислушиваясь, подергал снова, уже понастойчивее.

Дверь открыла заплаканная немолодая горничная:

— Чего тебе?

— Да вот. Санки привез.

— Какие санки, какие?

— Этой...Ну, мамзели вашей. Любочки, что ли. И вот еще. Забыла она.

И достал из-за пазухи аккуратно сложенный шарф. Горничная взяла шарф, всхлипнула:

— Горе-то у нас какое, парень. Отца у нее убили...

Повернулась вдруг и пошла, забыв и про дверь, и про санки. Алешка хозяйственно втащил санки в дом и тихо, без стука прикрыл дверь.

Спустя четыре года

Ораторы, митинги, атаки, обстрелы, конные лавы, падающие люди, лазареты, облепленные мешочниками поезда, беспризорные дети, расстрелы и виселицы, опустевшие города и обезлюдевшие деревни — так промелькнули четыре года человеческих жизней, которые в Гражданскую войну стоят дешевле патрона. Для любого человека каждый день казался тогда невероятно длинным, как самый последний, и каждый год мелькал, как сон, потому что каждое «сегодня» ощущалось как «вчера», а каждое «вчера» было так похоже на «сегодня».

Худое, с обтянутыми кожей скулами, а потому хмурое лицо — это Алешка вслушивается в хрипатый патетический басок:

— За трудовую сознательность, рабоче-крестьянскую дисциплину и преданность мировой революции, а также за призовую стрельбу и понимание текущего момента наградить комвзвода Алексея Трофимова красными революционными шароварами!..

Алексей вдруг широко улыбнулся, и вся его хмурость тотчас же ушла, а тут еще и гармошка заиграла туш.

В заснеженной Москве было тихо. Спешили куда-то редкие прохожие и еще более редкие сани, стояли за чем-то молчаливые очереди, и никуда не торопились еще более редкие постовые на площадях. Столица казалась вымершей.

И совсем уж вымершими казались ее переулки, притихшие в непролазных сугробах. С забытыми наглухо подъездами, с закрытыми на все цепи и засовы железными воротами дворов, с врезанными в окна жестяными трубами буржук.

А вот в одном из домов — большом, каменном, с двумя облезлыми львами у подъезда — жизнь все-таки чувствовалась. И в том, что парадная дверь его не была заколочена, и в том, что на стенах возле подъезда, на самих дверях и даже на львах были расклеены многочисленные рукописные объявления:

«ДОМАШНИЕ ОБЕДЫ. ФРАНЦУЗСКАЯ КУХНЯ».

«СОХРАНИ ЗДОРОВЬЕ.

РЕЦЕПТЫ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ».

«ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ.
ГАДАНИЯ ПО ТИБЕТСКИМ ТАБЛИЦАМ».
«КУЛЬТУРНЫЙ ДОСУГ ЗА КАРТАМИ.
ВИНТ, ВИСТ, ПРЕФЕРАНС, ПОКЕР, БЕЛОТ».
«БЫВ. ВОСПИТАНИЦА СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА ДАЕТ УРОКИ ХОРОШИХ МАНЕР».
«УЧУ НА АРФЕ.
ПРИХОДИТЬ СО СВОИМ ИНСТРУМЕНТОМ».

Из подъезда вышла Любочка в наброшенной на плечи шубке. И шубка была иной, и Любочка — похудевшей и повзрослевшей. Она держала в руках подобное прочим рукописное объявление и присматривала местечко, куда бы его приклеить, когда позади раздался хруст снега, и она оглянулась.

Перед нею стоял Алексей. В буденовке и шинели, подпоясанной солдатским ремнем, на котором висели шашка и револьверная кобура. Он смотрел на девушку в старенькой шубке, на облезлых каменных львов у подъезда, опять — на Любочку, веря и не веря собственным глазам.

Любочка презрительно повела плечиком, кое-как прилепила объявление и, не оглядываясь, убежала в подъезд.

Алексей проводил ее ошарашенным взглядом, потом подошел к объявлению и начал внимательно его читать.

«СЕГОДНЯ ИМЕЕТ БЫТЬ КОНЦЕРТ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЦАРТА. ВХОД ЗА УМЕРЕННУЮ ПЛАТУ С НЕПРЕМЕННОМ ДОБРОВОЛЬНЫМ ПОЖЕРТВОВАНИЕМ ОДНОГО ПОЛЕНА ДРОВ С КАЖДОЙ ПЕРСОНЫ».

В просторной и почти пустой гостиной Любочка расставляла кресла и стулья полукругом перед сдвинутым к стене роялем и тремя пюпитрами. Над роялем висели два увеличенных фотографических портрета: кавалерийского полковника в парадном мундире с многочисленными орденами и пожилой дамы в скромном платье с аккуратным белым воротничком. К углу рамки каждой фотографии была прикреплена узенькая ленточка крепа, а лица на них чем-то напоминали Любочку.

И это было единственным, что уцелело на стенах. Лишь темные прямоугольники невыгоревших обоев указывали на то, что когда-то в этой гостиной висели не только два этих портрета.

Тихо скрипнула дверь в квартиру, но Любочка сразу насторожилась:

— Кто там?

— Это я, Любочка, — ответил женский голос.

В прихожей пожилая няня, которую когда-то Алешка принял за горничную, снимала с плеча сумку. Потом размотала платок, сняла его и тяжелое пальто, присела, стаскивая боты. Из гостиной вышла Любочка. Остановилась в дверях.

— Сегодня имеет быть концерт, няня, — с гордостью сообщила Любочка.

— Что Аркадий Илларионович, поправился? Славу Богу!

— И может быть, принесут дрова, — Любочка убрала пальто и боты. — И будет тепло...
А соль ты достала, няня?

Няня сокрушенно вздохнула:

— Только на столовое серебро и удалось сменить.

— Значит, после концерта закатываем пир! — радостно объявила Любочка. — Напечем картошки в мундирах...

— Бесприданницей останешься, — горестно заметила няня.

— На-пле-вать.

— Дурешка ты еще, — няня помолчала. — На толкучке говорят, что, мол, скоро уплотнять начнут. Тех, кого еще не уплотняли.

— Ну и пусть.

— А где же концерты давать будем?

— Москва большая.

— Москва чужая, — строго поправила няня.

По этой чужой Москве по-хозяйски посередине улицы шли трое. Старший, Рыжий и Младший. И остановились у подъезда со львами, читая объявления.

— Публику приглашают, — со значением сказал Рыжий.

— Угу, — буркнул Старший. И пошли себе дальше.

А в коридоре какой-то незначительной воинской части, вероятнее всего — командирского резерва, Алексей, смущаясь, подошел к другу-одногодке. Помыкался, покурил для разгона и нырнул точно в омут:

— Подмени меня сегодня, а?

— Девчонку встретил, что ли? — прищурился друг.

— Девчонку, — подумав, отчаянно соврал Алексей.

— Хорошо москвичам, — завистливо вздохнул друг.

— Ну, как сказать... — Алексею было неуютно говорить на эту тему, но приятель был себе на уме.

— Баш на баш.

— Какой же тут может быть баш? — резонно засомневался Алексей.

— А такой, что завтра — приказ, кому куда. Так что сегодня я тебя прикрою, завтра — ты меня.

— То есть как это?

— А так, что вместо меня поедешь, если мне так захочется.

— Идет! — сказал Алексей.

И они пожали друг другу руки.

Тем временем в прихожей няня и Любочка деятельно готовились к предстоящему концерту, тем более что из-за закрытой двери гостиной уже слышались звуки самой первой, пробной настройки инструментов. Любочка и няня распахали по углам и стенам оставшуюся мебель, поставили стулья, на которые можно было аккуратно сложить верхнюю одежду посетителей, у входа расположили стол и стул, а за ними расчистили место для будущих постоянных добровольных приношений. Несколько довольно хилых полешек Любочка специально разбросала для намека.

— Кажется, все, няня, — сказала она. — Дровишки — тонкий намек.

— Ступай переодеваться, Любочка, — сказала няня. — Пора уже.

Любочка ушла готовиться к «имеющему быть» концерту, а няня водрузила на стол дачную плетеную корзиночку — тоже «для намека» — и важно уселась на стул.

По заснеженным переулкам Москвы бежал Алексей с огромным поленом под мышкой. Непривычная пока еще шашка все время путалась в ногах.

В прихожей все так же чинно и важно восседала няня. Настройка инструментов за закрытой дверью гостиной стала уверенней и громче, а за спиной няни уже заметно прибавилось дровишек, не зря на стульях были старательно сложены пальто и шубы.

С лестничной площадки вошли две немолодые дамы в совсем немодных и уж тем более недорогих пальто: полная и худощавая.

— Здравствуйте, Алевтина Степановна, — приветливо улыбнулась няне полная дама. — Очень приятно было узнать, что наша Любочка снова занялась концертами.

— Она так музыкальна! — поддержала худощавая. Пролепетав эти слова, дамы застенчиво сунули скомканные ассигнации в плетеную дачную корзиночку и вдруг ринулись назад, на лестничную площадку, откуда и притащили один сломанный стул на двоих.

— Извините, Алевтина Степановна, это единственные дрова, которые нам удалось раздобыть, — виновато призналась худощавая дама. — Я, увы, начала топить буржуйку книгами. Но что же делать, что?

— Кризис, — уточнила полная. — Кризис, как я теперь понимаю, это не высокая температура, как считалось при царе, а низкая. Но все равно это должно быть каким-то признаком. Или выздоровления, или наоборот.

Болтая так, дамы довольно сноровисто разломали стул и сложили обломки в кучу. Затем няня, она же Алевтина Степановна, приняла их порядком потертые в очередях пальто, и дамы, приведя в порядок седеющие прически, прошли в гостиную. И почти тотчас же зазвучал Моцарт, словно оркестранты только и ждали, когда же наконец появятся именно эти дамы.

В гостиной, кое-где сохранившей следы бывшего благополучия, стараниями Любочки были полукругом расставлены кресла. Их чинно занимала в основном пожилая публика, так же старательно сохранявшая следы бывшего благополучия, но больше, правда, в манерах. А четверо музыкантов в тесноватых и уже залоснившихся фраках и какая-то по-особому очень юная Любочка честно отработывали и хлеб, и поленья.

Звучал Моцарт. Ах, как томно, как истово слушали музыку все эти бывшие! Со слезой и умилением, с улыбкой и отрешенностью, с тоской о минувшем и со страхом перед будущим.

— Несчастное дитя, — тихо шепнула худощавая дама полной соседке. — Потерять отца в семнадцатом, а год назад схоронить матушку. Господи, какие страшные времена переживает Россия!

— Да, да, — согласно кивала полная дама. — Но какая сила духа у этой девочки.

— Скажите лучше, какая няня Алевтина Степановна. Не оставила сироту в такое время, когда родные отворачиваются, дети от родителей и родители от детей. А здесь посторонний, по сути, человек...

Оглянулся сидящий спереди старик, посмотрел укоризненно. Дамы смущенно примолкли, но вздрогнули, когда в прихожей глухо хлопнула входная дверь.

На пороге прихожей стоял Алексей в командирской форме и амуниции с поленом наперевес. Он не знал, что делать дальше, куда деть отмотавшее руки полено, и поэтому хмурился.

— Как не совестно шуметь, молодой человек, — укоризненно покачала головой Алевтина Степановна. — Тут приличный дом, а там — она кивнула на гостиную, — концерт. Имеет быть.

— Виноват, — хмуро сказал Алексей и, с натугой припомнив, добавил:

— Я, это... Моцарта уважаю.

— Ну, если уважаешь, тогда бревно свое к стеночке прислони. И раздевайся, у нас — приличный дом. И посильное, — Алевтина Степановна выразительно постучала корзиночкой.

— Это в момент.

Алексей аккуратно прислонил полено, куда велели, снял ремни с оружием, буденовку и шинель и вновь затянулся ремнями.

— Чего это ты, парень, в красных штанах? — удивилась Алевтина Степановна. — Ну будто дятел.

— Награда такая. За призовую стрельбу.

Не без гордости сказав это, Алексей вытащил из кармана неслитную горсть бумажных денежных знаков и высыпал их в корзинку.

— Это много, — строго сказала Алевтина Степановна. — Сказано — посильное. Нам чужого не нужно.

— Для меня — посильное, — пояснил Алексей. — Я позавчера курсы командиров кончил, за три месяца жалованье получил. Командирское. А зачем оно мне на всем-то готовом?

— Матери отдай.

— Мать у меня от тифа померла. А отец еще в четырнадцатом без вести пропал.

— От тифа, — горько вздохнула няня. — У нас тоже от тифа. А отец еще в семнадцатом погиб. Аккурат перед Рождеством. На святках адъютант его приехал из действующей армии...

— Да, — покивал Алексей. — На святки.

Помолчали оба.

— Такие дела, — невесело сказал Алексей. — Можно пройти?

Музыку, звучащую в гостиной, нарушила скрипнувшая дверь, и обе дамы тотчас же оглянулись.

У входа стоял Алексей — увешанный оружием, в ярко-красных брюках галифе и нестерпимо сверкающих сапогах. Он шагнул было, но сразу же остановился, потому что сапоги издали настолько варварский скрип, что оглаживаться начали уже все.

— Вот они, грядущего гунны, — шепнула худощавая дама соседке. — Кажется, у Соловьева?.. Помните: «Слышу ваш топот чугунный по еще не открытым Памирам...»

— Какой кошмар! — с чувством откликнулась полная дама.

Тем временем Алексей углядел стул, стоявший за большими кабинетными часами, и на цыпочках подался к нему через всю гостиную, подхватив шашку. При этом сапоги продолжали скрипеть, и все провожали его испепеляющими взглядами. Однако он благополучно добрался до стула, со стуком опустил между колен шашку, перевел дух и откровенно воззрился на Любочку.

А Любочка начала сердиться. Она презрительно поводила плечиками, вздергивала подбородок и оттопыривала локотки, продолжая аккомпанировать. Публика, среди которой этот неизвестный командир был нестерпимо, вульгарно чужим, с откровенным презрением изучала его обветренное, худое, простецкое лицо, начищенные сапоги и варварские галифе.

Оркестранты продолжали играть, музыка — звучать, публика — ностальгически грустить, и никто как-то не обратил внимания на короткий странный шум в прихожей: вроде бы охнул кто-то, что ли. Все были заняты музыкой и разглядыванием красного командира в красных штанах и, по всей вероятности, восприняли этот шум как еще одно проявление уже ворвавшегося в чинную обстановку новоявленного варварства. Только Алексей настороженно прислушался, глядя уже на дверь.

Дверь распахнули ударом ноги, и в гостиную ворвались трое: Старший, Рыжий и Младший. У Старшего и Рыжего были в руках револьверы, а у Младшего — большая черная кошелка.

— Не рыпаться! — крикнул Старший.

Никто и не думал рыпаться. Даже музыка смолкла не сразу, а как бы захлебнулась: кто-то уже перестал играть, кто-то некоторое время еще прилежно концертировал. Тем временем Рыжий быстро прошел к окнам, Алексей тихо и незаметно скользнул за часы, а Младший хозяйственно раскрыл большую кошелку.

— Без шухера выворачивайте карманы, — уже вполне спокойным голосом приказал Старший. — Брошки — сережки, портмоне — портсигары и прочие уже не нужные вам остатки проклятого прошлого. Все в кошелку. Без шума. Давай.

Последнюю команду он отдал Младшему, который сразу же направился к оркестрантам, чтобы не просто грабить, но и видеть перед собою всех, кого грабил, так сказать, на общей картине.

— Эй, артисты, давай «Яблочко», — ухмыльнулся Рыжий.

— Давай, давай, наяривай!..

И оркестранты, кто в лес, кто по дрова, послушно затаили весьма популярную в те времена мелодию. Только без фортепьянного сопровождения, поскольку после требования Рыжего Любочка тотчас же встала и застыла рядом со своим инструментом, побледневшая, но решительная.

А Алексей продолжал укрываться за часами. Он присматривался, изучал противника, выжидал удобного момента, и в руке его уже привычно расположился наган.

Младший приблизился к оркестрантам, кое-как пиликавшим заказанное, и весьма возможно, что оставил бы их в покое, занявшись публикой в креслах, если бы Любочка сидела. Но она стояла, а потому Младший сразу же шагнул к ней и схватил цепочку с висевшим на ее шее кулоном, а Любочка, ни секунды не раздумывая, тут же вlepила ему пощечину. Младший от неожиданности дернулся, отскочил и потянулся к голенищу за ножом.

Вот тут Алексей и шагнул из-за часов. Вскинул наган, выстрелил, почти не целясь, и Старший, выронив револьвер и болезненно охнув, схватился за руку.:

— Бросай оружие, — Алексей уже развернулся и сунул револьверный ствол Рыжему в лицо. — И мордой в пол.

Рыжий поспешно исполнил указание. Алексей ногой отшвырнул его револьвер подальше и, не давая опомниться, резко выкрикнул:

— На пол, шпана! При счете два открываю огонь на поражение. Раз!..

Два говорить не потребовалось: все трое налетчиков легли на пол. Оркестранты по инерции все еще наяривали «Яблочко». Алексей оглянулся на них, сердито махнул рукой, и разудалая мелодия оборвалась на полуноте. А он встретился глазами с Любочкой.

— Мерси, — тихо сказала она.

— Бывает, — согласился он и вдруг нахмурился:

— Мужчины есть, публика?

Несколько пожилых господ неуверенно поднялись с кресел. Первым встал еще крепкий старик в поношенном офицерском мундире:

— Так точно.

— Повяжите их. А пока — перерыв.

Сразу же громко заплакала полная дама: нервы не выдержали. А Алексей, еще раз оглянувшись на Любочку, быстро пошел к дверям. Любочка провожала его взглядом, еще ничего не понимая, но уже предчувствуя, что этот незнакомый командир в нелепых красных штанах ворвался в ее размеренную жизнь навсегда.

Алексей вышел в прихожую и сразу же плотно притворил за собою дверь.

За столом, упав головою в пустую плетеную корзиночку, по-прежнему сидела Алевтина Степановна, только с проломленного седого виска медленно стекала на уже холодеющую щеку тоненькая струйка крови...

Старый комэска

По весенней, залитой алым цветом распустившихся тюльпанов степи идет эшелон. Теплушки, платформы с тачанками и зарядными ящиками, молодые смеющиеся лица красноармейцев в распахнутых воротах вагонов, старенький паровоз. На теплушках мелом: «ДАЕШЬ МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ!»

Только-только начинает светать: солнце еще за горизонтом, но высоко вверху уже ясно видно небо без единого облачка. Пустыня.

По пустыне с бархана на бархан в то начинающееся утро ехали шагом три всадника. Впереди — пожилой усатый старшина, следом — Любочка в широкополой соломенной шляпе, а за нею — комвзвода Алексей Трофимов. За ним в поводу шла четвертая лошадь, нагруженная двумя корзинками и большим чемоданом.

— Жить можно, — продолжал неспешный разговор старшина. — Жить везде можно, была бы вода. Вот ужо щель проедем, значит, и жить будем.

— Какую щель? — насторожилась Любочка.

Старшина понял, что переборщил в своих намеках. Крякнул с досады, попробовал успокоить:

— Ну, поговорка тут у нас такая. Это когда басмачи тут шуровали. Сейчас потише стало, за границу их вышибли.

— Значит, здесь нет басмачей?

— Ну, как сказать. Вообще-то жить можно, но бывает.

— Что бывает?

— Банды приходят. В кишлаке Огды-Су недавно всех вырезали, — старшина вдруг спохватывается. — Нет, жить можно, можно! Это я так, случай рассказал просто.

Любочка с беспокойством оглянулась на Алексея. А он ответил ей широкой счастливой улыбкой.

Пустыня кончилась. Всадники стояли перед узким проходом в обрывистой горной цепи, еще не освещенной солнцем, а потому особенно черной и особенно страшной.

— Чертова щель, — скрывая беспокойство, сказал старшина. — Горы проедем, до наших — рукой подать.

Он перебросил винтовку на грудь, снял затвор с предохранителя и решительно послал коня в Чертову щель.

В узкой и извилистой горной теснине было мрачно и сурово. Старшина уже держал винтовку в руках, опасливо и настороженно вглядываясь в нагромождения камней, ломаную линию скал, встречные расселины и тупички.

Но было тихо. Четко доносился дробный перестук лошадиных копыт.

Молодой басмач в темном халате увидел едущую по дну ущелья четверку коней с тремя всадниками сквозь прорезь прицела.

Он уже изготовился для выстрела. Но тут на его плечо легла рука. Басмач поднял голову. Над ним склонился полный туркмен в чалме. Он отрицательно покачал головой и приложил палец к губам.

Молодой послушно опустил винтовку.

...Кончилось темное и мрачное ущелье. Всадники проехали горную цепь, оказавшись на участке степи, покрытой цветущими тюльпанами.

— Тюльпаны, — радостно заулыбалась Любочка. — Смотри, Алеша, тюльпаны!..

— Опасное место, — сказал старшина, сделав вид, что вытирает пот, а на самом деле тайком перекрестившись. — Пронесло...

Теперь они ехали по степи, и кони вроде бы шли куда бодрее, чем до Чертовой щели. Но старшина вдруг остановился.

Впереди послышался конский топот, а затем из-за холма выехали трое вооруженных всадников в красноармейской форме. Это был дозор, и старший подъехал к Любочке, старшине и Алексею.

— Комэск приказал узнать, где вы тут. Чего задержались?

— Поезд опоздал, — сказал Алексей.

— Значит, все нормально?

— Проскочили, — улыбнулся старшина.

— В щели тихо?

— Даже перекрестился. Туда нацелился?

— Поглядим заодно. Вы езжайте покуда.

— С Богом, как говорится.

— С пролетарским напутствием, — строго поправил старший дозора. — Бога нет, выдумки империалистов.

И они разъехались.

Затерявшиеся в песках несколько казенных строений. Коновязь, колодец, глиняный дувал, будка с часовым, сложенная из почерневших бревен вышка.

Во дворе — много бойцов. Они занимаются выездкой и рубкой, чистят лошадей, стоят в очереди у кузницы с расседланными лошадьми в поводу. Или просто балагурят вместе со старшиной в узкой полоске тени.

А посреди двора — хмурый командир эскадрона. Он выглядит не молодо, но покавалерийски жилист и перетянут перекрестием офицерских ремней. Перед ним — Алексей: красные штаны его среди бойцов, одетых в потрепанное и разностильное обмундирование, выглядят нелепо.

Позади у корзин и чемодана — растерянная Любочка. Комэск придирчиво изучает документы нового взводного. Потом возвращает их Алексею и громко спрашивает:

— А жену зачем привезли? У меня — три сотни бойцов, общая казарма, общая баня.

— Но, товарищ командир...

— Никаких «но». Дам сопровождающих, три дня отпуска. Отвезете в город. Все!

Резко повернувшись, он уходит в канцелярию. И почти сразу оттуда же выбегает молодой командир в казачьем бешмете с газырями, шашкой и кинжалом на узком наборном ремешке и лихим чубом из-под кубанки:

— Господи, неужто и вправду из самой Москвы? С прибытием! Командир первого взвода Иван Варавва.

— Трофимов, — Алексей делает неуверенный жест. — А это — Люба. Жена моя.

— Ваня, — Варавва звонко щелкает шпорами. — Извините, что встречаю без цветов. Клянусь, это в последний раз.

Любочка видит перед собою веселого, ловкого, подтянутого командира, в котором все — от сапог до кубанки — граничит со щегольством, и впервые несмело улыбается:

— Лю...

И замолкает, глядя мимо Вараввы. И улыбка постепенно сходит с ее лица.

Во двор на полном скаку влетел всадник. Это — старший дозора. Осадив коня, крикнул сорванным голосом:

— Курбаши у Чертовой щели!..

И упал на песок, подставив солнцу окровавленную спину.

Варавва срывается с места:

— По коням!..

С разбега прыгнул в седло, бросил лошадь в галоп, тут же скрывшись за воротами. А за ним уже скачут бойцы. Скачут вразброд, полуодетыми, на скаку хватая оружие, на неоседланных лошадях, порою прыгая из окон казармы на конские спины.

Вмиг пустеет двор. Остались только растерянный старшина, местный боец-переводчик, чумазый кузнец да Алексей с Любочкой.

Чуть позже — разгневанный комэск на крыльце канцелярии.

— Куда?.. Стой!..

Но исполнять команду уже некому...

А убитый все еще лежит посреди двора. И пока старшина с переводчиком уносят его, командир эскадрона в упор смотрит на Алексея Трофимова.

И Алексей виновато опускает глаза.

— В прошлый четверг комиссара моего зарубили, — тихо говорит комэск. — За букварями для бойцов ездил... — и вдруг сухо и требовательно:

— Пулеметом владеете?

— Владею... — Алексей теряется: он не привык к таким стремительным переходам. — Награжден красными революционными шароварами...

— Возьмете пулемет, установите на вышке.

— Есть!

Алексей убегает. Комэск поворачивается к Любочке:

— А вы...

Командир вдруг замолк на полуслове, и Любочка со страхом ждала, что он еще скажет. А комэск молча взял чемодан, обе корзины и перенес их в тень.

— Пожалуйста, старайтесь как можно меньше бывать на солнце. Здесь оно беспощадно, мадам.

Щелкнул шпорами, резко, по-офицерски, кивнул, точно говоря непрозвучавшее, но такое для нее знакомое «Честь имею», и ушел.

На вышке Алексей уже установил пулемет, когда туда поднялся комэск. Молча проверил прицел, просмотрел пулеметные ленты. Поймав веселый взгляд Алексея, усмехнулся:

— Какого года?

— Второго, товарищ командир.

— Значит, сразу — на курсы?

— Так комсомол приказал.

— А жениться вам тоже комсомол приказал?

— Это мой личный вопрос, — нахмурился Алексей.

— Ваш личный? Ошибаетесь, взводный. Женитьба — дело чести вашей, а не вопроса.

Алексей растерялся настолько, что, поморгав, совсем не по-уставному протянул:

— Чего-о?..

— Когда вы просите женщину вручить вам руку и сердце, вы внутренне даете самому себе слово чести, что всю жизнь будете служить ей щитом и опорой. Что в любых несчастьях, болезнях, горестях вы не покинете ее и никогда не предадите. Никогда.

— Ну это — само собой, — рассудительно сказал Алексей.

— На всю жизнь — слово чести, взводный. А жизнь может оказаться длинной. Даже при нашей с вами профессии.

— Какая же это профессия? — с ноткой превосходства удивился Алексей. — Военный — это никакая не профессия. Это просто служба такая.

— И долго же вы просто служить собираетесь?

— До победы мировой революции, — чуть запнувшись, но твердо сказал взводный.

— А потом?

— Когда — потом?

— После победы мировой революции?

— После победы? — Алексей смущенно улыбнулся. — После победы я учительствовать пойду. Вот учитель — это настоящая профессия, товарищ командир эскадрона.

— А я, представьте себе, всю жизнь гордился своим делом, — комэск вздохнул. — И отец мой им гордился, и дед. Другие знатностью гордились или богатством, а мы — профессией.

— Что же это за профессия такая?

— Родину защищать. Есть такая профессия, взводный: защищать свою родину.

И застеснявшись патетики, поднял к глазам бинокль.

Вечерело. Любочка сидела на ступеньках крыльца, а за ее спиной, в казарме, бойко стучал молоток. Двое бойцов пронесли мимо нее щиты от мишеней, густо пробитые пулями.

— Едут! — закричал дежурный. — Наши возвращаются! Дневальные распахнули тяжелые створки ворот, и во двор въехал Варавва. За ним в окружении бойцов следовал верхом на лошади тяжеловесный угрюмый туркмен в дорогом халате со связанными руками.

— Курбаши взяли! — восторженно закричал старшина. — Варавва самого Моггабит-хана повязал!

Кричали «Ура!», салютовали клинками, подбрасывали фуражки. Переводчик, потрясая кулаками, кричал что-то, приплясывая перед белой лошадей, на которой сидел пленный курбаши, чумазый кузнец почему-то бил железным шкворнем по вагонному буферу, подвешенному у кузницы.

Комвзвода Варавва, спешившись, подошел к крыльцу и протянул Любочке букет диких тюльпанов.

— Еще раз — с приездом.

— Спасибо, — Любочка во все глаза смотрела на Варавву.

— Кто это на лошади, Ваня?

— Это? Бандит, Любочка. Командир басмачей, — он прислушался к гортанным крикам переводчика, нахмурился. — Странно. Керим неточно переводит.

— А вы знаете местный язык?

— Поживете здесь, не то еще узнаете.

И тут вдруг весь многоголосый двор примолк, замер: на крыльцо канцелярии в полной форме и при оружии вышел командир эскадрона. Только переводчик Керим все еще бесновался перед пленным курбаши. Комэск строго глянул на него. И увидел вдруг, что глаза Керима совсем не соответствуют его истерическому торжеству: в них были растерянность и страх... Впрочем, это длилось мгновение: заметив командира, переводчик сразу замолчал и скрылся среди бойцов.

— Имейте в виду, Моггабит-хан, — громко сказал комэск, — если ваши бандиты надумают освободить вас налетом, я собственноручно прострелю вам голову. Увести!

Курбаши увели. Площадь снова возликовала, но командир эскадрона поднял руку, и все смолкли.

— Комвзвода Варавва.

— Ну вот, опять влетит, — без особого, впрочем, огорчения сказал Иван Любочке и, подойдя к командиру, молча отдал честь.

— Товарищи бойцы! — громко сказал комэск. — За поимку крупнейшего бандита и ярого врага трудящихся Моггабит-хана объявляю вам благодарность!..

— Ур-ра!.. — восторженно закричали бойцы.

...И Алексей кричал вместе со всеми.

Быстро темнело. Переговариваясь, бойцы расходились со двора. Зажглись керосиновые лампы в дежурке и в казарме, засветилось окно канцелярии: за занавеской виднелась тень командира эскадрона. А Любочка с Алексеем сидели на крыльце, и за их спинами все так же бойко стучал молоток.

— Лучше ты меня в Москву отправь, — вдруг сказала она.

— Москва далеко.

— Ты меня только в поезд посади. Посади и все. Я до самой Москвы выходить не буду... — Она беззвучно заплакала, и в казарме враз смолк молоток.

— Ну ладно, ладно, — с неудовольствием сказал Алексей. — Ну поговорю завтра, потребую.

Из канцелярии вышел командир эскадрона. Прикурил: спичка на миг осветила лицо.

— Зачем же завтра? — шепотом спросила Люба. — Ты сегодня иди. Сейчас.

Алексей хмуро молчал.

— Может быть, ты только с налетчиками смелый? — настойчиво продолжала она. — Нет, уж, пожалуйста, ничего на завтра не откладывай. Ты прямо сейчас иди.

— Ну и пойду, — злым шепотом отвечал Алексей, не трогаясь с места.

— Ну и иди. Иди.

— Ну и пойду! — он встал, одернул гимнастерку, повздохнул, посопел, но все же прошел на крыльцо канцелярии, где в одиночестве курил командир эскадрона. — Разрешите обратиться, товарищ командир?

— Тише, — с неудовольствием сказал командир. — Бойцы отдыхают.

— Виноват, — шепотом сказал Алексей. — Я спросить.

— Слушаю вас.

Алексей вздохнул, потоптался. Выпалил вдруг:

— Какой взвод принять прикажете?

— Пока никакой, — комэск с трудом сдержал улыбку. — В распоряжение комвзвода Вараввы.

— Есть, — уныло сказал Алексей и, откозыряв, вернулся к Любочке.

И вздохнул, усиленно пряча глаза. А Любочка глядела на него с тем великим сочувствием, с каким женщины смотрят на заболевших ребятишек. И вздохнула. Алексей вздохнул в ответ.

Скрипнула позади дверь. Из казармы вышел старшина.

— Вечеруете? Отбой был, между прочим.

— Да нам вроде некуда, — почему-то виновато улыбнулся Алексей.

— Как это некуда? В казарму ступайте. Командир приказал угол для вас выгородить, — сказал старшина и пошел через двор к эскадронному.

— Ну вот, видишь? — вдруг воодушевился Алексей. — Пошел, поговорил, и сразу...

Любочка так глянула на него, что он тут же нагнулся за вещами.

В длинной казарме, тускло освещенной свисавшей с потолка керосиновой лампой, фанерными щитами была выморожена комнатка. Там тоже горела лампа, и свет ее прорывался в казарму через многочисленные пулевые пробоины.

Алексей и Любочка пробирались между нар, на которых вповалку спали бойцы. Откинули брезентовый полог выгородки и... вошли в крохотное помещение. Здесь стояли два топчана, покрытых тощими солдатскими одеялами, и маленький столик с керосиновой лампой.

— Какая прелесть, Алеша! — шепнула Любочка, восторженно оглядывая первую в ее жизни армейскую квартиру.

Алексей скептически оглядел тонкие фанерные стенки, за которыми слышались храп и бормотание бойцов, и сказал:

— Ничего. Жить можно.

Любочка начала было расстегивать кофточку, но вдруг замерла, прижав руки к груди.

— Ты чего? — спросил муж. — Спать пора, тут подъем в четыре.

— Дырки!.. — почти беззвучно прошептала она. Алексей внимательно осмотрел мишени, проверил растопыренной пятерней расстояния, сказал с удовлетворением:

— Кучно стреляют. Молодцы!

И задул лампу.

Усталый храп стоял в казарме. На нарах, сунув скатанные шинели под головы, спали бойцы.

Алексей тихо прошел мимо и подошел к дневальному, который чинил латанную-перелатанную гимнастерку при свете маленькой керосиновой лампы.

— Не спится, товарищ командир?

— Где мне комвзвода Варавву найти?

— Наверняка еще в канцелярии. Книжки он учит.

В канцелярии за столом друг против друга сидели командир эскадрона и Иван Варавва.

— Первый закон воинской службы?.. — тянул Иван, соображая. — Атаковать, Георгий Петрович?

— Первый закон нашей службы — дисциплина, — строго сказал командир. — А ты его сегодня нарушил. Грубейшим образом!

— Георгий Петрович, но курбаши...

— Командир думать обязан, Ваня. Думать, а не просто шашкой махать. Увести эскадрон без приказа, без разведки...

— Некогда думать было, Георгий Петрович. Курбаши мог опять за границу сбежать.

Вошел Алексей. Увидев командира, неуверенно затоптался у порога.

— Что, взводный, не спится на новом месте? — улыбнулся комэск. — Ну, у вас еще вся жизнь впереди: привыкнете приходить к командиру только тогда, когда он вас вызывает.

— Да я, это...

Алексей вздохнул и замолчал. А Иван засмеялся.

— Спряжения повторить, — строго сказал ему комэск и встал. — Завтра спрошу. Счастливо оставаться.

И вышел. Алексей подошел к столу, спросил удивленно:

— Какие спряжения?

— Английские, — очень серьезно сказал Иван. — У меня, понимаешь, к языкам способности оказались. Местный сам выучил, а с английским Георгий Петрович помогает.

— Крутой командир, — вздохнул Алексей, закуривая. — А тебя и ночью в покое не оставляет?

— Все правильно, — сказал Иван. — Командир думать обязан, а не только шашкой махать.

— Это я только что слышал.

И оба весело рассмеялись.

— Слушай, Алешка, а как ты Любу уговорил замуж за тебя выйти? — вдруг очень заинтересованно спросил Варавва. — Вроде не нашего поля ягода.

— Любаша? — Алексей улыбнулся. — Сбила меня эта ягода.

— Как сбила?

— Санками. И полетел я, Ваня, вверх тормашками.

Алексей встал, распахнул окно, присел на подоконник.

И тотчас же чья-то гибкая тень выскользнула из освещенного круга.

— Я, знаешь, чего к тебе, — уже серьезно продолжал Алексей. — Любаша-то у меня беременна. Да. Ребенка ждем, — он говорил солидно, как будущий отец, но — вздохнул, не удержался. — Может, и вправду ее лучше в город отправить, а? Что скажешь?

Иван подошел, вынул из кармана монетку, подбросил, поймал, накрыл ладонью.

— Что? — заинтересованно спросил Алексей.

Иван убрал ладонь, глянул:

— Остается.

И спрятал монетку в карман, так и не показав ее Алексею.

Ночь на дворе. Южная, густая.

Всхрапнула неподалеку лошадь. Выскочил из будки полусонный часовой:

— Стой? Кто идет?..

Тишина.

Полумрак в казарме. Еле светит прикрученная лампа. Спит дневальный, уронив голову на стол и недолатав гимнастерку.

Вошел Алексей. Постоял над спящим дневальным, прикрутил фитилек лампы, тихо прошел в свой закуток.

— Спишь, Любаша? — шепотом спросил он.

Тишина. Только храп за фанерными стенками.

Алексей повалился на свой топчан и мгновенно уснул, так и не заметив, что соседний топчан, на котором должна была бы спать Любочка, пуст...

— Как это могло случиться?

Гневный голос командира эскадрона гремит в притихшей канцелярии. Здесь — Варавва; подавленный, за считанное время осунувшийся Алексей и растерянный виноватый дневальный.

— Заснул маленько.

— Арестовать.

Во дворе неожиданно гремит выстрел. И — крик дежурного:

— Басмачи!..

Двор. Раннее утро.

Из казармы выбегают бойцы. Тащат пулемет, коробки с лентами. Занимают боевые ячейки вдоль глиняного дувала.

На крыльце канцелярии — комэск, Варавва и Трофимов.

— С белым флагом они! — кричит с вышки боец.

— Комвзвода Варавва, выехать на переговоры, — сухо распоряжается командир.

— Есть. Керим!

— Есть Керим! — слышится бодрый голос: от группы бойцов идет переводчик.

Старшина уже выводит из конюшни лошадей. Иван легко вскакивает в седло, одергивает бешмет.

— В пустую болтовню не вступайте... — комэск вдруг замолкает, глядя на Керима.

Керим садится в седло, откинув полу халата. И теперь отчетливо видно, что брюки его испачканы сухой глиняной пылью.

— Понятно, товарищ командир, — нетерпеливо говорит Варавва. — Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

Дневальные распахивают тяжелые створки ворот, и Иван с переводчиком выезжают со двора.

Трое верховых ждут на бархане. Один — с белым флагом — чуть в стороне. В центре — полный мужчина и ловкий молодой басмач в английском френче. Он нервничает, дергается и вдруг, бросив поводья, начинает кричать, бурно жестикулируя.

Против басмачей стояли Варавва и переводчик.

— Илляз-бек знает, кто взял в плен его отца, — не без удовольствия переводил Керим. — Он поклялся бородой пророка, что казнит тебя самой мучительной смертью.

Варавва невозмутимо поклонился и спокойно сказал:

— Моггабит-хан пока жив и здоров. Но если вы попытаетесь атаковать нас, мой командир пристрелит его без суда. Так мне приказано передать, и вы знаете слово моего командира.

Керим перевел. Затем медленно и солидно заговорил по-русски полный басмач:

— Джигиты не должны угрожать друг другу. Джигиты должны уважать друг друга. Мы уважаем слово вашего начальника и не будем отбивать Моггабит-хана. Мы предлагаем обмен.

— Обмен? — Варавва сразу перестал улыбаться.

— Мы предлагаем обменять курбаши на молодую жену нового командира. Это хороший обмен: мы предлагаем две жизни за одну.

— Я должен посоветоваться.

— Мы согласны ждать до вечернего намаза.

— Нет, — решительно сказал Иван. — До утреннего намаза.

Опять что-то страстно закричал Илляз-бек. Но ни полный басмач, ни переводчик не стали его переводить.

— Хорошо, мы ждем до утра, — сказал полный. — Но с первым криком муэдзина мы вынем неверного гаденыша из грешной утробы его матери, джигит. И пришлем в подарок новому командиру.

Басмачи вдруг круто развернули коней и мгновенно скрылись за барханом.

— Я не могу взять этого на свою совесть! — выкрикнул Иван.

Канцелярия. Здесь — Варавва, командир эскадрона. В углу, сгорбившись, — потерянный Алексей.

— Что же ты предлагаешь? — тихо спросил комэск.

— Отбить!

— У нас — триста сабель, у Илляз-бека — раза в три больше. Думать надо, Варавва. Думать.

— Ничего не надо, — с глухим отчаянием сказал вдруг Алексей. — Нельзя отдавать курбаши, нельзя. Мы не можем, не имеем права. Это не выход.

— Выход, — вздохнул комэск, доставая деревянный портсигар. — Закуривайте. Сама женщина уйти не могла, значит, кто-то ее увел. А увести мог только тот, кого она считала своим.

Все молча курят. Думают.

— Керим, — размышляя, не очень уверенно сказал Иван. — Керим вчера неточно переводил, Георгий Петрович. Мелочь, конечно.

— Любопытная мелочь, — карандаш командира эскадрона пополз по лежащей перед ним на столе карте-трехверстке. — В тринадцати верстах к северу — железная дорога. В будке обходчика — телефон. Наш единственный шанс.

— За ворота не выскочишь — басмачи кругом, — вздохнул Иван. А ночи ждать — не успеем.

— Не выскочишь, это верно, — сказал комэск, что-то прикидывая. — Не выскочишь... А вот если выскользнуть... Позови старшину, Иван. И пусть заберет халат у курбаши. Халат, пояс, чалму.

— Есть, — Иван вышел.

Комэск молча разглядывал карту.

— Пустыня? — спросил Алексей.

— Песок. Тринадцать верст верхом — это тридцать по степи. А пешком — все пятьдесят. Вошли Варавва и хмурый старшина. Старшина нес халат, пояс и чалму пленного курбаши. Молча откозырял, остался у входа.

— Есть задание, старшина, — начал командир эскадрона, — дойти до будки...

— Я пойду, — вдруг сказал Алексей.

Комэск глянул на него, снова повернулся к старшине:

— Знаю, это почти невозможно. Но не дойти — тоже невозможно.

— Пойду я, товарищ командир, — упрямо повторил Алексей. — Басмачи не знают меня...

— А сам ты что знаешь? — крикнул Иван. — Ты же только вчера прибыл, ничего ты не знаешь!..

— Пойду я, — с несокрушимым упорством повторил Алексей. — Пойду, потому что дойду. Дойду, товарищ командир! Я — дойду.

В дальнем углу двора, за кузницей и кустарником у глиняного дувала, стояли комэск и человек в чалме и халате, которые старшина снял с пленного курбаши. Это был Алексей. Командир давал последние инструкции с глазу на глаз:

— Строго на север. Басмачи — у Чертовой щели. Подробности — в пакете, зачитаешь по телефону. Пакет уничтожить при любых обстоятельствах.

Алексей молча кивнул, спрятал пакет на груди. Комэск вынул из кобуры наган, протянул Алексею:

— Этот наган хорошо выверен и пристрелян на центральный бой. Я с ним всю мировую прошел.

— Спасибо. Два — лучше, чем один.

— До вечера не пить. Язык распухнет, все равно — не пить. Ни глотка.

Алексей опять кивнул.

— Закон здесь один: живым не сдаваться. Ну, счастливо. Комэск подставил спину, и Алексей, опершись на нее, одним махом перескочил через дувал. Командир послушал, повернулся, собираясь уходить, и вдруг остановился.

На глиняном дувале были видны отчетливые полосы: кто-то перелезал здесь, упираясь в стену коленями.

— Не дойдет, — вздохнул старшина. — Столько верст по пескам.

— Не каркай, — отмахнулся Иван.

Вошел комэск. Посмотрел на старшину, подумал:

— Керима ко мне. Срочно.

Старшина вышел. Иван и командир переглянулись, а потом Иван отошел к дверям и расстегнул коробку маузера.

Вошел Керим:

— Звал, начальник?

Комэск молча в упор смотрел на него, и переводчик, не выдержав, отвернулся.

— Зачем звал?

— Расстегни халат.

— Халат?.. Пожалуйста.

Керим развязал пояс, распахнул халат. За ремнем — маузер. Колени — во въедливой сухой глиняной пыли.

— Где ты так испачкал брюки, Керим?

— Где? А, это... Это, понимаешь...

Переводчик выхватил маузер, и тотчас же стоявший за его спиной Иван резко ударил его по руке. Маузер со стуком полетел на пол.

— Спокойно, Керим, спокойно, — сказал Варавва, поднимая упавший маузер.

— Гадина, — брезгливо поморщился комэск. — Расстрелять.

— Нет! — Керим упал на колени, пополз к ногам командира. — Все скажу, все! Только не убивайте. Не убивайте!..

Пустыня. Уже нестерпимо палит солнце.

По пескам бредет Алексей. Оступается, падает, встает. Сверяет направление по компасу, шатаясь, бредет снова.

У него страшное, опаленное солнцем лицо. На черных губах запеклась кровь.

Бредет Алексей. Упрямо. С бархана на бархан. А Керим, склонившись над картой-трехверсткой, дает показания:

— Женщина спрятана в мазаре Хромого хаджи, — палец неуверенно скользит по карте. — Вот здесь.

— Охрана? — резко спрашивает командир эскадрона.

— Пять человек.

— Пароль?

— Зачем пароль? Они меня знают.

В канцелярии кроме комэска и Керима Иван и старшина.

— Если ты соврал, Керим, или просто забыл что-нибудь сказать...

— Я ему напомню, Георгий Петрович, — сквозь зубы процедил Варавва.

— Пятеркой командует Абдула. Тот, что вырезал красных в кишлаке Огды-Су, — поспешно добавил Керим. — Он очень боится расплаты и верит только собственным глазам.

— Увести.

Старшина и Керим выходят.

— Что делать, если противник верит только собственным глазам, Ваня? — вдруг почти весело спросил комэск. — Надо сделать так, чтобы собственные глаза его обманули.

Пустыня. Солнце в зените.

Короткая тень, покачиваясь, медленно движется с бархана на бархан.

С огромным трудом, хрипя и задыхаясь, Алексей поднимается на очередной бархан и вдруг ничком падает в горячий песок.

Перед ним — железная одноколейная дорога, домик обходчика, колодец. Семь лошадей привязаны возле колодца.

Шестеро басмачей в тени у домика.

Алексей отползает, достает фляжку. С трудом проглатывает сухой колючий комок и, осторожно сняв чалму, льет воду на затылок. Тщательно промывает глаза. И лишь чуть-чуть смачивает губы.

Ложится на песок, раскинув руки. Он отдыхает, копит силы. Он готовится к бою.

Тесная комнатка путевого обходчика. Инструменты, флажки, фонари. И — телефонный аппарат на стене. Огромный, с ручкой, как у кофейной мельницы.

Возле него — перепуганный старик. Напротив — молодой красивый басмач. Улыбаясь, поигрывает маузером.

Резкий телефонный звонок. Старик испуганно вздрагивает. Молодой, улыбаясь, медленно поднимает маузер. Обходчик хватает телефонную трубку, кричит громким, ненатурально бодрым голосом:

— Шестьсот седьмой! Что?.. Все в порядке! Тишина у нас. Тишь говорю, благодать божия!..

Вешает трубку, дает отбой. Басмач, улыбаясь, опускает маузер.

Тишина обрывается криками во дворе. Басмач смотрит в окно.

К домику обходчика, пошатываясь, медленно бредет человек в чалме и халате.

Басмачи кричат, машут руками, но Алексей упорно идет прямо к колодцу. И когда оказывается под его прикрытием, вдруг разворачивается и выхватывает из-под складок халата два офицерских нагана-самовзвода.

Он стреляет одновременно из обоих стволов, он недаром получил красные шаровары за призовую стрельбу. Три залпа, и шестеро басмачей корчатся на песке.

А седьмой из окна стреляет в него. Дважды бьет мимо, но Алексей не успевает увернуться, и третья пуля отбрасывает его от колодца.

Улыбаясь, красивый басмач тщательно целится, чтобы добить противника. И в этот момент массивный гаечный ключ тяжело обрушивается на его голову. Басмач падает грудью на подоконник, а старый обходчик яростно продолжает бить по черной барашковой папахе. И вдруг замирает.

На пороге домика — Алексей.

— Телефон. Срочно...

Вечер. Конюшня. Мерно похрустывают сеном лошади. Чьи-то руки старательно обвязывают конские копыта старой кошмой.

Вечер. Канцелярия. Варавва и командир эскадрона.

— От нас до мазара в два раза дальше, чем от мазара до банды Илляз-бека, — негромко говорит комэск. — Если Абдула подаст сигнал...

— Не подаст, Георгий Петрович. Может, кто другой и попытается, а за Абдулу я ручаюсь.

— На всякий случай мы будем ждать вас в скалах. А Кериму не доверяй: единожды предавший предаст в любую минуту.

— Побоится.

— Если что... — комэск не привык к торжественности. — Я тебя к ордену представил за пленение Моггабит-хана. Документы и мой рапорт в столе. Вот ключ.

— Товарищ командир... Георгий Петрович...

— Учись, Ваня. всю жизнь учишься и всю жизнь помни, что противник всегда может оказаться умнее тебя.

Вечер. Возле будки обходчика — шестеро убитых и семь лошадей. Алексей отбирает двоих, успокаивает, подтягивает подпруги. С трудом взбирается в седло, вторую лошадь привязывает сзади на длинном поводе.

Старик-обходчик приносит фляги с водой. Крепит их к седлу второй лошади, вздыхает озабоченно:

— Ранен ведь, сынок. Не доедешь.

— Доеду.

И опять в тихом голосе Алексея — суровое несокрушимое упорство.

Ночь. Беззвучными тенями скользят по пескам две лошади. Безмолвные всадники ссутулились в седлах.

— Стой!

Из темноты шагнули двое. Прищуренные глаза — на прорезях прицелов.

— Это я. Керим.

Всадники спешили. Впереди — Керим, за ним — Варавва в надвинутой на глаза папахе. Ствол его пистолета упирается в спину Керима.

— Кто это с тобой?

— Свой. У него важные известия. Где Абдула?

— В мазаре. Жрет плов и рассказывает...

Резкий удар обрушился на первого часового. И тут же второй, выронив оружие, со стоном падает на песок.

— Правильно, товарищ командир, — прошептал Керим, — стрелять нельзя, Илляз-бек рядом.

Ночь. С бархана на бархан скачет Алексей. На скаку пересаживается на свежего коня.

Ночь. Глиняный дувал чуть угадывается в темноте.

Две фигуры бесшумно приближаются к дувалу.

За дувалом рубиново светится тлеющий костер. У костра трое. Среди них — полный, что был на переговорах вместе с Илляз-беком, — Абдула.

— Да, это жизнь для джигита, хвала Аллаху! Граница рядом, и всегда можно уйти...

Резкий свист. Абдула поднимает голову, и казачий кинжал Вараввы вонзается ему в горло. Захрипев, Абдула падает лицом в костер.

— Сидеть! — в освещенном круге костра — Иван с маузером. — Вяжи их покрепче, Керим...

— Пора, — говорит комэск, посмотрев на часы.

Дневальные распахивают створки ворот. Вслед за командиром две сотни бойцов выезжают в ночь.

— А ты, кажется, исправляешься, Керим, — улыбается Иван.

Они стоят возле тлеющего костра. Рядом — связанные басмачи и мертвый Абдула.

— Надо спешить, — шепчет Керим. — Надо женщину искать.

— Погоди, — Иван оглядывается. — Неудобно, понимаешь, без цветов...

Он шагает в темноту, сразу скрывшись из вида. Керим хватает маузер Абдулы и, торопясь, несколько раз стреляет вслед Варавве. А потом в ужасе бежит от костра, от связанных басмачей, от мертвого Абдулы к лошадям.

И тогда из темноты сухо и деловито щелкает одинокий выстрел. Керим с разбега падает лицом в песок.

Чуть светало, и внезапные эти выстрелы гулко разнеслись по пустыне.

— За мной! — крикнул комэск, переводя сотни с рыси на полевой галоп.

Любочка и Иван скакали по горной дороге. Иван был без папахи, и чуб развевался на ветру. А Любочка все еще утирала слезы.

— Извините, что встречал без цветов, — балагурил Иван, стараясь развеселить ее. — Но клянусь, это в последний...

Он вдруг замолчал, схватил ее коня за повод: навстречу скакала группа басмачей. Варавва круто развернул коней:

— Кажется, нам не сюда, Любочка. Держитесь крепче!..

Другой участок дороги.

Намертво вцепившись в конскую гриву, скачет Любочка.

За нею — Варавва. Прикрывая ее, он на скаку отстреливается от скачущих следом басмачей.

Поворот. Еще поворот. Они вырываются в долину, и из-за скал вылетает кавалерийская лава:

— Ур-ра-а!..

Впереди — комэск. Сверкает над головой клинок.

Сшиблись с басмачами, и смешалось все. Кони, люди, лошадиное ржание, крики, стоны, выстрелы...

По-прежнему прикрывая Любочку, Варавва пробился к командиру. Комэск был уже ранен, вяло отмахивался шашкой.

— Скачите в казармы! — прокричал Иван. — Я задержу!..

Сунул повод Любочкиного коня командиру, ринулся в свалку.

Отстреливаясь, комэск вместе с Любочкой постепенно выбирались из боя.

Стремительная и жестокая кавалерийская рубка. Но басмачи все подтягиваются, охватывая в кольцо небольшой отряд. И уже не с одним — с двумя, а то и с тремя приходится драться каждому бойцу.

Иван сражается с сыном курбаши Илляз-беком. Сверкают клинки, храпят кони. Иван теснит Илляз-бека, но на него тут же бросаются трое басмачей, и пока Иван отбивается от них, Илляз-бек отдыхает. Он спокоен, он уверен, что исполнит сегодня свою клятву.

Комэск и Любочка уже выбрались из схватки и во весь опор скакали по дороге, когда конь споткнулся, и Любочка на всем скаку вылетела из седла. Комэск спешил, бросился к ней:

— Сильно ушиблись?

Рядом ударили пули: стреляли почти в упор. Комэск оглянулся, увидел басмачей и успел только прикрыть Любочку...

Он упал рядом, и она инстинктивно подхватила его голову. А басмачи уже приближались, уже орали, уже тянули руки, когда из-за поворота на запаленной лошади вынырнул всадник в чалме и халате.

— Моггабит-хан!.. — ликующе закричали басмачи.

Стоя рядом с женой, Алексей уже бил в упор по растерянным басмачам.

Со всех сторон теснят басмачи отряд Вараввы. Один за другим падают бойцы. Кажется, еще минута-другая, и дрогнут кавалеристы, развернут коней и, нахлестывая их, в панике бросятся врассыпную.

Странное тарыхтение врывается в многоголосый шум рубки. Оно делается все громче и громче: с севера низко над землей идет старенький биплан.

— Шайтан-арба!..

Паника охватывает басмачей. Нахлестывая лошадей, они во весь опор скачут к горам.

А самолет кружит над всадниками, снижаясь до бреющего полета, обстреливая, сея панику и ужас.

— За мной!.. — размахивая шашкой, кричит Иван.

Кавалеристы бросаются следом, преследуя панически удирающего противника.

Иван настигает Иллез-бека. Короткая яростная схватка: теперь Иллез-бек в одиночестве: его телохранители мчатся к горам, нахлестывая перепуганных лошадей.

Несколько выпадов, и сверкающий клинок Ивана с силой опускается на голову бека. Выронив оружие, Иллез-бек падает на круп, и конь выносит его из схватки.

Где-то вдали замирает бой: лязг оружия, топот, выстрелы, крики. А тут, на обочине дороги, уже тишина.

Любочка держит на коленях рано поседевшую голову командира эскадрона. Алексей расстегивает офицерский френч, слушает сердце. Потом медленно, аккуратно застегивает его на все пуговицы.

И натывается на карман: левый, где сердце. Лезет в него и достает самодельный деревянный портсигар: сыплется махорка из двух пулевых пробоин.

На металлической пластинке — старательно выполненная гравировка:

«ЕГО БЛАГОРОДИЮ ГОСПОДИНУ РОТНОМУ КОМАНДИРУ ПОРУЧИКУ ГЕОРГИЮ ПЕТРОВИЧУ МАКСИМОВУ НА ДОЛГУЮ ПАМЯТЬ, 7-я РОТА ЕПИФАНСКОГО ПОЛКА. ГАЛИЦИЯ. 1915 ГОД»

Подъезжают бойцы. По одному, по двое, группами. Многие ранены. Спешиваются, снимают фуражки. Молчание.

Раздвинув всех, к покойному командиру подходит Варавва. Опускается на одно колено, долго всматривается. И вдруг — шепотом:

— Приказ выполнен, Георгий Петрович.

Сын

По ровной, как стол, степи тянется воинский эшелон. Теплушки, платформы, старенький паровоз.

По крышам теплушек к паровозу бежит военный. Это так непривычно взволнованный Иван Варавва. Он без фуражки, казачий чуб вьется на ветру. На гимнастерке — новенький орден Боевого Красного Знамени на алой розетке.

Паровозная будка. Машинист в промасленной куртке высунулся в окно. Помощник с кочегаром шуруют у топки.

Из тендера в будку спрыгивает Варавва, черный от копоти и угольной пыли.

— Скоро остановка, отцы?

— Узловая через три часа, — сказал машинист.

— Через три?.. Не пойдет это дело, отцы. Врач нужен.

— На семнадцатом разъезде фельдшер живет! — крикнул помощник.

— Останавливаться не имею права, — нахмурился машинист. — Однопутка, график сорвем.

— А как же быть?

— Приторможу. Успеете снять с поезда.

— А где там фельдшера искать?

— Я покажу, — пообещал помощник.

Теплушка. Часть вагона отгорожена простынями.

Притихшие бойцы прислушиваются к тому, что происходит в отгороженном углу. Дымит печурка, на которой стоит большой медный чайник. Рядом с печуркой — пожилой боец.

В проеме распахнутой двери теплушки появились хромовые сапоги со шпорами, а затем и сам Варавва. Раскачавшись, прыгнул в вагон, прошел к занавеске:

— Алексей... Алешка...

Из-за занавески вышел Трофимов — подавленный и даже, пожалуй, испуганный. Иван что-то шептал ему, а Алексей только покорно кивал в ответ.

В тесном помещении станционного телеграфа с окном, выходящим на пути, за столом играли в шашки двое: фельдшер — насупленный старик с прокуренными усами, и телеграфист — молодой, лохматый, в форменной фуражке.

— Эх, не так пошел! — сокрушается фельдшер.

— Ходы не отдаем, — строго говорит телеграфист. — По уговору.

— Да знаю я, знаю... — вздыхает фельдшер.

Слышен далекий гудок паровоза.

— Двадцать второй, воинский, — зеваает фельдшер. — Сейчас я тебе сортир сделаю.

В окно видно, как по путям медленно движется эшелон.

— Ходи, медицина, решайся, — телеграфист посмотрел на часы. — Раньше расписания воинский.

Фельдшер после короткого раздумья и больших колебаний берется за шашку, но тут... распахивается дверь, и в комнату врываются Варавва, помощник машиниста и боец-грузин.

— Который? — деловито спрашивает Иван.

— Этот, — помощник тычет пальцем.

— Взять!

Помощник и боец хватают фельдшера, так и не успевшего поставить шашку на доску, и выволакивают его на платформу.

Мимо платформы медленно движется воинский эшелон. В распахнутых настежь дверях — бойцы.

— Этот вагон пропускаем, — распоряжается Иван — Грузим в следующий.

Помощник машиниста и боец-грузин забрасывают фельдшера в следующий вагон. Туда же прыгают Варавва и грузин, а помощник со всех ног бежит к паровозу.

Телеграфист по-прежнему сидит неподвижно, подняв руки над головой и потеряв от страха способность двигаться. И только когда эшелон уходит с разъезда, бросается к аппарату. Схватив трясущимися руками ключ, начинает отбивать телеграмму, повторяя текст:

— Семнадцатый! Налет большой банды! Похищен фельдшер! Срочно окажите помощь! Подвергаюсь опасности! Шлите бронепоезд!..

В теплушке примолкшие бойцы с опаской поглядывают на отгороженный простынями угол. Здесь Варавва и боец-грузин, которые еще отдуваются после проведенной операции.

— А вдруг, понимаешь, обиделся он? — жарким шепотом спрашивает грузин. — Обиделся и теперь ничего делать не будет. Я бы, понимаешь, обиделся...

Варавва так глянул, что боец сразу примолк. И тут из-за занавески вышел перепуганный Алексей.

— Ну что? — спросил Иван.

— Что, что... Послал.

— Куда послал?

— Куда, куда... Куда надо, туда и послал.

Примолкли оба. Примолкли весьма озадаченно. Из-за занавески вышел фельдшер — спокойный, деловитый и очень серьезный. Повертел в руках шашку:

— Зачем было хватать? Ну зачем, спрашивается? Я же спокойно мог в дамки выйти.

— Я думал, чем скорее... — виновато начинает Варавва.

— Скорее, казачок, только в вашем деле требуется, — фельдшер огорченно повертел шашку, швырнул ее в открытую дверь. — Ну вот что. Помощник нужен.

— Я — муж, — высунулся было Алексей.

— Ты уже свое дело сделал, — старик отобрал у него цыгарку, жадно, про запас, затаился, выбросил в вагонную дверь, спросил пожилого:

— Дети есть?

— Значит, трое, — сказал пожилой с достоинством. — Дочки. Первая, значит...

— Помогать будешь. Поставь еще воды. Остальные — вон.

Бойцы растерянно переглядывались.

— Как так — вон? — озадаченно спросил Иван. — Куда?

— Вот он знает куда, — фельдшер ткнул пальцем в Алексея и ушел за занавеску.

Теперь все уставились на Алексея.

— На крышу, — без особой уверенности предложил он.

— На крышу! — крикнул Варавва. — Быстро, марш!

Нагоняя график, поезд шел полным ходом. Бойцы сноровисто лезли на крышу, помогая друг другу.

— Гармошку! Гармошку не забудьте!

Алексей вылез вместе со всеми, а Варавва задержался. Сказал пожилому:

— Тихоныч, дай знать, как тут и что.

— Оповещу, — солидно сказал пожилой. — Коли сын родится, сигнал подам.

Эшелон мчится через залитую солнцем степь. Мелькают телеграфные столбы. На крыше теплушки — бойцы. На смену растерянному и напряженному ожиданию пришло веселье. Горланят песню:

— Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка...

Алексей и Иван сидят с торца крыши, свесив ноги в пролет между вагонами.

— Ну вот, Алешка, скоро ты станешь натуральным мужчиной, — балагурил Иван, но глаза оставались по-прежнему непривычно напряженными, даже растерянными. — Бойцы папашей величать будут.

— Тебе легко шутить, ты, вон, в академию нацелился, — вздохнул Алексей. — Главное, понимаешь, матерей у нас нет: ни у Любы, ни у меня. Обе, как на грех, от тифа померли, будто сговорились. А без бабки как ребенка вырастить?

— Есть бабка, — не глядя возразил Иван. — Отца у меня беляки зарубили, а мать уцелела. В станице живет, на Тереке. Хорошо там, молоко, виноград, хлебушка вволю.

— Хорошо, Ваня, где нас нет.

— Хата у матери добрая, сад имеется, — не слушая, продолжал Иван. — И Люба подкормится, и ребенок на ноги встанет.

— Ты это о чем?

— Давай я Любу с ребенком к матери отвезу, — тихо сказал Варавва. — Нет, ты погоди отказываться, ты подумай сперва. Тут — голод да холод, а там... Природа там, климат, а главное, хлебушка вволю, Алешка. Там они...

— Они, они...А я?

— Ты?.. — Иван посмотрел на него, точно только что обнаружил. — Ты учись. В академию готовься. Опять вместе будем. Помнишь, что комэск говорил?

Алексей молча достал деревянный портсигар комэска с аккуратными заплатами на месте пулевых пробоин. Друзья закурили и долго дымили молча.

— Спасибо, Ваня, — сказал наконец Трофимов. — Спасибо, друг, да только никогда мы с Любашей не расстанемся. Я ей слово чести дал, когда, это... Руку и сердце просил. — Помолчал, посмотрел на помрачневшего Варавву, толкнул в бок кулаком:

— Ну, чего зажурился, казак?

— Вай!.. — вдруг закричал грузин, вскочив с места и держась за зад. — Насквозь проткнул, понимаешь!..

На том месте, где он сидел, торчал из крыши четырехгранный армейский штык.

— Сигнал! — заорал Иван, обнимая друга. — С сыном тебя, Алешка! Сын у него родился, ребята! Сын!..

В теплушке на нарах лежала Люба с просветленным, усталым и бесконечно счастливым лицом. Из-за занавески слышались звучные шлепки по голому телу, а потом пронзительный дитячий рев. И Люба тихо заплакала.

На крыше теплушки продолжалось веселье. Хохотали, пели, плясали. А машинист, высунувшись из окна паровоза и сообразив, в чем дело, дал долгий победный гудок.

— Имя-то выбрал, товарищ командир? — спросил грузин.

— Мы предлагаем...

— Отставить, — сказал сияющий Алексей. — Есть имя. Георгием назовем, Егором, значит.

— В честь комэска нашего? — Варавва обнял Трофимова. — Молодцы, ребята!

Он вдруг быстро спустился на сцепку вагонов, спрыгнул и, пока поезд вытягивался на повороте, начал торопливо рвать цветы. Нарвав охапку, догнал состав, прыгнул на тормозную площадку последнего вагона и по крышам побежал вперед.

В теплушке откинулась занавеска, и фельдшер протянул Любе нечто совсем маленькое, завернутое в солдатскую простыню.

— Держи солдата, мать.

— Спасибо.

Прямо против окна закачался вдруг огромный букет полевых цветов, перевязанный узким кавказским ремешком.

— Это Ванечка Варавва, — улыбнулась Люба.

Фельдшер дотянулся до букета, с трудом протиснул его в окошко и положил рядом с Любой.

Сверху слышались крики, музыка, топот ног.

На крыше молодой боец лихо рвал меха гармони. Ловко и изящно танцевал грузин на покатой вагонной крыше, бойцы ладонями отбивали ритм.

Так воинский эшелон втягивался на пути крупной узловой станции, тонувшей в тишине и безлюдье, но за составами, за оградой пристанционного палисадничка, за стенами водокачки — вооруженные люди. Бойцы ЧОН: частей особого назначения.

В окне станционного здания — пулемет. У другого окна — усатый мужчина в кожаной куртке с маузером в деревянной кобуре на боку наблюдает в бинокль за шумным эшелоном.

— Ни черта не понимаю! — говорит он сердито. — Перепились, что ли? А ну, пошли!

Эшелон остановился. С крыши и из вагонов прыгали бойцы.

— Стоять всем! — закричал усатый, выбегая на перрон.

Сразу со всех сторон появились люди с винтовками наперевес.

— Кто начальник эшелона? — кричал усатый. — Ко мне!

Алексей подошел:

— Начальник эшелона комроты Трофимов.

— Что за разгильдяйство? — продолжал бушевать усатый. — Почему бойцы на крышах? Что за внешний вид? Где дисциплина, мать твою? Под ревтрибунал захотел?

Алексей виновато молчал. На выручку поспешил Иван.

— Комроты Варавва. Давайте разберемся.

— Нечего мне разбираться! — орал усатый. — Махновщина! Что на Семнадцатом разъезде натворили? Где фельдшер?.. Арестовать командиров, эшелон разоружить. Куда фельдшера дели, мать вашу перемать?!

Из-за спин бойцов протиснулся фельдшер.

— Не ори, тут я, — он хлопнул Алексея по плечу. — Жена ему парнишку родила, вот какое дело. Сына, Георгия Победоносца!.. А ты орешь...

...Лютая зима. Со снегами и метелями. Тусклый день.

Военный городок. Длинные деревянные бараки-казармы. Дощатые домики служб. Снятые с колес давно выслужившие все сроки годности теплушки, кое-как оборудованные под жилье. Нищета начала мирного периода.

Штрафники-красноармейцы лопатами расчищают заснеженные дороги. Крылья шлемов у всех опущены и застегнуты на подбородках: и у бойцов, и у командиров. Холодно. И голодно.

Шагом проехала конная батарея. Командир на ходу спешился, отдал повод коноводу.

Это Алексей Трофимов. Пропустил мимо батарею, бегом пересек дорогу и скрылся в дощатом домике.

Там, в холодной комнате — то ли красном уголке, то ли библиотеке, в углу при свете керосиновой лампы занимается Иван Варавва. Сидя в шинели и буденовке, листает книги, что-то выписывает.

Вошел Алексей:

— Зубришь?

— Зубрю.

— Я со стрельб. Замерз, как паршивый цуцик. Обедать?

— Твоя доля осталась.

— Ох, Иван.

— Ох, Алешка. Иди, иди, не морочь голову.

Алексей хотел было выйти, но замешкался, затоптался у двери. Спросил с надеждой:

— Значит, выкормим?

— Выкормим и на ноги поставим. Иди, говорю, у тебя уж язык к небу примерз!

— Ну, добро, казак. Пошел я, — сказал Алексей и на этот раз действительно вышел.

Маленькое, тесное полутемное помещение: то ли часть товарного вагона, приспособленного под жилье, то ли выгородка в бараке с отдельным входом. Столик, табуретка, сундук да большая бельевая корзина, в которой спит ребенок.

За столом Люба на кофейной мельнице перемалывает в муку неочищенные ржаные зерна. Изредка покачивает корзину, когда в ней начинает кряхтеть сын.

Открылась дверь, и в клубах морозного пара возник Алексей с непокрытой головой — шлем был надет на котелок, который он бережно прижимал к груди левой рукой. А под правой нес добрую половину железнодорожной шпалы.

— Как живете-можете?

— Дверь закрой.

— Морозище — ужас, — Алексей поставил у входа шпалу, прикрыл дверь, подошел к столу и торжественно водрузил перед Любой накрытый шлемом котелок. — Ну, ничего, угольку обещали подвезти. Перезимуем.

Люба сняла шлем с котелка. И ахнула:

— Суп!

— Борщ, — поправил муж. — Комиссар приказал женам выдать. Ешь, пока горячий.

Люба тут же достала кусочек хлеба, ложку. Начала есть.

— А ты опять без завтрака ушел.

— Опаздывал я. Где наш топор?

— Под сундуком, — Люба вдруг перестала есть. — Алеша, он же с мясом!

— Ну с мясом, — согласился Алексей. — И хорошо, что с мясом. Полезно. Ешь.

— Не буду.

— Ешь, я сказал!

— С мясом женам не полагается.

— Тем, которые кормящие, им полагается, — он подошел, обнял. — Ну ешь, пожалуйста.

— Не могу. Это твоя порция.

— Ванькина! — вдруг заорал Алексей, тут же испуганно примолкнув. — Спишь, Егорка?.. Правильно, во сне только и расти. Иван в тепле, зубрит до посинения, так что нам с ним одна порция на двоих — за глаза.

— Алеша, я не могу.

— Можешь, — жестко сказал он. — Ты нам сына выкормить должна. Парня, понимаешь? Достал топор, взял шпалу, вышел. Донесся стук топора.

Люба ела борщ с мясом, и слезы капали в котелок.

Ранняя весна. Маленькая железнодорожная станция. У платформы — небольшой пассажирский состав.

На перроне — Люба с ребенком на руках, Алексей и Варавва в шинелях, перетянутых ремнями. Они стоят у входа в вагон и молчат. Алексей хмуро курит.

— Пишите, Ванечка, — тихо сказала Люба.

— Куда? — вдруг взъерошился Алексей. — «Красная Армия, Алексею Трофимову»?

— А что? — улыбнулся Иван. — Адрес точный!

Алексей улыбнулся в ответ, а Иван вдруг помрачнел:

— Адрес точный, а писать все равно не буду.

— Почему же, Ваня? — удивилась Люба.

— Ни к чему это. Да и не люблю я писем. Вот если бы вдруг встретиться...

Ударил станционный колокол. Засвистел кондуктор.

— Прощай, Ванька, — торопливо сказал Трофимов. — Прощай, казаче.

Они обнялись. Рывкнул паровоз, дрогнул состав. Иван шагнул было к Любе, но остановился, не дойдя. И тогда она сделала встречный шаг к нему, хотела поцеловать, но он рванулся к поезду:

— Сына берегите!..

Вскочил на ступеньку проезжавшего мимо вагона, прокричал с деланным весельем:

— Правильно, этот — Егор! Но внука чтоб Иваном назвали! Ванькой, слышите? Ванькой!..

Удалялся состав, унося на ступеньке вагона Ивана Варавву.

На перроне остались Алексей и Люба с сыном на руках. И стояли, пока поезд не исчез вдали...

Встречи

На солнечной стороне улицы южного областного города у витрины книжного магазина, в которой отражался четырехэтажный жилой дом, стоял мальчик лет тринадцати с командирской сумкой через плечо, туго набитой книгами и тетрадями. Звали мальчика Егором, и у него было такое же простецкое, но очень упрямое лицо, как и у Алексея Трофимова.

— Егорка, Барсук идет! — крикнул пробежавший мимо мальчишка.

— Он тебя бить собирается!

— Ну и пусть, — сердито проворчал Егор. — Пусть пока собирается.

Мальчишка убежал. Егор, оглянувшись, достал карманное зеркальце и воровато пустил солнечного зайчика в окно третьего этажа дома на теневой стороне.

Это была обычная квартира городской служилой интеллигенции середины тридцатых годов. Случайная разностильная мебель, много книг и большой шелковый абажур.

Солнечный зайчик ударил в потолок, пометался по стенам, точно маленький прожектор. А потом угодил в лицо девочки с тугими косичками.

— Мама, я пошла! — тотчас же объявила девочка, выскочив из-за стола.

Немолодая безулыбчивая женщина, увидев пляшущий по стенам зайчик, выглянула в окно.

Егор поспешно спрятал зеркальце: из дома напротив выскочила девочка с упрямыми косичками. Не оглядываясь, пошла вперед, независимо помахая портфелем.

Егор шел в десяти шагах позади косичек и тоже независимо помахивал командирской сумкой.

А следом за Егором шли трое шалопаев. Старшему было лет пятнадцать, а лицом он и впрямь напоминал барсука.

Тугой, тревожный гул далекой канонады наполнял небольшой кабинет. В кабинете за столом сидели: начдив — пожилой, с орденом и двумя ромбами; комиссар — высокий, худой латыш; и командир с тремя кубиками в петлицах — Алексей Трофимов.

Все настроенно молчали, поглядывая на телефон. Наконец он зазвонил, и начдив поднял трубку:

— Да. Я, товарищ командующий. Так точно. Японская артиллерия продолжает интенсивно обстреливать китайцев. Прижали к реке и обрабатывают. Да они бы давно прорвались, если бы не семьи да раненые. Так. Понятно, товарищ командующий. Есть! До свидания. — Комдив положил трубку, улыбнулся комиссару:

— Ну, комиссар, решено и подписано!

— Хорошо, — без улыбки отозвался комиссар. — Это очень хорошо.

— Товарищ Трофимов, — сказал комдив, и Алексей встал.

— Командование Особого Округа приняло решение удовлетворить просьбу китайских товарищей. Вам надлежит выдвинуть свой батальон к границе и обеспечить переправу на нашу сторону раненых бойцов и членов семей китайских коммунистов.

— Благодарю за доверие, товарищ комдив. Разрешите выполнять?

— Подожди, товарищ Трофимов, — комиссар потянул Алексея за рукав. — Сядь.

Трофимов сел.

— Мы тебя выбрали не случайно. Ты человек бывалый, скромный, а главное, очень выдержанный товарищ. Провокации, мало ли что. А ты выполняешь интернациональный долг командира рабоче-крестьянской Красной Армии.

— Ясно, товарищ комиссар.

Тут все встали, и начальство торжественно пожало комбату Трофимову руку.

— С китайской стороны переправой руководит товарищ Ван, — сказал комдив. — Желаю успеха, комбат!

... — Ты чего по нашей улице ходишь?

Трое мальчишек — Барсук впереди — зажали Егора в глухом углу уличного тупика.

— Егор, беги! — кричал издали приятель, но на помощь не спешил.

Конечно, Егор мог убежать, но напротив, через улицу, стояла девочка с косичками. Она весело болтала с подружками, но уголком глаза с интересом следила за развитием событий. И косички торчали на голове как два вопросительных знака.

— В шпионку влюбился? Ну так за это я тебя сейчас бить буду, — пообещал Барсук и начал засучивать рукава. — Так что готовь слезы, жених.

И остальные двое захохотали:

— Жених! Шпионский жених!..

Егор стиснул зубы и первым бросился в атаку. Вмиг слилось все в кучу: четверо мальчишек, восемь рук и восемь ног. Некоторое время слышалось только сопение, потом кто-то заревел, полез из кучи, развалив ее. Егор вскочил — в разорванной рубашке, с подбитым глазом — и снова неукротимо бросился на вставшего с земли Барсука.

Девочки напротив уже не болтали, а широко распахнув глаза, глядели через дорогу.

— А-а!.. — отчаянно заорал вдруг Барсук.

Он бежал по улице, а за ним летел рассвирепевший Егор, колотя врага туго набитой командирской сумкой по спине.

Была густая ночь, и по-прежнему глухо и безостановочно била артиллерия на сопредельной стороне.

Алексей стоял на берегу широкой спокойной реки. За ним — в кустах, в отрытых наспех ячейках, просто за деревьями — лежали вооруженные бойцы.

Вскоре послышался тихий плеск весел. Из темноты вынырнул баркас, на носу которого стоял высокий человек. Бойцы и пограничники вошли в воду, приняли баркас и начали помогать выбираться на берег женщинам, детям, легкораненым. И высокий командир тоже сошел на берег.

— Товарищ Ван, — сказал переводчик.

— Исполняющий обязанности командира батальона Трофимов, — представился Алексей.

Китайский командир неожиданно закашлялся, кивнул переводчику и повернулся спиной к Алексею, наблюдая за выгрузкой.

Подходили баркасы. С них снимали раненых, быстро относили в лес. Все происходило в абсолютной тишине, только заплакал было ребенок, но сразу же смолк. Изредка высокий командир отдавал короткие команды.

— Товарищ Ван говорит, что очень много раненых, — тихо сказал переводчик.

— Что-то он на китайца не похож, — засомневался вдруг Алексей, вспомнив о бдительности.

— Возможно, манчжур, товарищ командир батальона.

При этом разговоре китайский командир странно повел плечами, будто с трудом глушил в себе приступ неуместного веселья. Потом сказал что-то, не оборачиваясь.

— Товарищ Ван просит послать кого-нибудь предупредить, чтобы раненым повязки сменили, — сказал переводчик.

— Да я сам распоряжусь, — сказал Алексей и побежал к лесу.

В маленькой фанзе горели фонари и кипел самовар. За столом сидели китайский командир товарищ Ван, переводчик, несколько командиров-пограничников. Молча пили чай. На расстеленных по столу газетах лежали хлеб, сало, колотый сахар.

Вошел Алексей. Шагнул от двери, взгляделся в сидящих за столом и обмер:

— Ван... — и замолчал, прикусив язык.

— Товарищ Ван все время о вас спрашивал, — радостно сообщил переводчик. — Даже послать за вами решил.

Алексей, как деревянный, опустился на табурет, не слушая, что там бормочет переводчик, потому что против него в синей китайской куртке сидел его старый друг Иван Варавва. Он неожиданно спросил что-то, не отрывая взгляда от Алексея. И Трофимов невольно вздрогнул: звуки чужого языка так не шли к шальным глазам и казачьему чубу китайского командира.

— Китайский товарищ интересуется, есть ли у вас семья, товарищ командир батальона.

— Есть! — с некоторым запозданием, но очень громко и чересчур радостно закричал Трофимов. — Егорка пятый класс кончает, представляешь? То есть, это... Сын, значит. А Любаша в институте учится. В медицинском!

Варавва невозмутимо выслушал весь этот восторженный крик, подождал перевода, вежливо улыбнулся и опять что-то сказал.

— Товарищ Ван интересуется здоровьем ваших близких.

— Мировое здоровье! — с сияющей улыбкой заорал Алексей. — Во здоровье!..

И сунул через стол оттопыренный большой палец.

Нахмуренный Егор Трофимов смотрел неукротимо. Лицо его было в синяках, глаз заплыл, а рот плохо закрывался.

Был вечер. Настольная лампа освещала стол с учебниками и большой схематический разрез танка на стене. Рядом стоял Егор и исподлобья смотрел на мать.

— За что же на этот раз? — очень спокойно поинтересовалась Люба.

Егор хмуро молчал.

— Я спрашиваю, за что? Драться нужно только за правое дело.

— За правое, — вздохнул сын.

— Ну, тогда иди умойся.

Егор еще раз вздохнул и вышел из комнаты.

Светало. Алексей, Варавва и переводчик стояли на берегу, возле которого покачивался одинокий баркас. С сопредельной стороны по-прежнему доносился напористый гул артиллерийской канонады.

Переводчик что-то увлеченно рассказывал Ивану, но тот отвечал односложно, выразительно поглядывая при этом на Алексея. Наконец Трофимов сообразил:

— Слушай, а где же гребцы его? Надо, понимаешь, собрать.

— Есть собрать, — отрапортовал переводчик и ушел.

Алексей и Иван наконец-то остались одни. Молча смотрели друг на друга и улыбались.

— А я гляжу: ты или не ты?

— А я думаю: когда он сообразит? Ну, здравствуй, Алешка, — сказал Варавва, и они обнялись. — Я уж думал, что мы с тобой так и не поговорим.

— Как ты там-то оказался, Ваня?

— Назначен советником при штабе Народно-освободительной армии. Помогаю китайским товарищам.

— Тяжело?

— Пробьемся. Нас обозы связывали, дети, раненые. Пробьемся. Ну, как Люба-то, как Егор?

— Живы-здоровы, но — одни. Я ведь в Москве, в академии учусь. Здесь на стажировке.

— Тихо, Алеша, идут. Прощай, друг.

— Прощай, Ваня.

Обняться им не пришлось: с откоса спускались гребцы и переводчик. Иван протянул руку, Алексей двумя руками схватил ее, долго тряс.

Грозно ревела артиллерия на чужой, далекой стороне...

А в квартире с разностильной мебелью ничего не изменилось, и заметно подросшая девочка складывала книжки и тетрадки в портфель, дожевывая булку.

Солнечный зайчик, пробежавшись по стене, упал на руки девочки, заглянул в лицо. Она тут же закрыла портфель и, не посмотрев в окно, кинулась к дверям:

— Мама, я пошла!

Хлопнула входная дверь. В комнату вошла строгая, невеселая и безулыбчивая мама. Подняла упавшую тетрадку, выглянула в окно.

Через улицу к книжному магазину бежала девочка. У витрины стоял повзрослевший Егор. Когда девочка подбежала, он взял у нее портфель, закинул на плечо командирскую сумку, и они пошли по улице.

А безулыбчивая мама смотрела им вслед. Из окна.

Вечером в той же комнате с разностильной случайной мебелью, освещенной лампочкой под абажуром, разучившаяся улыбаться женщина почему-то встревоженно слушала дочь. А девочка уплетала суп и трещала без умолку.

— Только он ничего не понимает в литературе, представляешь, какой кошмар? Ну ничегошеньки! В танках уже понимает, а в литературе — еще нет, представляешь? Я ему объясняю, объясняю, а он — ну совершеннейший... — она поискала слово, — танкист!

— Он очень вырос, — сказала мама.

— А знаешь, почему он так быстро растет? Потому что все время дерется.

— Из-за тебя?

— Конечно! — с гордостью призналась дочь.

— Тебя все еще дразнят? — помолчав, тихо спросила мать.

— Вот потому-то он и дерется, — девочка вдруг погрузилась и отложила ложку.

Мать и дочь помолчали, и в этом молчании была огромная горечь. Наконец мать, подавив вздох, спросила:

— Как, ты сказала, его зовут?

— Егор.

— А фамилия?

— Трофимов. Егор Трофимов. Его папа в командировке. Только не как наш. В настоящей, понимаешь? А мама учится в вашем институте.

«Мамин» институт оказался медицинским, и сама мама девочки в простеньком халате санитарки работала в раздевалке, принимая от студентов плащи, зонты и сумки. Она исполняла эту работу с тем же безулыбчивым лицом, быстро и молчаливо, но, посмотрев на одну из студенток, вдруг задержала номерок и тихо спросила:

— Вы Трофимова?

— Да, — с некоторым удивлением ответила Люба. — А в чем, собственно, дело?

— Нам надо поговорить.

Молодой мужчина явно преподавательского вида задержался возле колонны, поглядывая на студентку и санитарку.

— У меня сейчас лекция.

— А после нее, перед анатомичкой, — двухчасовой перерыв.

— Все-то вам известно, — усмехнулась Люба. — Вас, кажется, Аней зовут? Извините, не знаю вашего отчества.

— Санитарок принято называть по именам.

— Студенток тоже.

— Я буду ждать вас в сквере, Любовь Андреевна. Поверьте, это очень серьезно.

И отошла в глубь раздевалки, прекратив разговор. Может быть, потому что заметила особый интерес очень любопытного преподавателя возле ближайшей колонны.

Стояла осень, и в маленьком городском сквере печально шуршали под ногами листья. По аллее шли две матери: санитарка и студентка одного института.

— Наши дети дружат три года, — говорила безулыбчивая мать девочки. — Сначала мне казалось, что это — детская блажь...

— Думаю, ваши опасения абсолютно беспочвенны, — неприязненно перебила Люба.

— Напротив, Любовь Андреевна, я очень рада. Право, очень. Маша воспитывается без отца, ей просто необходим друг, советник, рыцарь, наконец.

— Господи, какая я ревнивая дура! — улыбнулась Люба. — Мне показалось, что вы не доверяете этой дружбе. А ведь мой Егор — Трофимов, это совершенно особая порода. Они не умеют объясняться в любви, не дарят цветов, забывают о ваших днях рождения, но... Знаете, сколько раз мой Егор приходил домой с разбитым носом?

— Я знаю, сколько раз моя Маша возвращалась счастливой. И вот как раз об этом, об их счастье я и хотела бы поговорить...

Безулыбчивая санитарка вдруг оглянулась и замолчала. Какая-то мужская фигура мелькнула на пустынной аллее. Очень похожая на институтского преподавателя.

— Как отвратительно, — брезгливо и одновременно с этим устало сказала мать девочки. — Как отвратительно, когда бывшие сослуживцы добровольно следят за каждым вашим шагом. Это преподаватель с кафедры марксизма-ленинизма, когда-то он очень любил бывать у нас дома. Не оглядывайтесь, Любовь Андреевна, вам еще предстоит сдавать ему экзамен. Давайте сядем на ту скамью, к ней ему подползти будет затруднительно.

Они прошли на открыто стоящую скамейку и сели. И пока шли к ней, Люба искоса смотрела на санитарку из собственного института, потом спросила:

— Кто вы, Анна...

— Васильевна. Сначала о детях, это важнее. Дети — самое главное. Переведите сына в другую школу, Любовь Андреевна.

— По какой причине?

— Я — жена врага народа. По всей вероятности, вдова, но они молчат. А Маша, следовательно, дочь этого врага.

Она замолчала, но, поскольку Люба молчала тоже, тихо заговорила вновь:

— Странно, что нас до сих пор не арестовали. И даже позволили жить в одной из комнат нашей прежней квартиры. И даже, представьте себе, позволили работать в том же институте, в котором мы работали вместе с ним.

— Профессор Юркевич?

— Полагаю, что теперь вы переведете сына в другую школу.

Анна Васильевна встала, намереваясь уйти, но Люба удержала ее, усадив чуть ли не силой.

— Подождите, Анна Васильевна, подождите. Я глубоко благодарна вам за откровенность, но прошу выслушать и меня. Я не только жена офицера, но и дочь офицера. А мой Егор не только сын офицера, но и внук офицера и даже правнук, насколько мне известно. И вы предлагаете воспитать из него трусливого мещанина? Угодливого обывателя?

— Да представляете ли вы, Любовь Андреевна, что происходит в стране?

— Я не судья моей стране, но я судья себе самой. Честь офицера — выше собственного благополучия, выше самой жизни. Вот что я хочу вложить в моего сына. А вы предлагаете обратное. Да разве Егор простит себе, что струсил и предал свою первую любовь? Ни Егор, ни Маша не простят нам с вами этого никогда. Никогда!

— Но для их же спасения...

— Их спасение в любви, Анна Васильевна. Вы же интеллигентная женщина, доцент и кандидат медицинских наук...

— Бывший... — странным, дрожащим шепотом произнесла вдруг санитарка медицинского института.

Лицо ее задрожало беспомощно и жалко, и годами сдерживаемые слезы наконец-то хлынули из глаз. Люба прижала к груди ее голову, гладила по плечам и тихо шептала:

— Поплачь. Поплачь, легче станет.

... — Эту девочку, мам, зовут Машей, — сказал Егор, пропуская в квартиру смущенную подружку.

— Здравствуй, Машенька, — произнесла Люба. — Проходи, очень рада, что ты пришла к нам. Я давно хотела... — в соседней комнате зазвонил телефон. — Извини. Егор, принимай гостью, — Люба прошла в комнату, взяла трубку.

— Я слушаю. На аэродром?.. А почему такая срочность?.. Хорошо. Хорошо, я еду!

Она вышла в коридор, где в молчаливом смущении стояли дети. Сказала, улыбаясь:

— Очень жаль, но мне придется ненадолго уйти.

— Что-нибудь с папой? — нахмурился сын.

— Нет, нет, просто по делам. Пейте чай, я испекла пирог.

— Ну как же так... — недовольно начал Егор.

— Служба, сын. Я не прощаюсь, Машенька.

Торопливо надела плащ и вышла.

Мальчик и девочка остались одни впервые в жизни, и им было очень неуютно. Настолько, что они изо всех сил избегали смотреть друг на друга.

Люба металась по улицам в поисках такси. В те времена они вообще были редкостью, а в тот вечер, как на грех, ни одного не попадалось.

— Такси!.. — в отчаянии кричала Люба. — Такси!..

Вместо такси появился извозчик. Подъехал на ее крики на рысях, остановил пролетку возле Любы.

— Подано такси, гражданочка. Куда ехать?

Люба с огромным облегчением вскочила в пролетку.

— Пожалуйста, побыстрее. На аэродром.

Уже тронувшийся с места извозчик придержал лошадь. Спросил настороженно:

— На какой аэродром?

— На военный. Пожалуйста, побыстрее, меня ждут.

— Не, не пойдет так, — сказал извозчик, окончательно останавливаясь. — Повезу, а потом беды не оберешься. Кого возил, что видел. Ни к чему мне такие дела. Так что слазь, гражданочка, ищи другого дурака.

Пассажирка ни о чем не просила, но и пролетку не покидала. Извозчик недовольно оглянулся:

— Освобождай. Сказал ведь, не повезу...

И замолчал, столкнувшись с ее взглядом. В глазах не было ни слезинки, но столько отчаяния, страха и боли скопилось в них, что извозчик примолк.

— Муж у меня... воюет, — почти беззвучно прошептала Люба.

— Но, милая!.. — заорал вдруг извозчик, и лошадь с места взяла рысью.

— Ну что, так и будем стоять, пока твоя мама не вернется? — спросила Маша.

Они по-прежнему мялись в коридоре. Но после этого вопроса Егор вздохнул и открыл дверь комнаты.

— Проходи.

Они вошли.

— Это моя комната, — пояснил Егор и ткнул пальцем в висевший на стене плакат с изображением танка. — А это — боевая машина на гусеничном и колесном ходу БТ-7.

Маша мельком глянула на танк и с чисто женским любопытством начала осматривать комнату.

— Знаешь, у меня тоже была отдельная... — начала было она, но тут же осеклась.

— Толщина брони — до пятнадцати миллиметров, — продолжал Егор, не обратив внимания на ее слова. — Наклон броневых листов...

— Это твой папа? — Маша показала на большую фотографию.

— Да. Экипаж — три человека. Мотор — триста сорок сил. Лошадиных, представляешь?

— Он не живет с вами?

— Кто?.. А! Он в командировке. Кончил академию — и сразу в командировку, здорово, правда? Но самое главное, он может двигаться и на гусеницах, и на колесах. На гусеницах он делает около семидесяти километров в час, а на колесах — целых сто десять. Представляешь? Теперь перейдем к вооружению. Пулеметно-пушечное вооружение танка состоит...

Маша, внимая Егору, вслушивалась и в себя, поэтому улыбка ее была загадочна. Егор догадался, что ей хорошо и без танка, и тихо вышел на кухню.

Здесь он развил бурную деятельность: разжег примус, поставил чайник и разбил тарелку.

— Хотя и говорят, что посуда бьется к добру, но ты все-таки лучше отойди. Только покажи, где мамин фартук.

Она смотрела с той же странной улыбкой, точно прислушивалась к голосу изнутри. И Егор тоже заулыбался, но почему-то несколько растерянно и даже виновато.

На небольшом военном аэродроме стоял двухмоторный самолет с неработающими двигателями. Перед самолетом метался Иван Варавва в военной фуражке, длинном и широком плаще без знаков различия, с букетом цветов в руке. Он без конца поглядывал то на часы, то на маленькое здание в дальнем углу летного поля, а за ним по пятам ходил летчик и безнадежно ныл:

— Товарищ комбриг. Ну товарищ комбриг...

— Помолчи, — резко сказал Иван.

— Нагорит ведь мне.

— Сказал, помолчи! Три минуты прошу.

— Есть, — уныло вздохнул летчик и полез по шаткому трапу.

А Иван продолжал метаться перед самолетом, все время поглядывая на единственную дверь, ведущую из маленького здания на летное поле, и полы плаща развевались как крылья от его резких разворотов.

Летчик выглянул в окошко кабины, пострадал, но решился:

— Скоро, товарищ комбриг?

— А, чтоб тебя!.. — Варавва остановился, посмотрел на часы, оглянулся на дверь маленького здания. — Седлай!..

— Есть седлать! — радостно отозвался летчик и исчез из окна.

Взревели моторы. Иван в последний раз посмотрел на домик вдали, вздохнул. Потом бросил букет на крыло самолета и начал подниматься по трапу.

Из дверей маленького здания выбежала Люба.

— Стойте! — кричала она на бегу. — Остановитесь!..

Иван оглянулся и быстро спустился на землю. Заглохли моторы.

Они встретились у трапа самолета.

— Что с Алексеем?.. — задыхаясь, выкрикнула Люба.

— С Алексеем?.. — оторопел Варавва. — Не знаю...

— Господи... — Люба вдруг приникла к его груди. — Я ведь думала...

Он поднял было руку, но так и не решился прикоснуться к ее плечам. Ни погладить волосы, ни обнять. Сказал виновато:

— Полчаса выдалось. Уговорил летчика завернуть.

— Простите, Ваня, — Люба вытерла слезы, улыбнулась. — Пролетом, значит? Спасибо. И куда же?

Он неопределенно пожал плечами и спросил:

— Как вы, Любочка? Как Егор?

— Я учусь в мединституте. Егор мечтает о танковом училище.

— Молодец.

В окно опять выглянул летчик.

— Все, товарищ комбриг. Не могу больше.

— Да. — Варавва подавил вздох. — Я тоже. Прощайте, Люба Трофимова.

Он опять не рискнул к ней прикоснуться, но она сама обняла его и поцеловала. А он стоял, опустив руки по швам.

— До следующего свидания, Ваня. И помните адрес: «Красная Армия, Трофимову».

Иван кивнул, поднялся по ступенькам, и трап тотчас же убрали. Взревели моторы.

— Помните, у меня никого нет, кроме вас!.. — вдруг закричал Иван, стоя в дверях. — Никого, Любочка, слышите? Никого, кроме вас и Алешки!

Самолет бежал по полю, набирая скорость. От ветра, поднятого винтами, по всему полю разлетелись цветы.

В самой большой комнате был накрыт стол. По всем правилам: стояли тарелки и тарелочки, рюмки и рюмочки, вазы и вазочки. И за всем этим великолепием, напряженно улыбаясь, сидел Егор.

Вошла Маша... Нет, не вошла: вплыла, как вплыло солнце на свидание к поэту, и Егор сразу засветился и засиял. На Маше был слишком большой фартук, что, впрочем, нисколько не мешало ей играть сейчас очень важную роль — роль хозяйки дома.

— И все же чего-то у нас не хватает, — озабоченно сказала она. — Может быть, позвать соседей?

— Ну их, — совершенно серьезно ответил Егор.

— Но должен же быть праздник, правда? Должен кто-то прийти или приехать... Я знаю: ты приехал! Ты приехал из командировки. Ты был в далекой тайге, ты строил завод...

— Нет! — Егор вскочил. — Я был в другой командировке!

И выбежал из комнаты. А Маша немедленно кинулась к зеркалу. Внимательно оглядела себя, поправила волосы, одернула блузку.

Распахнулась дверь, и в комнату вошел Егор. Он был в свитере и в пилотке с кисточкой, которая в те времена называлась «испанкой».

— Салут, камарадос! — сказал он и поднял сжатый кулак к плечу.

— Здравствуй, Егор, — торжественно ответила Маша. — Я так ждала тебя. Откуда ты приехал?

— Ты не спрашивай, где мы были. Ты просто радуйся, что мы вернулись...

Выжженный город легендарной Испании тридцатых годов. Юркий танк отстреливается на площади с фонтаном. Взрыв. Боевую машину заволочло дымом.

Из откинутого люка вылез командир в комбинезоне и шлеме, вытащив следом раненого товарища. Спрыгнул на мостовую, взвалил на плечо раненого и, отстреливаясь, метнулся в кривые переулки. Он знал скорее направление, чем сам этот городишко, но конечную цель представлял себе вполне отчетливо и стремился сейчас к ней.

Следом с криками бежали фалангисты, стреляя на бегу. Вероятнее всего, они рассчитывали взять его живым, вполне резонно полагая, что человек, который тащит на плече обмякшее тело раненого товарища, никуда от них не денется. И стреляли для устрашения, не стараясь попасть.

А командир, отстреливаясь, кружил по узким улочкам. Порою ему удавалось спрятаться, пропустив мимо преследователей, но в укрытиях он не отсиживался, а продолжал упорно пробиваться к намеченной точке. Через дворы и ограды, улочки и переулки.

Наконец ему удалось вырваться из кольца, и впереди на окраине городка показалась баррикада. Укрываться было негде, и он напрямик бросился к ней. Добежал до баррикады, и в ту же минуту из-за домов показались фалангисты, сразу открывшие уже прицельный огонь по беглецу с тяжелой ношей.

Но командир сумел добраться до баррикады, перебросил раненого товарища, сказал по-русски:

— У этого парня — важное донесение.

Вдруг изогнулся, подняв голову: пуля угодила в спину.

Это был Алексей Трофимов.

— В спину... — стиснув зубы, сказал он.

Но дружеские руки уже тащили его через баррикаду...

Рука в белом халате кладет развернутую зачетку перед преподавателем, шпионившим за Машиной мамой.

— Обождите меня в коридоре, Трофимова, — сказал он, не поднимая головы.

Коридор института. Из дверей кабинета вышла Люба. Остановилась у окна.

Две девушки-студентки в белых халатах подбежали к ней.

— Получила зачет?

— Велел обождать в коридоре.

— Он зануда — ужас! Знаешь, я как-то из вежливости спросила: «Как ваше здоровье?» Так он целый час мне о своих болезнях рассказывал!

Приоткрылась дверь кабинета. Никто не выглянул, только голос раздался:

— Проходите, Трофимова.

Люба направилась к кабинету.

Преподаватель сидел за столом, больше в кабинете никого не было. Люба остановилась у торца стола.

— Садитесь, — предложил преподаватель. — Придется кое о чем побеседовать.

Люба молча села напротив.

— Мы знаем вас исключительно с положительной стороны, Трофимова. Ваш муж — орденосец, человек преданный и проверенный. И поэтому мы решили ограничиться разъяснительной беседой.

— Простите, мы — это кто?

— Мы — это партийная организация института.

— Я не являюсь членом партии.

— Вы — нет. А вот ваш муж является. И вам не следует пачкать ему «Личное дело».

— Я ничего не понимаю, — Люба неуверенно улыбнулась. — Я думала, что вы задержали меня по поводу зачета.

— Не прикидывайтесь, все вы понимаете. На прошлой неделе я открыто ходил за вами, чтобы вы заметили и сделали вывод. Но вчера вы опять провели добрых полчаса с этой санитаркой Белкиной. О чем беседовали?

— О детях. Наши дети учатся в одном классе. Только и всего.

— Вы либо наивны, либо хитры. А хитрость, Трофимова, это разум зверя, как сказано у Максима Горького.

— Возможно. Однако мы обе — матери, и вполне естественно, что...

— Естественно беседовать с женой врага народа? Вы это хотели сказать?

— Я всегда говорю то, что хочу сказать. Кроме того, товарищ Сталин в своем выступлении, если вы помните, особо подчеркнул, что родные не отвечают за преступления отца и мужа.

— Совершенно верно, совершенно правильно, — бдительный преподаватель «Основ» весьма смутился. — И все же дурной пример...

— Все же?.. — Люба холодно улыбнулась. — А не кажется ли вам, что вы пытаетесь уточнить товарища Сталина?

Преподаватель рукавом вытер вдруг выступивший на лбу обильный пот. Люба встала.

— Я старше студенток института, если вы обратили внимание. Я успела повоевать на гражданской, в отличие, скажем прямо, от вас. Можете справиться в отделе кадров о количестве заслуженных мною благодарностей командования. Я получила зачет?

— Да, конечно, конечно.

Люба требовательно протянула руку. Преподаватель суетливо порылся в карманах, отыскивая зачетку. Наконец нашел, протянул через стол. Люба проверила, есть ли в ней запись о сданном зачете, и молча вышла из кабинета.

Школа. Пустые коридоры.

Прозвенел звонок, и из классов разом высыпали школьники. Шум, гвалт, беготня.

Из дверей класса чинно вышли Маша и Егор. У девушки в руках была книжка, и вела она себя очень серьезно, даже строго: так, как, по ее разумению, должна вести себя учительница. А Егор чуточку валял дурака.

— Егор, пожалуйста, сосредоточься, — сказала Маша. — В образе Платона Каратаева...

Какой-то парень едва не налетел на Машу, но, получив добрый тычок от Егора, сразу же чинно удалился.

— Перестань, пожалуйста, отвлекаться, — строго приказала Маша. — Евангелистские тенденции...

— Чего?

— Ну христианские, понимаешь?

— А я не верю в бога.

— Но ведь Лев Николаевич Толстой верил в него!

— Вот пусть он и отвечает...

Прозвенел звонок.

— Все! — с облегчением заявил Егор. — Экипажи, по машинам!

— Балда, — с чувством сказала Маша. — Вызовут к доске, смотри только на меня. Если я моргну левым глазом, значит, отвечаешь правильно.

— А что делать, если правым?

— Начни отвечать заново...

И тут поток школьников втянул их в класс.

Утро.

Вестибюль института заполнен студентами. Сдают в гардероб верхнюю одежду, облачаются в белые халаты. Шум, смех, приветственные возгласы. Молодежь того времени была чрезвычайно общительной, и эта общительность всячески поощрялась.

С улицы вошла Люба. К ней бросились студентки, здоровались, шутили, смеялись. И Люба здоровалась со знакомыми и почти незнакомыми, шутила, смеялась, неторопливо пробираясь к вешалке.

Плащ взяла незнакомая пожилая санитарка. И Люба перестала улыбаться:

— А где Анна Васильевна?

— Не знаю такую, — угрюмо сказала санитарка. — Я теперь тут, на польтах.

— Но она же еще в субботу...

— Сказано, не знаю. И все.

— Уволили Анну Васильевну, — тихо объяснила подруга в белом халате — одна из двух студенток, которые ждали Любу в коридоре во время памятного ей зачета. — Я рано сегодня пришла и встретила ее на улице.

— Перевели?

— Говорит, просто уволили. Ни с того ни с сего. Она на работу вышла, а ей сказали, что уволена. Расстроена была очень.

Громко прозвенел звонок. Студенты расходились по аудиториям.

Комната, по стенам которой столько раз метался солнечный зайчик. Сейчас она освещена лампочкой под абажуром, зайчиков нет, а Маша и ее мать Анна Васильевна молча упаковывают немногочисленные пожитки. Книги, посуду, вещи.

Звякнул звонок входной двери. Слышен голос соседки из коридора:

— К вам, Анна Васильевна!

Почти сразу же постучали в дверь. Лицо Анны Васильевны стало еще более замкнутым.

— Да, войдите.

Вошла Люба.

— Здравствуйте. Что случилось?

— Машенька, выйди на кухню, — помолчав, попросила Анна Васильевна.

Тихо пробормотав: «Здравствуйте, Любовь Андреевна», Маша тотчас же вышла.

— Вы... вы уезжаете? — удивленно спросила Люба, только сейчас обратив внимание на сборы.

— Маша не знает, что меня уволили, так что сначала об этом, — вздохнула Анна Васильевна. — Я понимаю, Любовь Андреевна, что вы хотели помочь, но... Впрочем, я сама во всем виновата. В моем положении нельзя привлекать внимания.

— Господи, за что же вас уволили?

— Никаких причин не выдвигалось, просто уволили, и все. Я сразу же пошла в здравотдел, сказала, что согласна на любую работу, что у меня на руках дочь. Просила, умоляла, унижалась. Но там не грубили, нет. Очень вежливо объяснили, что пока никакой работы мне предложить не могут, но будут иметь в виду.

— Может быть, мне следует...

— Пожалуйста, не надо. Пожалуйста. Просто у них соскочила пружина, решили вдруг проявить бдительность. Это пройдет. Все проходит, надо просто ждать. Терпеливо ждать, когда они про нас забудут.

— И вы решили уехать?

— Разве я имею право что-либо решать, Любовь Андреевна? За меня решает кто-то и где-то. И «кто-то и где-то» решил, что мы с Машенькой должны выехать из этого дома в двадцать четыре часа. Даже машину на семь утра предоставили. Зарплата.

— Куда же?

— Нет, не на улицу, об этом тоже позаботились. Просто на окраину. «Овражки». Знаете такое место?

— Н-нет. Где это?

— Вот что написано в ордере, — Анна Васильевна достала бумажку, развернула:

— «Овражная, семнадцать, комната номер десять». Кстати, моих соседей переселяют тоже, правда, не в «Овражки» и не с такой поспешностью. Вероятно, это простое совпадение — то, что меня уволили, и то, что срочно переселяют. Очевидно, наша квартира понравилась большому начальнику. Даже догадываюсь, какому именно: он бывал здесь по делам службы.

— Кто это? — насторожилась Люба.

— Не надо вам знать, Любовь Андреевна. В наше время лучше иметь как можно меньше информации, так спокойнее. Прожиточный минимум. Кстати, он мужчина весьма суровый и курирует наш институт. Так что будьте осторожны.

— Господи, я отказываюсь что-либо понимать, — горько вздохнула Люба. — Какая-то изощренная жестокость.

— Пожалуйста, не давайте никаких оценок. Ничему и никому. Время норы. Надо загнать себя в норку и сидеть в ней, как мышка. А я высунулась.

— Завтра же пойду в здравотдел.

— Никуда вы не пойдете, — сурово и жестко сказала Анна Васильевна. — У вас есть сын, у меня — дочь. Будем думать только о них, только! О них и ни о ком больше. А сейчас — прощайте и уходите. Уходите, Любовь Андреевна, уходите!

Было ясное утро, и солнечный зайчик долго прыгал по голым стенам, по замусоренному полу, по пустой комнате. Никто не выглядывал в окно, никто не кричал счастливым голосом: «Мама, я пошла!..»

Тишина стояла в комнате. И в этой почти могильной тишине отчаянно метался солнечный зайчик.

Стоявший у книжного магазина Егор спрятал зеркальце, озабоченно, чисто по-отцовски нахмурился и решительно перешел на противоположную сторону улицы.

Он вошел в подъезд, взбежал на третий этаж и, мысленно сориентировавшись, позвонил в квартиру. Дверь открыла молодая соседка.

— Ты к кому?

— Мне к Белкиным.

— Уехали они. В семь утра машина пришла.

— Куда уехали? — растерялся Егор.

— На Овражную, что ли. Да, да. Овражная, семнадцать.

Соседка посмотрела на обалдело молчавшего Егора и закрыла дверь.

Глухая окраина города. Разбитая немощеная улица. Старые домишки и длинный унылый барак с коммунальной кухней и удобствами во дворе.

Это и есть Овражная, семнадцать, о чем уведомляет тусклая табличка на углу.

Егор долго рассматривал длинное деревянное сооружение. Он не спросил о комнате, какая предназначалась Белкиным, растерялся при виде многочисленных одинаковых окон, не знал, что делать, у кого узнать. Да и не было никого ни на улице, ни во дворе.

Решившись, он несколько раз прошелся мимо барака, надеясь, что его, может быть, увидит Маша, и ни разу не подумав, что окна ее нового жилья могут выходить и во двор, а не только на пустую улицу. Потом он, выбрав место на противоположной стороне, достал зеркальце и направил солнечный лучик на барак, поочередно запуская его в каждое окошко..

Из-за угла соседнего дома за его действиями настороженно наблюдала пожилая женщина в дворничком фартуке. Занятый пусканием солнечных зайчиков, Егор ее не замечал. А женщина незаметно подкралась и схватила его за руку.

— Кому сигналы подаешь?

Егор оторопел.

— Кому сигналишь, спрашиваю? — продолжая цепко держать его, дворничиха свободной рукой достала милицейский свисток. — Милиция! Милиция!..

Егор вырвался, уронив зеркальце. Побежал. Дворничиха бежала следом, свистела и кричала:

— Милиция!.. Милиция, шпион тут! Шпион!..

А зеркальце так и осталось на земле.

В перерыве между лекциями вестибюль заполнен студентками и студентами. Преподавателей совсем немного, и они — в окружении молодежи. Здесь же знакомый бдительный преподаватель. Он строго выговаривает Любиной подруге:

— Читайте газету «Правда», там все разъяснено о текущем моменте. И обязательно конспектируйте передовицы, буду строго спрашивать.

По лестнице в вестибюль спускалась Люба. Услышала громкий голос преподавателя «Основ», пошла прямо к нему сквозь толпу, раздвигая студентов, да, вероятно, и не замечая их сейчас.

—...В период обострения классовой борьбы...

В этот момент Люба прорвалась к преподавателю и, размахнувшись, прилюдно вlepила ему звонкую пощечину. Все замерли. Доцент растерянно схватился за щеку. Люба, не оглядываясь, вышла из института. В тишине громко хлопнула входная дверь.

Вечер. Темный коридор квартиры.

Входит Люба.

— А почему у нас темно, Егор? — удивленно спрашивает она и зажигает свет. — Егор!..

Щелкает выключатель, вспыхивает свет в большой комнате. Люба стоит в дверях.

— Егор! — уже волнуясь, окликает она.

Никто не отзывается. Люба, торопясь, обходит всю квартиру, везде зажигая свет. Убедившись, что сына нигде не видно, возвращается в большую комнату. Не раздеваясь, в бессилии и почти отчаянии опускается на стул.

И только сейчас замечает лежащую на столе записку.

«Мама! Не волнуйся, на два дня уехал по делам. Это очень важно. Взял 20 руб. Из буфета. Прости, что без разрешения. Скоро вернусь, все объясню. Целую. Егор».

Утром следующего дня зазвенел телефонный звонок. Люба была так взволнована, так ждала известий, что вылетела из ванной, едва набросив халат на мокрое тело. Схватила трубку.

— Егор?..

— Трофимова Любовь Андреевна? — спросил женский голос.

— Да... — она растерялась. — Кто это?

— Секретарь профессора Воронова. Ректор ждет вас сегодня в десять часов. Административный корпус, второй этаж. Постарайтесь не опаздывать.

— Что-нибудь с Егором? — закричала Люба. — Что с моим сыном?

В ответ зазвучали короткие гудки.

Если бы не внезапная выходка всегда сдержанного, спокойного Егора, Люба непременно бы сопоставила свою публичную пощечину с утренним вызовом к ректору. Но думала она только о сыне, все остальное отодвинулось куда-то в глубину, на второй план, а потому влетела на второй этаж административного корпуса с естественным вопросом:

— Что с моим сыном?

— Не знаю, — пожилая секретарша была несколько огорошена. — Вы Трофимова? Проходите, вас ждут. — И распахнув обитую дерматином дверь кабинета, сказала в его глубину:

— Студентка Трофимова.

В кабинете Любу ожидали двое: рыхловатого вида ректор института профессор Воронов и коренастый мужчина в белом халате поверх обычного костюма.

— Мой сын неожиданно уехал, — сказала Люба, входя в кабинет.

— Куда? — растерянно спросил ректор, ожидавший любых слов, кроме прозвучавших: у его студентов, как правило, не было сыновей, способных куда-то уехать самостоятельно.

— Не знаю, — Люба протянула записку ректору и опустила на стул.

Ректор почему-то передал записку неизвестному мужчине, даже не развернув ее. Все молчали, ожидая, когда он ознакомится с ее содержанием.

— Об этом мы поговорим отдельно, — сказал он, возвращая записку Любе. — Вас вызвали по другому вопросу.

— Можно начинать? — со школьной неуверенностью спросил профессор Воронов.

Коренастый мужчина недовольно поморщился. Ректор, сбитый с толку исчезнувшим сыном студентки, некоторое время откашливался, перекладывая карандаши на письменном столе. Собравшись с духом и мыслями, сказал наконец:

— Не далее как вчера утром вы публично нанесли оскорбление действием доценту нашего института Фролову Евгению Афанасьевичу.

— Господи, — с явным облегчением вздохнула Люба.

Для нее все вдруг встало на свои места. Преследование Анны Васильевны с дочерью Машей, в которую был влюблен Егор; пощечина в вестибюле института, внезапный вызов к ректору и даже таинственный отъезд сына неизвестно куда, зачем и почему. Она мгновенно вспомнила свой последний разговор с Анной Васильевной, ее предостережения, по-женски быстро оценила присутствие в кабинете постороннего мужчины, явно не привыкшего к медицинскому халату, и все поняла. Охота за мышками продолжалась, только мышкой на этот раз посчитали ее, и следовало во что бы то ни стало сразу же сбить их со следа, а может быть, и показать собственные зубки.

—...Пережиток прошлого, — бубнил тем временем профессор. — Естественно, руководство института не может пройти мимо такого вопиющего факта. Высокий авторитет доцента Фролова Евгения Афанасьевича...

— Извините, профессор, но при известном стечении обстоятельств не студентка бьет по физиономии доцента, а женщина — мужчину. Вы допускаете такие обстоятельства?

— То есть как это понимать? — растерялся ректор. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что здесь возможны и личные отношения, профессор. А поскольку я — замужняя женщина, то убедительно прошу вас разрешить это недоразумение здесь, в этом кабинете. Я заранее согласна с любым вашим решением вплоть до отчисления из института, только без всяких публичных толкований. Думаю, что доценту Фролову тоже не хочется афишировать пощечину, поскольку это может не понравиться его жене.

— Безусловно, — буркнул коренастый, неожиданно улыбнувшись при этом.

Улыбка имела столько оттенков, что Люба замолчала. Ей вдруг показалось, что она в чем-то переиграла, и сейчас лихорадочно проворачивала в голове весь предыдущий разговор.

— Безусловно, есть много неясностей, но проступок экстраординарный, и мы не можем... — бубнил ректор, окончательно сбитый с толку как внешним спокойствием провинившейся студентки, так и в особенности подмеченной им странной улыбкой коренастого мужчины. — Конечно, мы тут посоветуемся...

— Ни к чему, — перебил коренастый. — Вопрос ясен. Идите. Пока.

Последние слова предназначались Любе, а «пока» прозвучало весьма странно: то ли как прощание, то ли как предупреждение. Люба отметила эту двусмысленность, но тут же встала и, поклонившись, вышла из кабинета.

Она уже спускалась по лестнице административного корпуса, когда сверху окликнули:

— Трофимова, задержитесь.

Сверху спешил коренастый. Без халата.

— А ты не проста, Трофимова, — сказал он, поравнявшись. — Лихо ушла в активную оборону, боевая подруга.

Вроде шутил, а глаза не смеялись. Сухими были, как колючки. Люба глянула в них, отвернулась.

— С сыном не поможете мне?

— Нет. Да никуда он не денется, в записке срок обозначен. Если завтра не явится, обращайтесь в милицию, это по их части, — открыл дверь, хотел шагнуть раньше Любы, но задержался, глянув через плечо. — А доценту этому теперь из института уйти придется. Ловко, Трофимова!

И вышел все-таки раньше Любы.

Егор приехал на следующий день, как и обещал. Он был уже дома, когда Люба пришла из института.

— Егор!.. — Люба бросилась к сыну, обняла, прижала. — Ох, сын, как же ты меня напугал...

— Ну чего ты? — смущенно говорил Егор, глядя ее по плечу. — Ну чего плачешь-то? Я тебе тут картошку сварил... И потом, я же доложил по всей форме: куда еду, когда вернусь.

— Теперь доложи, зачем ездил. По всей форме, — сквозь слезы улыбнулась Люба.

— Ездил в танковое училище узнавать насчет приема.

— Боже мой, Егор, зачем такая спешка? Сначала надо хотя бы закончить школу...

Разговаривая, они прошли из коридора в большую комнату. Люба села к столу.

— Садись. Расскажи, что узнал.

— Сначала почему такая спешность, а то будет непонятно, — произнес Егор.

Он ходил по комнате, по-отцовски сдвинув брови, и мать с гордостью и любовью смотрела на него. Это был их сын. Ее и Алексея. Во всем — их сын.

— Я испугался, мам, — вдруг сказал он. — Испугался, что я трус, понимаешь? А трус не может защитить ни тебя, ни Машу. А ей нужна помощь, я знаю. Моя помощь, а какая помощь от труса?

— А почему ты вдруг решил, что ты — трус?

— Вдруг — это ты правильно сказала, очень правильно. Я ведь вдруг испугался, понимаешь? Испугался, аж поджилки затряслись, а кого? Кого?

— Кого же, Егор? Кого ты испугался?

— Она даже разговора не стоит. Детский какой-то страх из-за милицейского свистка. Но он же был во мне, был, я знаю, я чувствовал его. И долго думал потом: как же так? Значит, страх живет во мне, так получается? Значит, надо его задавить, пока он еще маленький, еще детский. Пока он не вырос — там, во мне, где шевельнулся, — его надо задушить, а то он всего меня заполнит, и тогда все. Армия прощай, Маша прощай, да и я, Егор Трофимов, сын командира Красной Армии, тоже прощай. Могу я такое допустить? Ты можешь? Отец может?

Он не кричал, не метался по комнате, не впадал в истерику. Он размышлял вслух, говорил очень рассудительно, словно еще раз пытался разобраться в себе самом до конца. Люба поняла, что он серьезно озабочен, может быть, не столько каким-то мистическим страхом, который обнаружил в себе, сколько тем, что вчера еще был мальчишкой, а завтра утром проснется юношей. Его сдержанное волнение передалось ей, и она тоже постаралась быть рассудительной и серьезной.

— Я понимаю тебя, сын. Но все-таки, может быть, следует сначала закончить школу? Образование только поможет тебе справиться со всеми страхами.

— Образование, вероятно, поможет, а вот время — нет. Если я этого трусливого гада сейчас в себе не удуш, потом поздно будет. Потом я стану трусом с образованием, вот кем я стану.

— Но ведь в танковое училище принимают после средней школы, разве не так, Егор?

— Принимают и после девяти классов, я все узнал. Если нет троек.

— А у тебя их — полтабеля, — узнав о тройках, Люба очень обрадовалась, но всеми силами сдерживала радость.

— Каких, мам, каких? По литературе да истории? Это не по профилю.

— Все это слишком серьезно, Егор. Подождем отца, а тогда и решим.

— Поздно, поздно, поздно! — Егор трижды стукнул кулаком по ладони, подтверждая каждое «поздно». — Гад этот во мне растет и растет, даже ночью чувствую, как он там внутри шевелится. Но я все разузнал, все. Меня возьмут в роту подготовки, весной допустят к экзаменам.

— Нет, Егор, так скоропалительно жизнь не решают, — Люба опять встревожилась. — Надо все взвесить, посоветоваться, обсудить...

Егор вдруг улыбнулся, и она замолчала. Потом спросила:

— Чему ты радуешься, хотелось бы знать? Собственным капризам?

— Посоветуемся, взвесим, обсудим, да? Это ведь для него, для страха моего, питание. Это он сейчас ликует, это он улыбается, твою поддержку почуяв. Ему поддержку, а не мне, вот ведь в чем тут дело. Странно получается, мам, я человеком хочу стать, Маше опорой... Ну и тебе, само собой. А ты подождать уговариваешь. Потом, мол, Егор, после дождичка в четверг. Жизнь нужно делать, а не ждать, пока она из тебя что-то там сама сделает. Делать, мама, так отец меня учил. И мое решение окончательное. Завтра заберу из школы

документы — и в училище. Помнишь четвертый пункт боевого приказа? «Я решил», вот как он звучит. Так я — решил.

И вышел из комнаты. А Люба тихо и беспомощно заплакала.

На следующий день она собирала сына в танковое училище. Аккуратно складывала пожитки в небольшой чемоданчик: трусы и майки, которые в те времена назывались «соколками», теплое белье и свитер, носки и портянки. Она прекрасно понимала, что такое служить в армии, знала, что всем этим вещам суждено так и остаться в чемодане, который сунут в номерную ячейку вещевого склада, но только так она могла проявить заботу о сыне. И еще Люба ясно представляла себе, что Егор добьется своего, как добился ее письменного согласия на уход из школы, получит все причитающиеся ему документы и характеристики, и завтра — ну, в крайнем случае, послезавтра — она проводит его во взрослую жизнь.

Ее очень беспокоила эта завтрашняя жизнь сына, поскольку начиналась она стремительно и куда раньше положенного по закону срока. Она жалела Егора, себя и мужа, и глаза ее все время были, что называется, на мокром месте.

В дверь позвонили. Люба несколько удивилась, так как у Егора был собственный ключ, старательно вытерла слезы и вышла в коридор.

Люба открыла входную дверь, и в квартиру проскользнули две знакомые студентки.

— Что случилось? Почему тебя не было в институте?

Они почему-то несколько смутились и замолчали.

— Сына в дорогу собираю. В танковое училище.

— Да он же совсем еще мальчик, — удивилась одна из студенток.

— Что делать, Трофимовы взрослеют быстро, — грустно улыбнулась Люба. — Да и времена нынче такие.

— Говорят, доцент-то наш по собственному желанию уволился! — вдруг радостно объявила вторая.

Они о чем-то возбужденно затараторили, Люба не слушала. Сказала, почему-то вздохнув:

— Поставьте чайник, девочки. Чайку попьем.

И тут где-то далеко ударил станционный колокол...

Дважды ударил станционный колокол.

— Все, — сказал Егор. — Экипажи, по машинам!

Люба и сын стояли на перроне возле готового к отправке пассажирского поезда.

— Пиши, — скрывая вздох, проговорила Люба и даже попыталась улыбнуться.

— «Красная Армия, Алексею Трофимову». Знаю, мама, адрес точный!

Люба крепко обняла его. Потом Егор высвободился, побежал к вагону, крикнув:

— Батю целуй!..

Кондуктор дал свисток, состав медленно тронулся. А Егор вдруг метнулся назад, к матери.

— Держи, мам, — отдал ей ключи от квартиры. — А то еще потеряю где-нибудь в танке!

Торопливо поцеловал ее, догнал уходящий вагон, вскочил на подножку. Заорал с мальчишеским восторгом:

— Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону!..

Люба стояла на перроне, махая вслед уже ушедшему поезду. Сквозь колесный перестук донеслось мальчишеское:

— Маше привет!.. Слышь, ма?.. Маше-е!

Добровольный уход опозоренного доцента Фролова Любу совсем не обрадовал. Она прекрасно понимала: как бы коллеги ни относились к преподавателю «Основ» — затронута не просто честь института (это было бы еще полбеды!), поколеблено само доверие к его, а стало быть, и их благонадежности. Теперь напуганный преподавательский коллектив сделает все возможное, дабы избавиться от опасной студентки. При молчаливом согласии тех, кто так и не научился носить белый халат медика, привыкнув к совсем другим мундирам. Она всегда

старательно и хорошо училась, но теперь ей предстояло учиться только на «отлично с плюсом». А потому ежедневно до поздней ночи корпела над учебниками и конспектами.

И в ту ночь она упорно занималась в большой комнате своей опустевшей, непривычно тихой квартиры. Вызубрив очередной кусок, прикрывала конспект, повторяя заученное про себя.

Коридор. Бесшумно открылась входная дверь, и в квартиру тихо вошел Алексей. Он был в иностранной шляпе, иностранном плаще и с иностранным чемоданом. Поставил чемодан, не раздеваясь, прокрался к освещенному дверному проему большой комнаты и осторожно заглянул в нее.

Люба, закрыв глаза, бубнила в голос прочитанное, но где-то запнулась и посмотрела в конспект.

— Эй, не подглядывать, — тихо сказал Алексей.

Люба оглянулась на голос, всмотрелась, вскочила.

— Алеша! — бросилась на шею, закричала вдруг, точно не веря собственным глазам. — Ты вернулся?! Вернулся?!

— Вернулся, — шептал Алексей, целуя ее. — Вернулся, Любаша, вернулся. А где Егор?.. — он вдруг отстранился, громко и весело закричав: — Егор!.. Сын, спишь, что ли?

— Не надо кричать, дом разбудишь, — Люба грустно улыбнулась сквозь слезы. — Одни мы с тобой, Алеша. Как в Туркестане. И ни Ивана нет, ни комэска...

— Я устала ждать, Алексей. Устала.

Было раннее утро. Люба в халатике откинула занавески окна, открыла форточку.

Алексей еще лежал под одеялом, курил и хмуро слушал жену.

— Я всю жизнь только и делала, что ждала, — продолжала Люба. — Ждала, когда ты воевал с басмачами, ждала, когда гонялся за бандой Павлюка в павлоградских степях. Ждала, когда учился, когда уезжал в командировки, когда валялся в госпиталях. Я все время ждала — и дождалась. Вечером ты приезжаешь, а утром объявляешь: собирайся. Куда собираться, Алексей? Мне надоела мебель с инвентарными номерами, я жить хочу. Нормально жить, просто — жить, как все люди. Наш сын бросил школу, недоучившись, и я не могла его удержать. Его могла удержать только Маша, но девочку загнали в нору, я тебе рассказывала всю ночь о наших ЧП. И я — тоже человек. Я обязана закончить институт, в конце концов. Назло закончить, если угодно. Я в Москву хочу, я там родилась. И я никуда не поеду, Алексей. Никуда, понимаешь?

Алексей рывком поднялся с кровати. Повернувшись спиной к жене, снял пижамную куртку, взял полотенце.

— Я должна, я обязана доказать им...

Люба взглянула на мужа и замолчала, увидев ниже лопатки свежее пулевое ранение. И тихо спросила:

— Когда едем, Алеша?

— Послезавтра, Любаша. Собирайся, — Алексей пошел к дверям, остановился, вдруг усмехнувшись:

— Докажешь в другом месте. В Москве, говорят, аж два медицинских института.

— В Москве?! — ахнула Люба.

Алексей молча улыбнулся и вышел из спальни.

Была ранняя весна, и по улице областного города строем шла рота курсантов танкового училища.

Они громко пели песню, и Егор, шагавший правофланговым во второй шеренге, восторженно пел вместе со всеми.

И родная отвечала:

«Я желаю всей душой,
если смерти, то мгновенной,
если раны — небольшой...»

Расставания

Высоко в небе, нестерпимо солнечном и нестерпимо синем, плыл самолет. Под ним над самой землей громоздились суровые черные тучи.

В самолете было несколько военных пассажиров весьма высокого ранга: комкоры и комдивы, среди которых — Иван Варавва. Все, как один, с орденами на ладных гимнастерках, и все — веселые. Может быть, оттого, что гуляла по рукам бутылка доброго коньяка, может быть, просто потому, что возвращались они из долгой, нудной командировки домой, в семью, в привычную жизнь к привычным делам.

— Негостеприимно Москва встречает, Ваня, — заметил пожилой, увешанный орденами комкор, передавая комдиву Варавве бутылку коньяка. — Глянь, какие тучи внизу.

— Майская гроза, — Иван сделал глоток и передал бутылку соседу. — Прямо по Тютчеву.

— Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром... — продекламировал кто-то из пассажиров. Но замолчал, так как из кабины выглянул штурман:

— Москва не принимает, товарищи. Идем на запасной аэродром.

— Долгая будет посадка, — вздохнул комкор.

Самолет резко накренился, входя в разворот.

Самолет бежал по летному полю маленького аэродрома. Тучи висели над самой землей, но еще не пролились дождем. Было просто темно и душно.

Самолет остановился, и к нему сразу же подъехали черные «эмки». По одной на каждого пассажира.

— Знатно нас сегодня встречают, — с удовольствием отметил комкор. — Каждому — персональный экипаж.

Заглохли моторы.

— Эй, летуны, открывайте дверь! — крикнул кто-то из пассажиров.

После некоторого ожидания дверь открылась, и в салон ловко прошмыгнули четверо. В черных кожаных пальто, с пистолетами в руках.

— Всем сидеть! Сдать оружие! Выходить по одному! — чересчур громко выкрикнул старший.

У трапа выходящих пассажиров ожидали такие же зловещие фигуры в черном. Двое хватили очередного спускавшегося на землю военного, умело обшаривали, отбирали вещи и документы и усаживали на задние сиденья подъезжавших одна за другой черных «эмок». Быстро, ловко и молчаливо.

— Персональная машина, — горько усмехнулся Иван.

— Не разговаривать!..

Варавву тоже запихнули в машину. Сопровождающий оттиснул его на середину, справа уже сидел кто-то, и Варавва оказался зажатым с двух сторон.

Одна за другой отъезжали черные машины от самолета и по глухому шоссе мчались в Москву.

А дождя все не было. Стояла предгрозовая маята.

Солнце клонилось к закату. Истомленная непривычной для конца мая жарой, Москва заканчивала трудовой день. Звенели трамваи, гудели клаксоны троллейбусов и автобусов, которых в то время было значительно меньше, чем трамваев. И все средства транспорта в этот час были увешаны людьми.

В трамвае маршрута №6 стоял полковник Трофимов. Он был в ловко пригнанной форме, перетянутой портупеей, с наганом на одном боку и командирской сумкой на другом. На гимнастерке алел орден Красной Звезды.

— Товарищ командир, на следующей не выходите? — уважительно спросили сзади.

— Нет, пожалуйста.

Алексей потеснился, пропуская пассажира, и оказался прижатым к скамье, на которой сидели двое мужчин.

— Ты скажи, скажи мне, Федор, какого рожна им не хватало? — шепотом, достаточно громким, чтобы его мог слышать Алексей, говорил один из них. — И почет тебе, понимаешь, и слава, и пайки хорошие, и квартиры. Герои Гражданской войны...

— Тю, герои! Скажешь тоже. Сами себе они орденов повешали, там организация целая, слышал радио? Своих и продвигали. Вот Чапаев — это герой, никто его не продвигал.

— Погоди, Федор, погоди. А выгода им какая?

— Они своего не упустили, не боись. Думаешь, дешево нас империализму продали? Задарма? Тоже мне, нашел дураков. Да они восстание готовили, карты отдали, как пройти к нам... Остановка наша! Товарищ полковник, тут сходите?

Трофимов молча посторонился. Приятели проталкивались к выходу.

— Садитесь, гражданочки, — сказал Алексей и потеснился, пропуская на освободившиеся места двух пожилых женщин.

— А у них, поди, и дети есть? — вздохнула одна, усаживаясь.

— Конечно есть, а как же? Они — богатые, родиной торговали.

Конечное кольцо шестого маршрута Покровское-Стрешнево. Трофимов вышел вместе с последними пассажирами. Огляделся.

Напротив, на дощатом заборе, щедро исписанном матерщиной, висели плакаты — «ЕЖОВЫЕ РУКАВИЦЫ», «СМЕРТЬ ШПИОНАМ!»

Алексей опустил голову и направился к входу в парк.

Он шел по центральной аллее, задумавшись настолько, что не заметил, как с ним поздоровалась встречная пара: молодой командир с женой.

Потом пересек железнодорожные пути и вошел в военный городок, где гремело радио.

Давно уже нет этого городка, но он был. Были строго по линейке выстроенные двухэтажные щитовые домики с печным отоплением и двумя подъездами в каждом. За рядом домов тянулась цепь дровяных сараев, а в конце каждого ряда на краю огромного пустыря, ограниченного молодым сосняком, стояли двухдверные уборные с надписями «МУЖ» и «ЖЕН» и большие мусорные ящики с крышками. И все — дома, сараи, уборные и помойки — все было выкрашено в ослепительно белый цвет.

Он многим памятен — этот городок с общей побудкой и оглушительно громко работающим радиоузлом. Квартиры состояли из двух маленьких комнат и кухни без всяких удобств.

Полковник Трофимов шел по песчаному промежутку между рядами домов, назвать его улицей сегодня не поворачивается язык.

— Здравствуй, полковник Алеша.

Очень миловидная молодая кокетка улыбалась весьма игриво.

— Здравствуй, Маруся.

— Ждем вас завтра вместе с супругой-доктором. Не забыли, по какому поводу?

— Ну, как можно, Маруся. Помним, будем. Николаю привет.

«...Кровавые наймиты империализма свили змеиные гнезда в самом сердце нашей родной Красной Армии», — поведало вдруг замолкавшее на минуту радио.

Под его звуки Трофимов вошел в подъезд последнего дома.

По правой стороне от лестничной площадки располагались однокомнатные квартиры, обставленные очень простой и порядком изношенной мебелью с инвентарными номерами, привинченными на самом видном месте.

Люба Трофимова поставила последнюю тарелку на кухонный столик, и тут же хлопнула входная дверь. Тарелки, правда, были без инвентарных номеров, но зато с надписью «Красная Армия». И тарелки, и кружки, и вообще все, что окружало Трофимовых, было собственностью Красной Армии. Кроме книг, Любиных платьев и белья.

Вошел Алексей. Молча поцеловал жену, вымыл руки над чугунной раковиной.

— Как поживают крысы?

— В тоске. Ты очень хорошо заделал дыры.

— Все равно прогрызут.

Алексей сел к столу и закурил. Люба промолчала, но демонстративно открыла форточку. И сразу же донеслось радио:

«...Наши отважные чекисты схватили за руки двурушников в форме Красной Армии...»

— Закрой!.. — вдруг, не сдержавшись, крикнул Алексей.

Люба притворила форточку. Спросила тихо:

— Ты сомневаешься?

Алексей курил, глубоко затягиваясь. Потом сказал:

— Профессия запрещает.

Утром на той же кухне Трофимовы завтракали, сидя друг против друга, только Алексей хлебал гречневую кашу с молоком, а Люба — с маслом.

— Едем вместе? — спросил он за чаем. — Или у тебя вторая смена?

— Первая, но я задержусь. Что-то Антиповна моя запаздывает.

— Кстати, об Антиповне этой, — помолчав, хмуро сказал Алексей. — Что, одна не справляешься?

— Справляюсь, — улыбнулась Люба.

— Коситься стали, понимаешь, — недовольно пробурчал он. — Мол, Трофимовы на двоих прислугу завели. У комдива и то прислуги нет.

— Да какая же из Антиповны прислуга, Алеша? Два раза в неделю на полчаса работы.

— Тогда для чего? Старорежимные привычки?

— Представь себе, и привычки тоже. Меня с детства учили уважать человеческое достоинство.

— При чем тут достоинство?

— У Антиповны на руках — взрослая дочь, инвалид первой группы. Мужа нет, а много ли она, техничка, получает?

— Всем не объяснишь, — вздохнул он, затягиваясь портупеей. — А народ сейчас пронизательным стал.

Поцеловал жену, вышел. Люба вымыла посуду, все аккуратно расставила по местам, когда на кухню вошла Антиповна.

Это была худая изможденная женщина неопределенного возраста с колючими сухими глазами. Одевалась она чисто и опрятно, но и платье ее, и темный вдовый платок тоже были как бы без возраста.

— Опять сама прибиралась?

— По примете. Чтоб муж не разлюбил, — улыбнулась Люба. — Эти яички — вам на завтрак, а я побежала. Опаздываю.

И впрямь побежала. Антиповна завернула каждое яичко в обрывок газеты и спрятала их в свою клеенчатую сумку. Потом обмотала швабру тряпкой и, взяв ведро с водой, прошла в комнату, обставленную побывавшей в употреблении мебелью с инвентарными номерами.

Здесь она принялась старательно протирать пол, сердито ворча:

— Ишь, богатеи нашлись, яйцами кормят, у самих-то — одни книжки да орден на мужике...

К 9 утра на трамваях с двумя пересадками полковник Трофимов добрался наконец до места службы — массивного официального здания одного из управлений Наркомата Обороны.

Именно в это время к зданию со всех сторон спешили командиры разного ранга. Здоровались друг с другом сдержанно и негромко, входили в подъезд под приземистой колоннадой. И Алексей вошел туда вместе со всеми.

У входа в широкое фойе стоял часовой, проверявший пропуск, а чуть подальше за отдельным столиком сидел дежурный.

Алексей предъявил пропуск, миновал часового, но дежурный негромко окликнул:

— Товарищ Трофимов! В двадцать восьмой просили зайти.

Он поднялся на второй этаж, по ковровой дорожке прошагал до указанного кабинета, постучал.

— Прощу! — глухо откликнулись изнутри.

Алексей вошел в кабинет:

— Товарищ комдив...

— Здорово, — пожилой комдив вылез из-за стола, пожал Алексею руку. — Слушай, я чего тебя вызвал? Я того тебя вызвал, что, понимаешь, отчет...

Сказав эти необязательные слова, он вдруг включил висевший на стене репродуктор на полную мощность. Громко ворвалась бравурная музыка.

Трофимов недоумевающе уставился на комдива. А тот, не глядя, вернулся к столу и что-то написал на листке блокнота. Потом поманил Алексея пальцем и им же ткнул в блокнот: «АРЕСТОВАН ИВАН ВАРАВВА».

Замер Алексей над этими тремя словами.

Комдив вырвал листок, достал спичку, сжег бумажку и пальцем растер пепел в прах...

И снова — трамваи, трамваи. Шумные, горластые, переполненные пассажирами. На сцепке по два, а то и по три вагона, и все двери нараспашку. И публика с непременными авоськами. Торчат из ячеек авосек морковки и огурцы, селедочные хвосты, зеленые перья лука. А колбаска завернута и — на самом дне. Ее берут понемногу, по сто — сто пятьдесят граммов. Детей побаловать.

Среди пассажиров — Алексей. Крепко сжатые челюсти, сухой, невидящий глаз: взгляд в себя, внутрь.

— Вы выходите, товарищ командир? Выходите, спрашиваю?

— Что? — очнулся Алексей. — Нет. Виноват.

— Не сходит, а середь прохода растопырился...

Притиснули к лавочкам. Прошли.

Раньше такой неприязни не было. Раньше — с улыбкой, с шуткой, с добрым словом обращались к человеку в военной форме. Теперь — совсем по-иному: военные-то, герои гражданской, защитнички, врагами народа оказались. Вон и по радио их в грязи полощут, и в газете «Правда» карикатуры. Кому верить?

«Кому верить?» — вопрос, безмолвно звучащий в каждом трамвае и в каждой душе.

Остановилась «шестерка»: кольцо в Покровском-Стрешневе. Посыпался народ из вагонов.

«...Изверги в военной форме планировали убийство товарища Сталина и расчленение всего Советского Союза...» — гремело радио.

Алексей остановился у продуктового магазина, вынул из командирской сумки две толстые тетради, зажал их под мышкой и вошел в магазин.

Алексей с тетрадями под мышкой и заметно пополневшей командирской сумкой на боку шел по центральной дорожке.

Через парк, железнодорожные пути — в военный городок с орущим радио, неистребимой белизной общих сортиров и общих помоек.

На кухне Люба готовила ужин, когда хлопнула входная Дверь.

— Алеша?..

Люба потянулась к вошедшему мужу с поцелуем, но он не заметил. Открыл командирскую сумку, молча поставил на стол бутылку водки и банку бычков в томате.

— Это по какому поводу? — спросила Люба.

И опять он промолчал. Вымыл руки под краном, сел к столу. Люба недовольно пожалла плечами, но поставила на стол рюмки.

Алексей скovyрнул сургуч на пробке, выбил ее, ударив ладонью по дну бутылки, налил жене, а свою рюмку отодвинул. Взял белую чайную кружку с пурпурной надписью «Красная Армия» и наполнил ее водкой до краев.

— Что-нибудь с Егором? — с тревогой спросила Люба. — Да не молчи же, не молчи!..

— Выпей, Любаша. В порядке Егор, — глухим безжизненным голосом сказал Алексей.

— А с тобой что? Что случилось?

— Пей, Любаша. Ваньку арестовали.

Кажется, Люба вдруг рухнула на стул. Алексей пил, скрипела по дну консервной банки его вилка, гремело радио.

«Броня крепка, и танки наши быстры,
и наши люди мужества полны...»

А потом вдруг Люба закричала:

— И ты веришь? Веришь? Веришь?..

— Что?.. — тихо спросил он, подняв голову.

И она сразу замолчала, увидев его лицо. Осунувшееся, постаревшее на сто лет за одни сутки. Меньше: за считанные часы. По серым провалившимся щекам медленно ползли две слезинки. Алексей не смахивал их, потому что не знал, что может плакать.

И тут что-то случилось с радио. Вместо пафосных обличительных речей, вместо грома маршей и официального оптимизма массовых песен раздался голос Утесова:

Служили два друга в нашем полку,
Пой песню, пой!

И если один говорил из них «Да»,
«Нет» — говорил другой.

Однажды их вызвал к себе комиссар,
Пой песню, пой!

«На Запад поедет один из вас,
На Дальний Восток — другой».

Друзья усмехнулись: ну что за беда!
Пой песню, пой!

Один из них вытер слезу рукавом,
Ладонью смахнул другой...

И опять — трамваи, трамваи. Что делать, это было их время.

На этот раз в одном из трамваев ехала Люба с большой хозяйственной сумкой. Она сошла на нужной остановке и, перейдя улицу, скрылась в подъезде поликлиники. Потом оказалась во врачебном кабинете. Надела белый халат и шапочку. Сказала сестре:

— Проси, Аня.

Медсестра выглянула в коридор:

— Чья очередь?

Вошла старушка, просеменила к столу.

— Здравствуйте, — сказала Люба. — Садитесь, пожалуйста. На что жалуетесь?

— Спать не могу, — тихо ответила старушка. — Уж какую ночь спать не могу...

Была вторая половина дня. Яростное июльское солнце плавало асфальт на Кузнецком.

Люба с большой сумкой шла по мягкому асфальту, оставляя следы за собой.

В большом, скверно освещенном помещении в молчаливой очереди стояли безмолвные женщины. Может быть, были там и мужчины, но мне почему-то запомнились только женщины.

Не будем спешить мимо них к сюжетам со счастливыми концами: счастья у этих женщин уже не было. Но молчали здесь вовсе не потому, что счастье осталось в прошлом: женщины и в горе находят отдушину в разговорах. Здесь молчали по куда более серьезной причине, чем личное горе. Здесь молчали из страха окончательно погубить любимого, семью и самую себя. Уже одно то, что они встали в эту проклятую очередь с передачами, до времени скрытыми от глаз в глухих сумках, было отмечено кем-то и где-то, стало тавром, черной страницей досье, знаком беды. Но там, за беззвучными каменными стенами, реально погибали их мужья, братья, сыновья, любимые. И поэтому так тихо, так покорно и так несокрушимо стояли здесь эти женщины.

Запомним их лица: одной этой очередью они исполнили свой долг на земле.

Медленно, ох, как медленно продвигалась эта очередь! Но все терпеливо ждали, пока стоявшая впереди ныряла в узкую нору окошка.

— Варавва Иван Семенович, — сказала Люба, когда подошел ее черед.

— Документы. Вы ему — кто?

— Я?.. Сестра.

Грубые короткопалые руки ломают хлеб, прощупывают все, что только можно прощупать, пересыпают сахар, крошат печенье. Режут ножом колбасу, масло, сало. Режут спелые помидоры, и сок течет как кровь.

И опять — бесконечные трамваи, трамваи, трамваи.

В них едут Люба и Алексей. Отдельно друг от друга, в разных маршрутных номерах.

Алексей добрался до дома первым. Привычно снял португеею, вымыл руки, разжег примус и еще раз вымыл руки. Он помогал жене всегда, но хозяйство не вел и в порядке путался.

Появилась Люба. Молча поцеловала мужа, ушла в комнату переодеваться.

— Где задержалась? — крикнул Трофимов из кухни.

— Там большая очередь.

— Где — там?

— Одни женщины, — Люба вернулась на кухню уже в домашнем халатике. — И все молчат, Алеша. Все молчат.

— Это где же?

— Там передачи принимают, я кое-что собрала Ивану. Какое у него питание, сам понимаешь.

Она принялась чистить картошку. И повисла длинная пауза, потому что Алексей закурил.

— Он здесь? — тихо спросил он наконец.

— Здесь.

— Как же ты нашла?

— Да вот нашла.

Он докурил, бросил окурочок в мусорное ведро. Подошел, крепко обнял, поцеловал.

— Молодец.

На следующее утро, когда Алексей входил в Управление, его остановил дежурный:

— Вас просят в двадцать восьмой кабинет. Немедленно.

Алексей поднялся на второй этаж, по знакомой ковровой дорожке прошел к кабинету №28. И остановился перед дверью, потому что за нею глухо звучала музыка. Усмехнулся, покачал головой.

И открыл дверь без стука. Стучать было бессмысленно. Посреди кабинета стоял молодежавый подтянутый комдив. Другой был хозяин у кабинета, и поэтому Алексей задержался у входа.

— Входи и закрой дверь! — прокричал комдив, перекрывая музыку.

Алексей закрыл дверь, подошел к комдиву.

— Ты что, Трофимов, с ума сдвинулся? — заорал комдив.

— Не понял! — крикнул в ответ Трофимов. — А где Степан Лукьяныч?

— Нету такого! Нету, ясно тебе? Я есть, комдив Коваленко! На академических курсах учился, когда ты основной кончал! Вспомнил?

— Ну?

— Враги кругом!

— Ну?

— Не нукай! Жинка твоя Ивану Варавве передачи носит! Сестрой обозначилась! Но — проверили! Она! Любовь Андреевна Трофимова, так?

— Да выдерни ты это радио!.. — не выдержал Алексей.

— Ты мне не указывай! Загреметь хочешь? Знаю, смелый! Только оттуда никакая смелость не вытащит!..

Так они орали каждое слово, а из динамика, включенного на полную мощность, неслось: «...Всех врагов в атаке огневой три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой!..»

Вечером Алексей почти бежал через парк. Видимо, в его ушах все еще звучала разудалая песня про танкистов, под которую они с комдивом орали слова, какие в те свинцовые времена и шепотом решался произносить далеко не каждый.

Миновал железнодорожные пути, вбежал в военный городок.

— Здравствуйте, Алексей Иванович.

— Здравствуйте.

Кто поздоровался, кому ответил — все мимо пролетело.

Распахнул дверь подъезда.

— Ты? — спросила из кухни Люба.

— Я!..

Он прокричал по инерции, но в кухню вошел спокойно.

Тихо было в квартире. Радио они не включали.

— От Егора письмо, — радостно сообщила Люба. — Сержанта ему присвоили. Доволен?..

Никак не прореагировав на первое воинское звание сына, Алексей включил репродуктор на полную мощность.

— Зачем тебе этот шум? — недовольно поморщилась Люба.

— Звукопомеха! — он вопил почти как в кабинете №28, но все же не так громко, потому что динамик у комдива был помощнее. — Опять передачу носила?

— Сегодня не принимают. Выключи радио. Или, пожалуйста, сделай потише.

Но Алексей громкость регулировать не стал.

— Это надо немедленно прекратить!

— Почему?

— Я сказал, прекратить!

Люба прошла к репродуктору, выдернула штепсель из розетки и тихо напонила:

— У него никого нет, кроме нас, Алеша.

— Его счастье! — по инерции выкрикнул Алексей, но сразу же сбавил тон. — Сейчас счастье с обратным знаком. С минусом оно, понимаешь? — спохватился, включил радио, но сделал все же потише. — Минус счастье, минус! У кого ничего нет, того и взять не за что. А у меня — ты и Егор. Ты и Егор, понятно это тебе? И я требую прекратить всякие передачи!

Люба подошла к репродуктору, снова выдернула штепсель.

— Включи! — крикнул Алексей. — Немедленно включи радио!

— Ты — трус? — тихо спросила она.

— Я сказал, радио...

— Трус, — Люба бросила на пол черную тарелку репродуктора и яростно растоптала ее. — А я-то, дура, думала, что мой муж — русский офицер.

— Твой муж — красный командир, а не офицер! Красный, понятно?..

— Офицер в России не попугай, в цвета не окрашен. Он украшен честью, и либо имеет ее, либо не имеет. Минус честь, Алексей, а не минус счастье. Загляни в свою душу, загляни и посмотри, осталась ли там хоть капля...

— Дура! Дура чертова! — заорал он. — Из дерьма не выплывают!

— Трус! — резко выкрикнула Люба. — Мой муж — трус, слышите?!

В стену резко застучали: услышали в соседней квартире. И Трофимовы сразу замолчали, испуганно глядя друг на друга. Потом Люба опустилась на пол рядом с раздавленной тарелкой репродуктора и беззвучно заплакала. Алексей шагнул к ней, тоже почему-то сел на пол, обнял, зашептал в ухо:

— Успокойся, Любаша, успокойся...

Трамваи, трамваи. Плакаты, плакаты.

Детство, в котором мы выросли.

И опять — приемный пункт передач страшной Лубянки. Опять — скорбная молчаливая очередь женщин. Опять — глубокое, как амбразура, окошко. Здесь они пытались прикрыть нас. Раньше, чем это совершил Александр Матросов.

— Варавва Иван Семенович.

— Уберите передачу, — донесся глухой, как из подземелья, голос. — Заполните бланк. Четко и без ошибок.

— Пожалуйста, примите, здесь очень большая очередь. Я заполню, обязательно заполню.

— С бланком без очереди. Следующий!

Люба вынырнула из ниши с листком и передачей в руках. Растерянно оглянулась, отошла. Суетливо полезла в сумочку в поисках, чем можно было бы заполнить бланк.

Женская рука протянула ручку с вечным пером.

— Благодарю, — тихо сказала Люба.

— Это плохо, — почти беззвучно выдохнули в ответ. — Это очень плохо. Лучше уходите.

— Я знаю, — кивала Люба. — Знаю, как это плохо. Только у него никого нет, кроме нас.

Комната в квартире Трофимовых.

— Вон по радио цельный день про шпионов шумят, — ворчала Антиповна, старательно орудуя шваброй. — Про шпионов не понимаю, неграмотная я. А так тебе скажу, что из-за жилплощадей все. У кого жилплощадь добрая да с мебелью, тот сразу же и шпион. Его, значит, в холодную, а сам — в теплую. На согретое место, на хорошие мебели. Жизнь такая, что кому в тюрьме сидеть, кому — суму делить. Кто, значит, кого упредит. Нищий народ сильно ушлый.

— Антиповна, милая, ты за моим присмотри, — с глубокой тоской сказала Люба. — Сын в училище, ему проще.

Она сидела у двери с опустевшей сумкой на коленях. Как вошла, так и села.

— Уезжаешь куда, что ли?

— Арестуют меня. Не сегодня, так завтра.

— Чего?.. Тоже богатейка нашлась, — Антиповна бросила тереть пол, глядела с открытой насмешкой. — Какой им интерес тебя на казенные харчи сажать? Нету такого интереса, не нажила ты интерес. За неделю больше съешь, чем все твои книжки стоят. А им какой от этого прок? Невыгодно это им.

И вновь принялась с ожесточением тереть пол.

— Господи, ну где же Алексей? — помолчав, вздохнула Люба. — Специально на работу не пошла, чтобы с ним последний вечерок... Ну где же он, где?..

Алексей сидел в чужом кабинете против молодого симпатичного майора. Майор был улыбчив, но полковник Трофимов мало улыбался в ответ.

— Значит, чего хочет твоя жена, то и творит, так получается? — вполне благодушно попытался майор. — А твоя, Трофимов, хата с краю?

— Варавва спас ее от смерти в Туркестане.

— Геройством прикрываться — самый их распространенный приемчик, чтоб ты знал, — сказал майор. — А если глубже копнуть? Не размышлял?

— Да куда уж глубже-то, — вздохнул Алексей.

— В корень надо смотреть, в корень, Трофимов. А тут один корень — зажиточный казак, а другой корень — дворянское отродье. Два чуждых нам класса.

— Ее отец — боевой офицер, командир дивизии. Я документы читал.

— Мало ли чего в документах напишут. Скажи, мог командир дивизии в атаку ходить, будто солдат?

— Ну, если надо. Он — офицер, мало ли...

— Мало, Трофимов, мало! Это наши краснозвездные герои... — майор вдруг решил не развивать начатую тему. Сказал, помолчав:

— Окрутили, выходит, тебя, Трофимов. Слабинку выказал и по их нотам... этого... Моцарта сыграл.

— Что? — удивленно спросил Алексей.

— А то, что на примете та квартирка была. Со львами у подъезда. Офицерье там собиралось, бывшие всякие. Думаешь, тогда милиция дознание проводила по делу об убийстве? Нет, Трофимов, ошибаешься. Наши за тем гадючьим гнездом следили, ученики железного Феликса Эдмундовича Дзержинского. А ты им все карты спутал.

— Чем спутал? Тем, что Любу на фронт увез?

— Она тогда уже роли не играла, почему и увезти не препятствовали. Ты же всю операцию сорвал.

— Какую еще операцию? Я бандюг с поличным взял и милиции передал из рук в руки.

— Это те-то бандюги? Ошибаешься, Трофимов, крупно ошибаешься в классовом подходе. Оступившиеся они, Трофимов, оступившиеся хлопцы, нам социально близкие. А та публика — социально враждебная. Уразумел? И ты по их социально враждебным нотам... этого... Моцарта сыграл. А парней на третий день отпустили за неимением прямых доказательств. Все в деле есть, все запротokolировано и пронумеровано, — майор похлопал рукой по лежавшему перед ним пухлому «Делу». — У нас, Трофимов, ни один фактик не пропадает, время над бумагами власти не имеет. Ну ладно, по-товарищески отвечать не хочешь, тогда прямо спрошу. Что тебе, гражданин Трофимов, известно о связях и разговорах твоей жены с врагом народа Иваном Вараввой?

— Ничего.

— Отрицаешь всякую связь?

— Отрицаю.

— Ты подумай. Крепко подумай.

— Варавва спас мою жену от смерти.

— Не желаешь отвечать?

— Отвечаю: Варавва спас мою жену от смерти в Туркестане, — сжав зубы, упрямо повторил Алексей.

— Ну-ну, — вздохнул майор. — Упрямый ты, Трофимов. Но ничего, посидишь — вспомнишь. Все вспомнишь! У тебя мозги тренированные, ты вон академию с медалью закончил.

Майор позвонил, и в кабинет вошли двое. Остановились у двери в ожидании дальнейших приказаний.

— Сдай оружие, Трофимов. Оружие, документы, все бумажки. И сумку свою оставь. Там она без всякой надобности.

Ослепительно залитые светом бесконечные гулкие коридоры. Ни души, только стук сапог. То там, то тут. То тише, то громче.

Начало безлюдия и безмолвия.

Ночь. Тот же — только очень далекий, как эхо, стук сапог.

Квартира Трофимовых освещена. И кухня, и комната. На ходиках с инвентарным номером — начало второго.

Люба так и не ложилась спать: постель не тронута, застелена, как днем.

Люба ждет, сама не зная чего. То ли возвращения мужа, то ли ночного ареста. То бесцельно бродит по комнате и кухне, то присаживается, то пытается читать, то снова начинает метаться. И все время мучительно прислушивается. Это вслушивание словно застыло на ее лице.

У двери стоит небольшой фибровый чемоданчик. Иногда Люба открывает его, в который раз проверяя, все ли взяла, не забыла ли чего. Перебирает содержимое: белье, теплая кофта, шерстяные носки, простые чулки, юбка, связанный ею свитер, мыло, зубной порошок, что-то еще очень необходимое ТАМ.

Чемоданчик дальней дороги, чемоданчик долгого расставания.

Гулко хлопнула далекая тяжелая дверь. Вздогнула Люба.

Ярко освещенная и оттого кажущаяся очень холодной небольшая камера-одиночка. Койка, табурет, столик намертво вделаны в цементный пол. Крохотное зарешеченное окошко под самым потолком.

Алексей — без портупеи и фуражки — стоял посреди одиночки спиной к двери, которая только что с лязгом захлопнулась за ним. Он не потерял самообладания и сейчас внимательно оглядывал первую в своей жизни тюремную камеру.

Некогда белые стены ее были сплошь усеяны выцарапанными по побелке надписями. Алексей подошел ближе.

«ДЕНИСЕНКО ПОДЛЕЦ И ПРЕДАТЕЛЬ», «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТОВАРИЩ СТАЛИН», «ГРУЗДУПА ВЗЯЛИ», «ЗА ЧТО?»...

И в изголовье койки: «АЛЕШКА, ДЕРЖИСЬ. ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН ЛЮБОЧКЕ И ЕГОРУ».

Без подписи.

Раннее утро. Пуст вестибюль Управления. Дежурный раскладывает почту: видимо, только что заступил.

— Товарищ дежурный! — крикнул часовой.

Он не пускал внутрь Любу. Подошел дежурный,

— Где мой муж полковник Трофимов? — не ожидая вопросов, выпалила Люба.

— Где положено.

— Он арестован?

— Мне знать не положено.

— Я буду стоять здесь, пока вы не скажете!

— Здесь стоять не положено.

Люба ходила у подъезда Управления. Было еще не время, и служащие здесь командиры пока не появлялись. Но Люба упрямо ждала.

Подошел какой-то полковник с туго набитым портфелем. Люба поспешила к нему, но он, увидев ее, бегом скрылся в подъезде.

Потом стали появляться другие служащие. Люба бросалась к ним, но они отмахивались, пожимали плечами и быстро скрывались в том же подъезде.

Только один задержался. Комдив Коваленко:

— Трофимова?

— Где мой муж?

— Прогуливаете работу?

— Я имею право хотя бы узнать, что он жив.

— Узнаете в свое время. А за прогул у нас, между прочим, вплоть до тюремного заключения. Все ясно?

— То есть...

— Вот туда передачи — теперь по закону.

И прошел в подъезд. А Люба осталась, все вдруг сообразив.

И снова — молчаливая женская очередь в пункте приема передач заключенным Лубянки.

Люба по плечи нырнула в нишу окошка.

— Трофимов Алексей Иванович.

— Кто вы ему?

— Жена.

— Нет в списках, — глухо ответил мужской голос после паузы. — Следующий!

— Минуточку, — помолчав, спохватилась Люба. — Тогда — Варавва Иван Семенович.

— А ему вы — кто?

— Жена.

— Два мужа, что ли? — хохотнул принимавший передачи.

— Теперь — два.

— Ну, даешь. Осужден твой Варавва. Выслан на этап. Следующий!

В полной растерянности Люба отошла от окошка.

В том же состоянии абсолютной растерянности ехала она на трамваях. Толкалась среди пассажиров, не слыша да и не замечая никого кругом.

Шла через парк, волоча сумку с непринятыми передачами. Через железнодорожные пути. Через военный городок...

Только возле своего дома очнулась. Перед нею стояла черная «эмка», а рядом с машиной — молодой командир.

— Вас жду, Любовь Андреевна.

Люба открыла дверь в квартиру и, не задерживаясь, прошла в комнату. Взяла фибровый чемоданчик, в последний раз окинула долгим взглядом комнату...

— Товарищ Трофимова! — окликнули из коридора. Люба вышла.

— Я готова.

— Уже? — удивился командир. — И это — все?

— Все, — сказала Люба, тряхнув чемоданчиком.

Командир усмехнулся, покачал головой, вздохнул.

— Вот предписание, — он достал из командирской сумки конверт. — Город Воронеж. Поезд завтра в восемнадцать сорок. Билет у коменданта. Этот пакет, — он извлек из сумки пакет, — горвоенкому Воронежа лично. Так что счастливо вам. Упаковывайтесь пока, с работы не забудьте уволиться...

Потоптался, козырнул и вышел. А Люба тихо сползла по стене на пол.

— И чего в них проку, кроме тяжести? — ворчала Антиповна, старательно — а она все делала старательно и не умела иначе — укладывая книги в большую, похожую на сундук, корзину с крышкой. — Голова с них — чугуном, а есть все одно хочется...

Кабинет главного врача поликлиники.

— Следовательно, срочно выезжаете? — спросил полный пожилой врач, внимательно прочитав предписание. — Одна?

— Мужа переведут позднее, — сказала Люба.

— Ну и зачем вам наша характеристика? По линии мужа...

— Нет, нет, Семен Давыдович, мне это просто необходимо.

— Не имеем мы теперь права, — вздыхал главврач. — Теперь только Горздрав характеристики выдает.

Покряхтев и помаявшись — уж очень ему не хотелось этого делать! — Семен Давыдович тем не менее набрал телефонный номер.

— Евгений Афанасьевич? Маркин беспокоит. Нашего врача Трофимову Любовь Андреевну срочно в Воронеж переводят в связи с перемещением по службе супруга. Он военный. Что? Отличный работник. Сегодня. Кто подписал? — главврач взял предписание. — Комдив Коваленко. Да? Никаких претензий, никаких решительно! Благодарю, сейчас подъедет с нашим черновиком. Спасибо, Евгений Афанасьевич.

— Сейчас я заготовочку сделаю, — сказал он Любе. — Заверите у парторга и профорга, как положено. И — в Горздрав. К товарищу Фролову Евгению Афанасьевичу.

— Что? — насторожилась Люба. — К Фролову?..

Приемная медицинского чиновника. На машинке бойко печатает молодая машинистка.

В стороне на стуле сидела Люба.

— Ну вот, — сказала машинистка, вынув отпечатанную страницу. — Странно, что Евгений Афанасьевич с вами не побеседовал. Он обычно беседует.

— Напомните ему, что я сегодня уезжаю.

— Требуется только его подпись. Это быстро, — заверила девушка, исчезая за дверью кабинета.

— Встречи, — горько вздохнула Люба. — И расставания.

Из кабинета вышла машинистка. Вид у нее был несколько обескураженный.

— Оказывается, Евгений Афанасьевич сам все написал и сам отпечатал, — сказала она, протягивая запечатанный конверт.

— Благодарю, — Люба спрятала конверт в сумку. — Всего доброго.

И вышла из приемной.

Душным летним вечером из Москвы на юг шел поезд, неся на вагонах таблички «МОСКВА — ВОРОНЕЖ».

Танковое училище.

Группа курсантов под руководством майора-преподавателя занималась на тренажерах для башенной стрельбы с хода. Тренажеров было пять, курсантов — куда больше, и свободные от непосредственных занятий курсанты раскачивали тренажеры с особым удовольствием. Отраженный зеркальцем наводки зайчик метался по мишеням. Однако не у всех. В третьей учебной башне сидел младший сержант Трофимов. Его качали нисколько не меньше остальных, но вовремя пущенный им зайчик чаще других оказывался в перекрестии мишени.

— Четвертое попадание, — с удовольствием отметил майор. — Молодец, Трофимов!

— С детства тренировался! — радостно крикнул Егор.

— Разговорчики!

В класс вошел сержант с повязкой дежурного на рукаве.

— Разрешите, товарищ майор? Младшего сержанта Трофимова срочно вызывает начальник училища.

— Выполняйте, — сказал майор Егору. — Ставлю вам отличную отметку, младший сержант Трофимов.

Дежурный и Егор шли по двору училища. Егор еще переживал восторг удачной «стрельбы», а сержант удивлялся:

— И чего это он тебя, отличника, вызывает?

— Свирепый? — на всякий случай поинтересовался Егор.

— Озабоченный.

— Это хуже.

И оба засмеялись.

Начальник училища — еще вполне молодой полковник из новой волны командиров — был не один. В углу его просторного кабинета скромно сидел скуластый капитан совершенно неопределенного возраста, профессии и национальности.

Вошел Егор. Не без франтовства щелкнув каблуками, четко доложил:

— Товарищ полковник, младший сержант Трофимов прибыл по вашему приказанию!

— Вот, — начальник сделал неуверенный жест. — Товарищ капитан хочет с вами побеседовать.

И поспешно вышел. А капитан неторопливо, по-хозяйски перебрался за стол, достал из сумки пакет, положил его перед собою, буркнул:

— Садись.

Егор сел напротив. Капитан извлек из пакета какие-то бумаги и стал внимательно просматривать их. Молчание затягивалось, младший сержант напряженно ждал, мучаясь неопределенностью и чувствуя, как вползает в него непонятный страх.

— Письма из дома получаешь? — спросил вдруг капитан, не посмотрев на Егора.

— Получаю.

— Часто?

— Мама пишет два раза в месяц.

— А отец?

— Отец не любит писем.

— Так ни разу и не написал?

— Один раз только. Когда вернулся из... — Егор запнулся. — Из командировки.

— А где он был?

Капитан впервые поднял на Егора ничего не выражающие глаза, и младший сержант поспешно пояснил:

— У нас не принято спрашивать, где был.

— Но подарок ведь он привез?

— Привез.

— И что же это за подарок?

— «Испанка». Ну, пилотка такая, с кисточкой.

— Вот эта? — капитан достал из сумки «испанку». — Это в каком же ларьке продают такие? Не спрашивал?

— У нас в семье спрашивать не положено.

Егор осторожно вытер пот со лба. Он был испуган и подавлен, потому что хорошо знал, что отец был в Испании, что злополучная «испанка», которой он так гордился, куплена именно там и что об этом никому говорить нельзя.

— Значит, имеем картуз с кисточкой, — капитан спрятал «испанку» в сумку. — Перейдем к письмам мамы. Какие новости сообщила она в последнем письме?

— Никаких. Жива-здорова.

— Врешь, Трофимов, — равнодушно сказал капитан. — Изъяли мы твои письма, вот они, — он похлопал ладонью по лежавшим бумажкам. — Изъяли и проанализировали. Возникли вопросы. Первый, — капитан взял письмо, прочитал:

— «Дядя Ваня уехал в длительную опасную командировку...» Кто такой дядя Иван и куда он уехал?

— Куда — не знаю, — Егор вдруг оживился, даже обрадовался, потому что авторитет дяди Вани был для всей семьи абсолютен и на него можно было положиться. — А вообще дядя Ваня — герой Гражданской войны. Он спас маму в Туркестане и взял в плен самого курбаши басмачей. Он английский язык знает, китайский знает, еще какой-то...

— Кто много знает, у того жизнь короткая, — сказал капитан. — Второй вопрос. Читаю: «Пиши, сын. Красная Армия, Трофимову — адрес точный!» Это что же за адрес такой?

— Просто шутка, — сразу сникнув, пояснил Егор. — Папа с восемнадцатого в Красной Армии, вот мама и шутила всегда...

— Шутникам в нашей армии делать нечего, — капитан сложил письма в конверт, конверт сунул в сумку. — Однако парень ты вроде честный. Остальное тебе начальник училища объяснит.

И, не прощаясь, вышел из кабинета, не обратив внимания на вскочившего Егора. Дверь за ним закрылась, но младший сержант продолжал стоять, скорее огорошенно, чем дисциплинированно.

Появился начальник училища. Молча прошел на место. Сказал, не глянув:

— Из училища ты отчислен.

— За что?.. — От горькой незаслуженной обиды у Егора совсем по-детски задрожали губы. — Я же отличник боевой и политической... На Доске почета...

— Отчислен в войска с сохранением воинского звания, — почему-то с раздражением повысил голос полковник. — Приказ подписан сегодняшним днем. Кругом марш!..

Воронеж. Тяжелая, как жесьть, зелень августовских каштанов на улице Карла Маркса.

По этой улице шла Люба с чемоданом. Чемодан был тяжел, она часто останавливалась, смотрела в записку с адресом и, передохнув, волокла чемодан дальше.

Свернула на боковую улицу и вскоре остановилась перед длинным обшарпанным двухэтажным зданием с единственным подъездом. Поставила чемодан, еще раз проверила адрес и вошла в дом.

Она шагала по длинному, плохо освещенному коридору, посматривая на номера комнат. Остановилась возле одной из них, достала ключ с привязанной к нему биркой, отперла дверь.

Узкая комната с единственным окном была совершенно пуста. Люба поставила чемодан, прошла к окну и открыла форточку, потому что воздух в нежилом помещении был затхлым и спертым.

— С приездом, — сказали сзади.

Люба оглянулась. У дверей стояла совсем не старая, но уже седая женщина с живыми темными глазами.

— Давай знакомиться. Анна.

— Люба Трофимова.

— Одна?

— Сын в военном училище.

— Муж есть?

— Муж?.. Он в командировке.

— Понятно. У нас у всех — мужья в командировке. Откуда?

— Из Москвы.

Вопросы следовали быстро, и вообще это было похоже на допрос, но Люба не испытывала ни досады, ни смущения. То ли потому, что вопросы звучали заинтересованно, то ли потому, что темные глаза светились теплом и пониманием.

— Это все твои вещи?

— В камере хранения — чемодан и корзина.

— Аля, Рая! — крикнула Анна.

В дверях тотчас же появились две молодые женщины. Может быть, до сигнала Анны они стояли в коридоре.

— Привезете вещи из камеры хранения. Отдай им квитанцию.

— Что вы! — всполошилась Люба. — Я сама.

— Сама пока что будешь заново жить учиться. Освоишься — другой жене... командированного поможешь. Так-то у нас водится. Люба, в одиночку хорошо в петлю лезть.

— Но корзина очень тяжелая, — неуверенно сказала Люба, доставая тем не менее квитанцию из сумочки. Там — книги.

— Девочки, Борьку с собой захватите. Он во дворе в футбол гоняет, — распорядилась Анна.

Она командовала, но командовала мягко, как-то очень по-домашнему, и Люба сразу поняла, что перед ней — старшая. Не назначенная сверху, а избранная таковой по велению сердца и всеобщему признанию, как случается в больших и дружных семьях.

Аля и Рая, взяв квитанцию, сразу же ушли: через форточку донеслось: «Борька, тетя Аня помочь велела!..» Анна закурила.

— Ну, женам командированных денег не платят, так что самое время подумать о работе.

— Я — врач.

— А я — специалист по эпохе Возрождения. Аля — бухгалтер, а Рая — переводчица с английского. И все мы дружно трудимся на швейной фабрике, что весьма поощряется с целью перековки. У нас тут почти все — швеи. Самая престижная работа — у Полины, она — подсобница в продмаге. Кстати, о Полине. Идем к ней, она нам ящиков даст.

— Какие ящики?

— Ящики теперь — мебель. Ну, куда ты свои ложки-плошки поставишь, на окно?

— Нет у меня ни ложек, ни плошек, — улыбнулась Люба. — Всю жизнь на казенных тарелках прожила. Муж у меня — офицер... то есть...

— Офицер — это замечательно. Идем за ящиками.

Кабинет медицинского чиновника областного масштаба. Хозяин был сух настолько, что очки его держались на хрящеватом носу только каким-то чудом. Он читал официальную бумагу, брезгливо морщась и все время раздраженно встряхивая ее.

Люба сидела напротив, с беспокойством наблюдая за его странно демонстративным поведением.

— Ну, и чего вы хотите? — с откровенной неприязнью спросил начальник, закончив чтение.

— Я хочу работать по специальности.

— С такой характеристикой?

— Простите?.. — Люба растерялась.

— Нет, уж вы простите! Халатность, бесконечные отлучки с места работы, прогулы и, наконец, рукоприкладство.

— Какое рукоприкладство?

— За провал на экзамене по «Краткому курсу Всесоюзной Коммунистической партии большевиков». Вот, черным по белому, — он внушительно потряс характеристикой. — Со ссылкой на документы и свидетелей.

Лицо Любы постепенно каменело, и сквозь эту, еще не ставшую непроницаемой окаменелость проступала такая человеческая боль, что исхудалый начальник спросил нормальным человеческим голосом:

— Воды?

— Благодарю, — Люба встала и, качнувшись, вышла из кабинета.

Цех старой швейной фабрики. Гул от множества работающих швейных машинок. Мелькают женские руки, бежит полотно, ряды сосредоточенных женских лиц. Анна, Аля, Рая...

И — Люба.

Вдруг — ликующий крик:

— Девочки!.. Девочки!..

По проходу цеха бежала молодая женщина, потрясая газетой.

— Ежова сняли, девочки!.. Ежов — враг народа!..

Комната Анны. Такая же узкая, как и все прочие комнаты бывшей казармы швейной фабрики. В ней сегодня шумно и отчаянно весело. На досках, положенных на ящики и накрытых простынями, — скромная закуска тех времен, вино, кружки и чашки вместо рюмок, разнокалиберная посуда.

За столом — одни женщины. Кто плачет, кто восторженно что-то говорит, кто звонко хохочет на грани истерики. И все — вразнобой, все перебивают друг друга.

— Теперь жизнь изменится, сестрички! Все изменится!..

— Господи, столько горя... И за что, за что?..

— Узнал все-таки товарищ Сталин правду!.. Узнал!..

— За товарища Сталина, подруги!.. За нашего отца и заступника!..

Ликут осиротевшие, чудом избежавшие каторги жены, дочери, сестры врагов народа. Счастливыми слезами захлеб плачет Люба.

Только Анна молчит. Курит одну за другой. И пьет.

Дождь. Затяжной, нудный, осенний. Попрятались все, кто мог. Пусто на улицах. Облетают каштаны.

По пустынной улице шел мужчина в старом, выдавшем виды ватнике, намокшей шапке-ушанке, в грубых разбитых сапогах.

Таким он и ввалился в комнату.

— Алешка!..

Люба так закричала, что соседки бросились к ней. А она целовала небритое родное лицо, что-то говорила, смеялась сквозь слезы и снова целовала...

Алексей опомнился первым. Оглянулся на дверь, которую забыл закрыть за собою...

...Увидел женщин, что столпились в открытых дверях, в коридоре. Увидел их лица, их глаза...

Все понял, отпустил Любу, низко поклонился женщинам и тихо сказал:

— Простите нас.

Анна осторожно закрыла дверь.

Проникавший сквозь окно тусклый свет уличного фонаря кое-как освещал комнату. Кухонный стол со шкафчиком, две табуретки, два поставленных на попу фанерных ящика, накрытых белым полотном... Ничего больше не было в этой комнате, но зато все это являлось собственностью Трофимовых. Без инвентарных номеров.

Да еще стояла узкая железная койка, на которой они лежали, тесно прижавшись друг к другу.

— Я знаю, что ни о чем нельзя расспрашивать, — шептала Люба. — Но все-таки позволь один вопрос..

— Один — можно.

— Откуда ты узнал, что я в Воронеже?

— Коваленко сказал. Бывший комдив Коваленко. Он тебя сюда и направил.

— Он... тоже?..

— Он погиб, Любаша.

— Прости.

— Знаешь, может быть, даже и неплохо, что Егорку отчислили в войска, — меняя тему, сказал Алексей. — Послужит, похлебают солдатской каши, а там, глядишь, и снова — в училище.

— Я такая счастливая, такая счастливая!.. — вдруг невпопад горячо зашептала Люба. — Только одно смущает, Алешенька. Рыдают сейчас все мои сестрички во все свои подушки...

Рыдали. Но не все.

Анна не рыдала. Просто не могла уснуть, курила, и груда окурков давно переполнила консервную банку.

Утро здесь было хлопотливым. Сновали по коридору женщины в домашних халатиках, кипятили чай, в очередь варили каши. В очередь и умывались, поскольку местные удобства не могли вместить всех желающих.

Алексей вышел в коридор в чистой — и когда Люба успела ее выстирать? — гимнастерке без знаков различия, подпоясанный солдатским ремнем, и сразу оказался в центре суматошной беготни: кто-то даже повизгивал, прикрывая голые плечики ладошками. Хмуро глядя строго перед собой и беспрестанно бормоча: «Виноват!» — Алексей добрался до нужной ему комнаты и постучал.

— Входи, раз не заперто, — раздался усталый голос Анны.

Алексей открыл дверь, спросив на всякий случай:

— Можно?

— Знала, что заглянешь, — сказала Анна. — Картошки хочешь?

— Жена ждет, — улыбнулся Алексей, сев напротив нее. — Завтракайте, я покурю.

— За этим и пришел?

— Нет, — он прикурил, помолчал. — Может, нам лучше съехать?

— За себя не ручаешься?

— За себя — проверено. А вот... Ну, не виноват же я, что меня отпустили, не виноват!..

Анна доскребла картошку, закурила тоже. Сказала тихо:

— Отпустили тебя на длинном поводке.

— Как понимать?

— Разумом, а не эмоциями. Моего мужа отпускали дважды и дважды сажали опять. И каждая новая посадка — в новой компании.

— Он был... военным?

— Он был энтомологом. И поехал ловить бабочек в Бразилию. Там необыкновенно красивые бабочки. — Она помолчала. — Так что если не хочешь повторов — совершай самые простые поступки. Те, которых от тебя ждут. Ищи работу, избегай знакомств и сиди здесь в цветнике засохших незабудок. Все, иди. Мне на работу пора.

Алексей встал, пошел к дверям.

— Люба видит в тебе офицера, — вдруг сказала Анна. — По моему разумению, офицер обязан прежде всего думать о других.

Стучали швейные машинки на фабрике. Текло полотно.

Ходил из одного кабинета в другой Трофимов. Текло время.

Опали листья, усыпав улицы. Осенние дожди шли уже без перерыва.

И однажды Алексей, нагруженный узлами и пакетами, вернулся из бесконечных блужданий по кабинетам раньше жены. Торопливо распаковал поклажу, достал новое обмундирование. Он очень хотел обрадовать Любу, а потому сразу же начал переодеваться. Надел новенькие брюки из синей комсоставской диагонали, хромовые сапоги. Гимнастерку, однако, надевать не стал, а, присев к столу, начал аккуратно привинчивать к петлицам знаки различия. Но не полковничьи «шпалы», а скромные лейтенантские «кубики».

Он успел все сделать и встретил жену одетым по форме и затянутым новенькой хрустящей портупеей. Только без ордена, который заработал еще в Испании. Щелкнул каблучками:

— Старший лейтенант Трофимов!

— Восстановили? — радостно ахнула Люба.

— И предписали ждать дальнейших распоряжений. Так что готовься, Любаша, к дальним гарнизонам: старшим лейтенантам даже с академическим образованием в штабах делать нечего.

— Из полковников — в старшие лейтенанты. — Люба была офицерской дочерью, понимала, что значит военная карьера, от вздоха не удержалась, но об ордене не спросила.

— Так ведь лейтенант лучше, Любаша, — улыбнулся Алексей. — Лейтенант всегда полковника моложе.

— Ох, Алешка, умеешь ты женщин утешать, — Люба поцеловала мужа. — Назначение — из Москвы?

— Да, завтра пойду узнавать. А сегодня — пируем, Любаша!

И было вечернее чаепитие на досках, покрытых простынями. Кто принес пирожки, кто — варенье, а Люба испекла пирог.

И было бы совсем весело, если бы под смехом и шутками не вздрагивали годами скопленные слезы.

Официальное военное учреждение. То ли комендатура, то ли военкомат.

— Пакета на ваше имя не поступало, — сказал дежурный.

— Ясно, — Алексей старался говорить бодро. — Когда ожидаете?

— Зайдите недельки через две.

— Через две?..

— А лучше — через месяц. Идите, старший лейтенант, идите.

Первый снег на улицах. Первые морозы.

То же учреждение, тот же дежурный.

— Не поступало.

— Ясно, — Алексей сдержал вздох. — Опять через месяц?

— Не раньше.

Алексей вышел из учреждения. Закурил тоненькую дешевую папиросу: спешить было некуда.

— Позвольте прикурить.

Алексей поднял голову. К его папиросе тянулся какой-то незнакомый ему капитан.

— Просись добровольцем на финскую, — шепнул он, прикуривая. — Мурыжат тебя, Трофимов. — И громко сказал:

— Спасибо, старшой.

Малоизвестная война с Финляндией. Лютая зима сорокового года.

Мутный рассвет.

— Ур-ра-а!..

По глубокому снегу, местами проваливаясь по пояс, бежали цепи атакующих с винтовками наперевес, в шинелях и буденовках, застегнутых на подбородках.

В лоб ударили хорошо пристрелянные пулеметы, падали убитые и раненые, кто-то еще бежал вперед. На кинжальные пулеметы.

— Ур-ра-а-а...

Заглохло «ура». Откатывались поредевшие цепи.

— Твою мать!.. — орал совсем еще молодой комбриг на командном пункте. — Опять артиллеристы подвели! Куда они били, мать их за душу?!

— Товарищ комбриг, — осторожно, чтоб не влететь под горячую руку, сказал подошедший порученец. — Товарищ комбриг...

— Чего суешься?..

Порученец был явно старше своего начальника, но так теперь принято было разговаривать.

— Старший лейтенант Трофимов очень просит срочно принять его по важному делу.

— Какого черта?!.

— Говорит, есть соображения.

— У лейтенанта есть соображения, а у комбрига, по-твоему, нету?

— Он только что из атаки. Кроме того, он в прошлом — начальник оперативного отдела. Я его знаю: вместе были в Испании.

— Ну давай, — недовольно согласился комбриг.

Вошел Алексей. В мятой простреленной шинели, со свежей повязкой на лбу.

— Товарищ комбриг, старший лейтенант Трофимов просит разрешения обратиться!

— Ранен?

— Царапина. Завтра буду здоров.

Задиристый комбриг посмотрел на обветренное, осунувшееся лицо, хотел рявкнуть, но передумал. Сказал обиженно:

— Артиллерия подвела. В который уж раз.

— Прошу прощения, но артиллерия против бетонного дота бессильна, товарищ комбриг.

— Какой бетон! На нем — кусты. Глянь в стереотрубу.

Алексей достал из кармана шинели бетонный обломок, протянул комбригу.

— Бетон прикрыт грунтом, на котором высажены кусты. Этот кусок отбит артиллерией, я нашел его случайно.

— Ну?.. — комбриг повертел кусок.

— Надо рвать взрывчаткой. Это единственная возможность. Вот расчеты, — Алексей достал несколько листов, положил на стол. — Прошу разрешения взорвать лично.

— Ты что, сапер?

— Танкист, но рвать приходилось. Кроме того, я был в двух последних атаках. Знаю подходы.

— Сколько человек потребуется? — спросил комбриг после довольно долгих размышлений.

— Пойду один.

— Ишь, какой герой-одиночка!

— Одного труднее заметить. Единственная просьба — отвлечь интенсивным пулеметным огнем. Схема огня приложена.

Комбриг долго молчал, обдумывая сказанное. Алексей терпеливо ждал.

— На авантюру смахивает, — наконец хмуро сказал комбриг, тщательно изучив поданные Трофимовым расчеты и схему.

— Поэтому и прошу разрешения идти одному.

— Вот где у меня этот дот! — комбриг резанул ладонью по горлу. — Ладно, завтра тебе — полный отдых. До двадцати четырех. Иди, думать буду.

— Есть! — Алексей отдал честь, повернулся, вышел.

— Мужик надежный, — очень осторожно сказал порученец.

— Скажи, чтоб готовили ночную атаку, — помолчав, приказал комбриг. — Без артподготовки. Внезапность — наша артиллерия.

Порученец молча направился к выходу.

— Да, Ивченко ко мне.

Порученец вышел. И почти сразу же вошел широкоплечий хмурый сержант.

— Звали?

— Поди сюда. — Комбриг подождал, пока сержант приблизится, сказал тихо:

— Завтра ночью подсобишь старшему лейтенанту Трофимову: он к доту ползет. С моим заданием. Но ежели к ним драпануть вздумает, расстреляешь на месте.

Ночь. Мороз. Метель.

Зарываясь в рыхлый снег, ползет Алексей в белом маскхалате, волоча за собою санки с тяжелым грузом. Позади санок, подталкивая и направляя их, — сержант Ивченко. Тоже — в маскхалате.

Поле то и дело освещают ракеты. Тогда они оба замирают в снегу.

Яростная пулеметная стрельба вдруг начинается левее Трофимова и Ивченко. Финны усиленно освещают опасный участок. Взрывники из последних сил пробиваются сквозь снег к доту.

Стрельба. Множество осветительных ракет. И мощный взрыв.

Областной город. Жаркое лето. Цветы на клумбах.

Новый четырехэтажный дом на оживленной улице.

И вдруг — смех. Веселый, радостный. Он слышится в однокомнатной квартире, обставленной незатейливой мебелью тех лет. С инвентарными номерами.

В единственной комнате за праздничным столом сидели майор Алексей Трофимов, старший сержант Егор Трофимов и безмерно счастливая Люба.

— Кормят-то вас хорошо? — допытывалась она.

— Остается, мам.

— А с остатками что делаете? — улыбался Алексей.

— Потом доедаем!

И опять все весело засмеялись.

— Ты ешь, сыночек, ешь, — Люба подкладывала закуску в тарелку сына.

— Сыночек, — усмехнулся отец. — Тебе за что отпуск-то дали?

Егор достал из кармана гимнастерки командировочное предписание.

— Читайте, товарищ майор.

Алексей развернул бумагу:

— За отличные успехи в боевой и политической. Сроком на пять дней. Слышишь, мать? На пять дней! За это и рюмку выпить не грех, — вернул предписание сыну, налил водку из графинчика. — За успехи, товарищ старший сержант!

Егор не успел взять рюмку, как Люба встала и вышла с весьма недовольным видом, проворчав на ходу:

— Не могу видеть, как отец с сыном водку пьют!

— Я не с сыном, а со старшим сержантом! — крикнул вдогонку отец. Чокнулся с Егором, сказал:

— Матери хоть догадался подарок привезти?

Егор выпил свою рюмку, смущенно улыбнулся и беспомощно развел руками.

— Эх ты, тютя!

В комнату вернулась Люба. Убрала графинчик со стола:

— Я чайник поставила.

— Правильно, — согласился Алексей, закуривая.

Егор вдруг сорвался с места, кинулся к дверям.

— Ты куда? — удивилась Люба.

— Сейчас, ма! Забыл!..

И вышел.

— Ма!.. — усмехнулся Алексей.

— Он еще ребенок, — заступилась за сына Люба. — А ты его водкой встречаешь.

— Он не ребенок, а танкист, — строго поправил Алексей. — И эти три рюмки мы выпили не как отец с сыном, а как сослуживцы.

Вошел Егор.

— Мам, это тебе, — сказал он и протянул матери косынку.

— Спасибо, сынок, — растроганно проговорила Люба.

Подошла к зеркалу, повязала на шею косынку, посмотрелась и неожиданно быстро вышла.

— Куда это она? — удивился Егор.

— Сообразил наконец, — довольно проворчал отец. — Мать, понимаешь, от счастья чуть с ума не сошла...

— Пап, — вдруг перебил Егор, собрав всю свою решимость. — Мне деньги нужны.

— Зачем?

— На самолет. Поездом не успею.

— Куда не успеешь?

— Я слово дал.

— Никуда ты не поедешь! — Алексей ударил ладонью по столу, тут же, впрочем, сбавив тон. — Мать, понимаешь, без ума, а сын, понимаешь, отличник боевой и политической...

— Поеду, — упрямо перебил Егор.

— Нет, не поедешь!

— Я слово дал, отец. А ты сам меня учил, что слово, данное женщине, есть слово чести.

— Слово... — недовольно ворчал Алексей. Потом вдруг усмехнулся. — Платочек-то небось Маше вез?

Егор застенчиво улыбнулся:

— Она ждет.

— Спасибо, хоть матери подарок отдать сообразил, — Алексей рылся в карманах. — Где наши деньги?

— Наверно, в буфете.

— Все-то ты знаешь, — продолжал ворчать отец, роясь а буфете. — Тридцатки хватит?

— Хватит. Спасибо, пап.

— Спасибо, — непримиримо бурчал Алексей. — А что мы матери скажем, интересно?

В дверях стояла Люба с тремя порциями эскимо в руках.

Улыбка так и не успела сойти с ее счастливого лица.

Южный областной город задыхался от летней жары, и продавцы газированной воды с сиропами всех сортов бойко торговали своим ходким товаром. А совсем рядом с шумной площадью возле книжного магазина стоял старший сержант Егор Трофимов. Он смотрел на окна противоположного, хорошо знакомого ему дома... Потом достал зеркальце и, поймав солнечный лучик, послал «зайчика» в темное окно третьего этажа. И тут же поспешно зажал зеркальце в кулаке.

В знакомом окне появилась незнакомая мужская физиономия. Если бы на месте Егора стояла Люба Трофимова, она бы сразу узнала ее: она принадлежала коренастому мужчине, который когда-то присутствовал на ее встрече с ректором института по поводу публичной пощечины доценту Фролову.

Егор, конечно, не знал его, однако тут же поспешил на шумную площадь. Было воскресенье, в турпоходы тогда ходить было не принято, и люди — особенно на юге — стремились на улицы. На площади продавали пиво, газированную воду, воздушные шары, мороженое, и было весело каждому в отдельности и всем вместе.

Здесь Егор взял извозчика — кстати, того самого, который когда-то отвозил Любу на военный аэродром, — уселся на пружинное сиденье пролетки и сказал:

— На Овражную.

Овражная несколько не изменилась за эти годы. Та же пыль, то же запустение, тот же несуразно длинный барак с удобствами во дворе.

И та же пронзительно бдительная дворничиха с метлой в руках. Она ничего не подметала, а, опершись о метлу, зорко блюла порядок на вверенной ей территории.

Егор сразу же узнал ее, велел остановиться рядом и спросил официальным командным голосом:

— Овражная?

— Она! — выпалила дворничиха, чуть ли не взяв метлу «на караул».

Егор расплатился с извозчиком, равнодушно прошел мимо поспешно посторонившейся дворничихи и остановился напротив барака. Не глянув на блюстительницу местных порядков, когда-то так напугавшую его, неторопливо достал зеркальце и направил солнечный лучик в одно из окон: теперь-то он точно знал, куда следует целиться.

И окно тотчас же распахнулось. Из него прямо на улицу выпрыгнула Маша. В тесноватом домашнем халатике и косыночке, с тряпкой в руке. Перебежала улицу и остановилась перед Егором. Оба молча глядели друг на друга и улыбались, и больше во всем мире никого для них не было.

— А я не верила, — наконец сказала она.

— Но я же дал слово.

— А мог и не приехать.

— Не мог.

— Знаешь, кто я? — помолчав, тихо спросила Маша. — Я — самая счастливая девочка на свете. Самая счастливая!..

И, шагнув, осторожно, точно боялась обжечься, прикоснулась губами к его губам. И сразу отпрянула. И тогда он, тоже осторожно и тоже чего-то боясь, потянулся к ней и поцеловал ее в ответ. Бережно, целомудренно, но дольше и крепче, чем она.

Разинув рот, во все глаза смотрела на них дворничиха. А извозчик, заулыбавшись от уха до уха, начал разворачивать свою пролетку.

— Но, милая!..

— Знаешь, мама уже год работает нянечкой в детском приюте, — почему-то шепотом сообщила Маша. — Там несчастные дети, ну, неполноценные, понимаешь? За ними надо все время ухаживать, и мама уходит на целые сутки...

— Я вечером улетаю, — пролепетал зачем-то Егор.

— Значит, тебе необходимо отдохнуть. Идем ко мне. Идем.

И, взяв его за руку, повела через улицу к несуразно длинному бараку. В левой ее руке была по-прежнему зажата тряпка.

А извозчик порожняком возвращался к стоянке и улыбался всю дорогу. Но улыбка замерла, когда он въехал на площадь: «...Над нашей родиной нависла серьезная опасность...»

Остановились трамваи, подводы, машины. Бросили тележки мороженщицы и продавцы воды: вишневый, густой, как кровь, сироп все тек и тек в стакан и, переполнив его, тяжело капал на серый горячий асфальт.

Все столпились под уличным репродуктором и ловили каждое слово в полной суровой тишине.

На городских часах было несколько минут первого.

Выступал Молотов.

Война

Осунувшееся, почерневшее и повзрослевшее лицо Егора Трофимова. Он — в танковом шлеме, в изрядно потрепанном комбинезоне, перетянутом отцовским ремнем со звездой на пряжке.

Звучит обыденный усталый голос:

— За образцовое выполнение приказов командования и проявленные при этом отвагу и героизм наградить гвардии младшего лейтенанта Трофимова Георгия Алексеевича орденом Отечественной войны первой степени.

Сурово, без улыбки смотрит на нас гвардии младший лейтенант Георгий Трофимов.

Вокзальное здание товарной станции с прокопченной дымом вывеской «ГОРОД ГОРЬКИЙ».

На дальних запасных путях готовился к отправлению санитарный состав из разномастных пассажирских вагонов с красными крестами. К вагонам прямо по железнодорожным путям подъезжали грузовики, и медицинский персонал поезда — военврачи и фельдшеры, сестры и санитарки — выгружал из машин тюфяки, постельное белье, ящики с медикаментами, тюки с перевязочным материалом. Осматривали, считали, сортировали и разносили по вагонам.

В самом поезде бойцы санитарного отряда производили генеральную уборку: мыли щелоком полы и стенки, дезинфицировали полки, протирали ветошью стекла.

Любовь Андреевна в меховой безрукавке поверх гимнастерки с узкими полевыми погонями капитана медицинской службы шла вдоль состава, останавливаясь возле каждой машины, возле каждой группы людей.

— Не путайте медикаменты с инструментами, девочки. Все инструменты — в кригеровский. Катя, проследи.

— Есть, Любовь Андреевна.

По дороге вдоль станционных путей пожилой старшина вел строй девушек. Девушки путались в длиннополых шинелях, страдали в больших кирзовых сапогах, шли вразнобой, и поэтому старшина то и дело строго покрикивал:

— Ногу! Ногу!левой!левой! Р-равнение!..

В строй шла Маша Белкина. Выравнивая шеренгу, она повернула голову и вдруг увидела возле вагона Любовь Андреевну. Остановилась от неожиданности, вновь поломав строй.

— Белкина, ногу!.. — сердито закричал старшина. — Ворон считаешь?левой!левой!..

Маша поспешно поправила шаг.

Взвод девушек уходил по дороге, идущей вдоль санитарного поезда. Маша нет-нет да и оглядывалась на него.

— Осторожнее, девушки, — говорила Любовь Андреевна двум молоденьким санитаркам, которые снимали с грузовика большие картонные коробки. — Здесь — ампулы, не бросайте.

И пошла дальше вдоль состава.

— Любовь Андреевна! — ее догонял немолодой майор в очках с протезом вместо левой руки. — Почему опять такая поспешность? Уж который рейс не дают толком подготовиться.

— Что делать, Виталий Иванович, приказ. Санитарные поезда снимают со всех фронтов на наше направление: понимаете, что это означает? Поэтому очень вас прошу, дорогой Виталий Иванович, поезжайте завтра с утра к горвоенкому и во что бы то ни стало выберите у него еще одного хирурга. Будет много раненых, без дополнительного хирурга нам — зарез.

— Не даст он, Любовь Андреевна, — виновато вздохнул майор. — Откажет, как в прошлый раз.

— Виталий Иванович, отбросьте вы, наконец, эту гражданскую деликатность. Не то время, не те обстоятельства. Мой Алексей тоже не любит ходить по начальству, но когда это касается дела — лбом стену прошибет. Замполит еще раз угнетенно вздохнул.

Поздней ночью в купе, которое занимала военврач Трофимова, осторожно постучали. Любовь Андреевна стелила постель, собираясь лечь спать.

— Кто там?

— Карпова это, Любовь Андреевна, — ответили из-за двери. — Девушка вас какая-то спрашивает. С ребенком.

— А что ей нужно?

— Не знаю. Говорит, очень важно.

— Хорошо, Катя, — скажи, я сейчас приду.

Любовь Андреевна вышла на площадку вагона, открыла дверь.

Внизу стояла худенькая девушка в длинной и широкой не по росту шинели с ребенком, завернутым в ватное одеяло, на руках.

— Вы ко мне?

— Извините, что разбудила. Не узнаете меня? Я — Маца. Маша Белкина.

— Машенька! — обрадовалась Любовь Андреевна, поспешно спускаясь на платформу. — Здравствуй, Машенька. Ну, поднимайся в вагон. Давай помогу.

Они вошли в купе.

— Положи малышку, — сказала Любовь Андреевна. — Что это ты ребенка по ночам таскаешь? Девочка?

— Сын.

— Как зовут?

— Иваном.

— Сколько же ему?

— Скоро два.

— А тебе?

— Скоро двадцать.

Любовь Андреевна покачала головой — не то осуждающе, не то с уважением.

— Отчаянный ты человек, Мария.

Маша промолчала.

— Я что-то не пойму, ты — в армии? Как же тебя приняли с таким малышом?

— Никто не знал. Пока училась, Ваня был у соседки. А я — то в увольнение, то в самоволку.

— Почему же ты не отдала его матери? — строго спросила Любовь Андреевна.

— Матери? — Маша отвернулась, поправляя одеяльце на ребенке. Сказала спокойно:

— Мамы больше нет. Она не успела эвакуироваться, не могла оставить больных детей. Инвалидов. Беспомощных инвалидов. Маму немцы повесили, Любовь Андреевна.

— Машенька...

— Вы не курите? А я — закурю.

Резко поднялась, вышла в коридор.

В ночном пустом коридоре Маша свернула сигарку, прикурила. Из купе вышла и Любовь Андреевна.

— Через неделю у нас выпуск, а там, вероятно, и назначение, — тем же спокойным, точно выжженным голосом сказала Маша. — Вот поэтому...

— Вот поэтому ты должна немедленно заявить, что у тебя ребенок, — решительно перебила Любовь Андреевна. — Твое место в тылу, а не на фронте.

— Мою маму повесили немцы. Она работала нянечкой в детском доме для детей-инвалидов. Совсем беспомощных, умственно неполноценных. Очень жалела их, любила, привязалась. А какой-то эсэсовец приказал их уничтожить. Расстрелять прямо в кроватках. Мама хорошо знала немецкий, все поняла, она как раз несла кипяток. И выплеснула кастрюлю ему в лицо.

— Боже мой...

— Ее повесили с табличкой «Партизанка». Мне рассказывали очевидцы, потому что мама успела отправить меня в эвакуацию: она знала, что я жду ребенка.

Любовь Андреевна вздохнула, горько покачав головой. Помолчав, сказала иным тоном:

— Теперь у тебя есть сын, Машенька. И твой долг вырастить его, поставить на ноги...

— Мою маму повесили немцы, — все так же спокойно произнесла Маша. — Что бы вы ни говорили, я буду повторять: маму повесили немцы. Повесили, понимаете? Мою маму повесили. На дереве, даже без виселицы.

Она замолчала, пристально разглядывая огонек сигарки. Молчала и Любовь Андреевна, с болью и жалостью глядя на нее.

— Кроме мамы у меня есть только один близкий человек, — тихо проговорила Маша. — Он на фронте, и я не хочу его ничем беспокоить: воевать надо с легким сердцем. Но он однажды сказал, чтобы я обращалась к вам, если будет совсем трудно.

— Машенька, девочка моя, я сделаю все, что в моих силах. Я завтра пойду к начальнику твоей школы...

— Никуда не надо ходить, Любовь Андреевна. Просто пока возьмите Ваню к себе.

— То есть куда это — к себе, Маша? И что значит: пока?

— Пока я не вернусь.

— Откуда?

— С той стороны.

— Что ты говоришь?!

— Школа готовит радистов для партизанских отрядов и диверсионных групп. Мама неплохо обучила меня немецкому, и я нужна там.

— Ты нужна сыну!

— Вот и возьмите его. Больше просто некому.

— Машенька, мы делаем рейсы на фронт. На фронт, ты это понимаешь? Под бомбежки и обстрелы.

— Мне некому больше оставить Ваню, Любовь Андреевна. Некому. Я понимаю, как вам будет трудно, но что же делать?

— Машенька, это не просто трудно, это невозможно. Я понимаю, я все понимаю, но, может быть, лучше... Детдом?

— Может быть, — равнодушно согласилась Маша. — Только я не смогла заставить себя сделать это. Если сможете — отдайте. От бабушек ведь тоже принимают.

— Что?!. — Любовь Андреевна задохнулась, качнулась к ней. — Что ты сказала, Маша?..

Поезд дернулся: прицепили паровоз. Маша инстинктивно рванулась к купе, но, пересилив себя, остановилась. Сказала, еле сдерживая слезы и глядя мимо Любви Андреевны:

— Идите к нему, Любовь Андреевна, идите, он может упасть. Идите к внуку!

Состав уже дергало и качало: бригада пробовала сцепки и тормоза. И потрясенная Любовь Андреевна, подчиняясь суровому приказу вчерашней девочки, поспешно шагнула в купе. К внуку.

А Маша, натыкаясь на стенки и изо всех сил сдерживая рыдания, шла к дверям вагона.

Санитарный поезд шел порожним рейсом.

За стеклом штабного вагона мелькнуло лицо Любви Андреевны. Она держала на руках ребенка.

Состав шел на фронт сквозь заснеженные российские просторы.

Расположенный возле маленькой железнодорожной станции эвакуационный пункт с чудом уцелевшим зданием вокзала был переполнен ранеными: на фронте шло наступление. Раненые были везде: на платформе, возле насыпи, в станционном здании. На земле и снегу, на досках пола и на скамейках — сидели, лежали и даже стояли. А их все подвозили и подносили.

Бой громыхал где-то совсем близко. На путях изредка рвались шальные снаряды.

На переполненную ранеными привокзальную площадь буквально ворвался американский «виллис». С него на ходу спрыгнули двое в маскировочных халатах. Из машины вытащили третьего — тоже в маскхалате, с забинтованной головой. Двое соскочивших на ходу потащили его на перрон, поближе к ожидаемому поезду, а шофер кричал вдогонку:

— Держись, лейтенант! Мы тебя найдем, не тревожься!..

Раздался длинный паровозный гудок. Раненые оживились, кто-то привстал, кто-то уже пополз поближе к путям.

На станцию медленно втягивался санитарный поезд. Любовь Андреевна прыгнула с подножки на ходу, не ожидая остановки, и побежала вперед, к станционному зданию.

Вслед за ней на перрон прыгивали санитарки, врачи, медсестры.

— Откройте все двери! — кричала на бегу военврач Трофимова. — Тяжелых грузить в первую очередь!

К ней от станционного здания бежал пожилой капитан, еще издали крича хриплым сорванным голосом:

— Назад! Кто разрешил? Почему на красный свет? Немедленно назад, назад! Кто начальник поезда?

— Я — начальник, — на ходу отчеканила Любовь Андреевна.

— Куда вас, к черту, несет?! Немецкие танки прорвались!.. Немедленно отвести поезд! Немедленно!..

— Закончим погрузку, отведу.

— Вы с ума сошли! — истерически кричал капитан, семеня сбоку. — Я приказываю! Я — начальник эвакуационного пункта! Немцы вот-вот пути перережут, вы это соображаете?..

— Не орите. Соображаю.

— Под трибунал пойдешь, идиотка!..

Любовь Андреевна неожиданно остановилась, в упор глянула на него, сказала негромко:

— А ну убирайся отсюда, паникер.

И, отстранив его, пошла дальше.

Замполит вошел в полуразрушенное станционное здание, где ожидали погрузки легкораненые. Остановился у порога, старательно протирая очки. Потом надел их, оглядел забитое людьми помещение и негромко сказал:

— Я обращаюсь только к тем, кто добровольно возьмет оружие. Нужно остановить немцев хотя бы минут на сорок. На полчаса. Я понимаю, вы заслужили отдых. Кровью своей заслужили. Но если мы не остановим врага, они добьют здесь всех. Вот.

Раненые внимательно слушали майора, но никто пока не вставал с места.

— Извините, — замполит неуверенно потоптался и вышел на перрон.

— Ну что, мужики, неужели майора одного бросим? — помолчав, спросил сидевший в углу летчик с перевязанным плечом. — Офицеры есть?

Не ожидая ответа, он встал и, шагая через раненых, пошел к выходу.

Не успел еще выйти, как за ним по одному, по двое, группами стали подниматься раненые.

На станционных путях уже грохотали взрывы. Любовь Андреевна быстро шла вдоль состава.

— Грузите в штабной вагон, — говорила она на ходу санитарам. — Занимайте все свободные места. Кладите на пол! Здесь не должно остаться ни одного раненого!

Несмотря на обстрел, на грохот близкого боя, персонал санитарного поезда действовал с привычной уверенностью и сноровкой. Фельдшеры и медсестры принимали от санитаров раненых, вносили в вагоны, клали на все свободные места.

В степной балке за станцией залегла жиденькая цепочка легкораненых. На правом фланге лежал замполит, все время протиравший очки; в центре расположился хмурый молодой капитан-казах, на правом фланге — летчик с перевязанным плечом.

Раненые были обстрелянными солдатами и сейчас молча, без излишней суеты готовились к неравному бою. Подтаскивали ящики с гранатами и патронами, бинтами стягивали гранаты в связки, проверяли, заряжали и прилаживали поудобнее личное оружие.

Из-за пригорка напротив выползли три фашистских танка. Было видно, как с брони прыгивают маленькие фигурки автоматчиков.

Из кустов за овражом била по танкам прямой наводкой батарея «сорокапятков», и немецкие автоматчики рвались к ней.

— Огонь! — крикнул замполит.

Раненые открыли редкий огонь, прикрывая батарею и вызывая атаку автоматчиков на себя.

Все три немецких танка, развернув башни, открыли пулеметный огонь по цепи. Затем тронулись с места и один за другим медленно поползли на раненых.

— Держите автоматчиков! — крикнул капитан-казах. — Истребители, за мной!..

Перевалился через бруствер, пополз навстречу танкам, умело используя неровности местности. Следом ползли несколько бойцов-истребителей со связками гранат. Капитан добрался до удобной позиции раньше, выбрал момент и, привстав, швырнул связку под гусеницы вырвавшегося вперед вражеского танка.

Грохнул взрыв. Танк остановился, косо развернувшись на разорванной взрывом гусенице.

— Бей их, ребята!.. — выкрикнул замполит, в запале вскочив в полный рост.

И тотчас же упал, сраженный пулеметной очередью. Упал, так и не расслышав крика летчика:

— Танки!.. Наши танки!..

Из леса за их спинами вырвались традцатьчетверки, стреляя с хода.

Санитарный поезд уходил с железнодорожной станции, где горело станционное здание, дымилась водонапорная башня, но ни в помещениях, ни на перроне уже не было ни одного раненого.

Любовь Андреевна вошла в операционную. Старенький лысый хирург старательно мыл руки в тазу. Из-за перегородки, за которой только что закончилась операция, медсестра Катя вынесла таз с окровавленными бинтами.

— Четверо погибли, — вздохнул хирург. — Я ничего не мог сделать. Ничего.

— Я понимаю, — сказала Любовь Андреевна. — Дай мне их документы, Катюша, я подпишу заключения.

Она присела было за столик, но тут поспешно вошел пожилой фельдшер:

— Любовь Андреевна, скорее в крйгеровский! Майор сознание потерял!

— Какой майор? — ахнула Катя. — Неужели наш?

— Документы позже принесешь в купе, — сказала Любовь Андреевна, поспешно выходя вслед за фельдшером.

Следом засеменял старенький хирург, на ходу вытирая руки.

Санитарный поезд шел полным ходом.

В своем купе Любовь Андреевна кормила внука манной кашей, привычно приговаривая:

— За папу... За маму... Ну, вот мы и поужинали, Иван Егорыч, пора и на боковую.

Вошла Катя.

— Вот документы, Любовь Андреевна, — она положила на столик пачку листов. — Сейчас будет остановка, надо погибших с поезда снять. Тесно очень.

— Да, конечно. Распорядись, я пока подпишу.

Катя вышла. Любовь Андреевна уложила внука, присела к столику и раскрыла первый документ, в который было вложено заключение о смерти.

— Федченко Петр Сергеевич. Сержант.

Проверила заключение, подписала. Взяла второе.

— Лыков Иван Сидорович. Рядовой.

Проверила заключение, подписала. Взяла третье, открыла удостоверение личности...

И вдруг закричала. Закричала страшно, не слыша себя, и крик этот разнесся по всему штабному вагону.

— Стойте! Не сгружайте их! Не сгружайте!..

Выбежала из купе.

Поезд остановился.

Натыкаясь на стенки вагона, Любовь Андреевна с залитым слезами лицом слепо бежала по вагонному коридору... На столике осталось раскрытое офицерское удостоверение. На

первой страничке было старательно выведено четким писарским почерком: «Трофимов Георгий Алексеевич».

Сквозь штабную печать с маленькой фотографии смотрел гвардии младший лейтенант Егор Трофимов.

А на нижней полке, зажатый подушками, чтобы не свалился от поездных толчков, лежал маленький Ваня Трофимов и дрыгал ножками. Он был очень похож на отца.

Мир

Мальчик в форме суворовца в большой, сползающей на нос фуражке, держащейся исключительно на оттопыренных ушах, с тоской смотрел на обшарпанный дом в старом арбатском переулке с двумя облезлыми львами у подъезда.

За его спиной с грустной торжественностью прозвучал хорошо знакомый голос:

— Вот эти львы, Ваня.

Суворовца в слишком уж большой фуражке сопровождали поседевшая, постаревшая Любовь Андреевна и генерал-майор танковых войск Трофимов Алексей Иванович.

— Тоже мне, львы, — с не очень понятной обидой пробубнил мальчик. — У них и клыков-то нет.

— Много ты понимаешь, — возмутился дед. — А знаешь...

— Да все я знаю, — вздохнул Ваня. — И про концерт, и как ты бабушке бревно от самых Хамовников волок, и про налетчиков.

— Ах, вы, оказывается, все уже знаете! — генерал круто развернулся к супруге. — Интересно, откуда? Из какого источника?

— Алеша, а ведь у львов действительно куда-то исчезли все клыки...

— Вы мне зубы не заговаривайте, бабуля.

— Дед, пойдем лучше в зоопарк, — Ваня тянул Трофимова за рукав кителя.

— У тебя увольнительная до четырнадцати? — строго спросил генерал.

— Ага.

— Не ага, а так точно. Какой же может быть зоопарк, когда сейчас уже тринадцать тридцать две?

— Может быть, на такси отправим, Алеша? — осторожно спросила Любовь Андреевна. — Он же еще ребенок.

— Он не ребенок, а солдат, — строго уточнил генерал. — И к тому же все знает.

— Но училище не близко. Ваня может заблудиться.

— Солдат должен уметь ориентироваться на местности, — отчеканил Алексей Иванович. Затем достал кошелек и отсчитал мелочь. — Вот тебе на троллейбус. Остановка — «Филевский парк». Запомнил?

— Так точно, — уныло подтвердил Ваня.

— Осторожно переходи дорогу, Ванечка, — сказала Любовь Андреевна, целуя внука и при этом тайком от мужа засовывая ему в карман несколько рублей. — До завтра!

— О ревуар, гранмадам! — весело воскликнул Ваня и быстро направился к Арбату.

Генерал Трофимов тем временем сердито рассматривал весьма постаревших львов.

Супруги Трофимовы шли кривыми арбатскими переулками.

— С Егором ты сюсюкала куда меньше, — непримиримо ворчал Алексей Иванович.

— Вероятно, такова участь всех бабушек, — улыбнулась Любовь Андреевна.

— Здравствуйте, Алексей Иванович, — вежливо поклонился немолодой человек, проходя мимо.

— Здравия желаю, — генерал поднял руку к фуражке.

— Кто это? — поинтересовалась Любовь Андреевна.

— Понятия не имею, — Алексей Иванович остановился, глядя вслед прохожему. — Может, служили вместе?

— Пойдем, — Любовь Андреевна взяла мужа под руку. — Мне кажется, Алеша, тебе следует пойти к начальнику училища и попросить, чтобы Ваню отпустили вместе с нами.

— Любаша, это неудобно.

— Но как же он доедет один? Это с двумя-то пересадками?

— Доедет, как все! — выпалил генерал.

Он даже остановился от возмущения и высвободил руку. Но тут же улыбнулся жене.

— Не беспокойся, бабуля, парень отлично понимает, что такое воинская дисциплина.

Суворовец Ваня Трофимов, разинув от восторга рот, то и дело поправляя сползавшую на нос фуражку, разглядывал огромную тушу бегемота.

Электрические часы Московского зоопарка показывали десять минут пятого.

Просторный номер в гостинице. Стоя перед зеркалом, Алексей Иванович надевал форменный галстук. Вошла Любовь Андреевна.

— Газет еще нет.

— Очков тоже, — буркнул муж.

— Судя по настроению, к начальнику училища вы не пойдете? — спросила жена, подавая генералу очки.

— Вы правильно понимаете...

Раздался телефонный звонок. Любовь Андреевна поспешно сняла трубку.

— Ванечка? Здравствуй, миленький...

— Опять сюсюканье! — расстроено отметил Алексей Иванович.

— Ванечка, Ванечка, я слушаю!..

— Ба! — наконец-то послышался в трубке детский голос. — Я не могу приехать.

— Почему? Что случилось, Ванечка?

— Валерка-дежурный за два компота позвонить выпустил...

— Какой Валерка? Алло, Ванечка, алло!..

Из трубки донеслись короткие гудки.

— Ну, что там еще? — спросил Алексей Иванович.

— Там какой-то компот, — беспомощно развела руками Любовь Андреевна.

Широкий коридор административного корпуса суворовского училища.

Пятеро суворовцев в полотняных робах старательно драили швабрами каменный пол. Над их головами висел транспарант: «Мы — НАРУШИТЕЛИ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ».

Степенный старшина расхаживал по коридору и давал указания:

— Ненашев, тряпку вовремя отжимай. Трофимов, крепче три, крепче! Дисциплину нарушать — все мастера, а вот пол драить...

В вестибюль вошли Алексей Иванович и Любовь Андреевна.

Заметив их, старшина одернул гимнастерку и скомандовал:

— Смирно! Товарищ генерал, группа нарушителей воинской дисциплины отбывает наряд вне очереди! Докладывает старшина Дунаев!

— Вольно, — сказал генерал. — Нарушители, значит? И тот, лопоухий, тоже?

— Так точно, товарищ генерал.

— Можно мне с ним потолковать?

— Воспитанник Трофимов, к генералу! — гаркнул старшина и тактично отошел в сторону.

Ваня подбежал к деду со шваброй, но держал ее у плеча, как ружье.

— Товарищ генерал-майор, воспитанник Трофимов по вашему приказанию...

— Позор, воспитанник Трофимов, — укоризненно сказал Алексей Иванович. — Если вы ни в грош не ставите авторитет генерала, пощадите бы хотя бы бабушкины нервы.

Воспитанник Трофимов опустил голову и застенчиво засопел.

— Отставить сопенье! Доложи, что случилось.

— Меня... Две недели.

— За что?

— Я...это...

— Перестань мямлить! — строго приказал генерал. — Изволь отрабатывать громкий командный голос. Докладывай!

Ваня долго сопел и вздыхал. Потом сказал обреченно:

— Опоздал я.

— Куда опоздал?

— Из увольнения.

— Та-к, — протянул дед, выразительно посмотрев на Любовь Андреевну. — Где же ты шлялся? Спрашивается! — (последнее слово относилось к бабушке). — Что молчишь, как сыч? Отвечай!

— Бегемота смотрел, — тяжело вздохнув, признался внук.

— Та-к, — генерал заложил руки за спину и пошел прямо на Любовь Андреевну. — Ну и где же ты денег взял на зоопарк, спрашивается?

Последнее опять относилось непосредственно к жене.

— Иди, Ванечка, работай, — поспешно сказала она.

— Ступай, ступай, — сердито согласился дед. — Повышай квалификацию.

Дед и бабка обождали, пока внук удалится, и точно по команде повернулись друг к другу.

— Так, — сказал генерал. — Продолжаете развращать будущего офицера?

— Между прочим, отличника, — уточнила Любовь Андреевна, не без гордости указав на стенд, на котором среди прочих красовалась и Ванина физиономия.

— Между прочим, разгильдяя.

— А я, представь себе, рада, что из Вани растет не солдафон, а человек, способный ценить прекрасное.

— Бегемота, например?

— Представь себе, и бегемота тоже. Все естественное прекрасно.

— Нет, не будет из Ивана толка, — вздохнул Алексей Иванович. — Уж коли ты вторгаешься в процесс формирования... Ну и хватит о твоём разгильдяе.

— Насколько я вас знаю, к начальнику училища вы не пойдете?

— Вы правильно все поняли, мадам. Я пойду представляться своему начальству. — Направился было к выходу, но остановился. — Адрес Управления помнишь, Любаша?

— Помню, Алеша, — улыбнулась Любовь Андреевна.

Алексей Иванович вышел.

Приемная начальника одного из управлений Министерства обороны. В креслах — небольшая группа генералов и полковников, ожидающих вызова в начальственный кабинет. За столом — майор-порученец.

В сущности, это была бы обычная приемная с тяжелыми портьерами, ковровыми дорожками и двойными дубовыми дверями, если бы не обилие живых цветов в ящиках, горшках и кашпо, расставленных и развешанных повсюду.

В приемную вошел генерал Трофимов в полной парадной форме. На фоне повседневно одетых офицеров и генералов Управления Алексей Иванович выглядел весьма торжественно и несколько нелепо.

— Здравия желаю, — негромко сказал он.

Ему никто не ответил. Посетители продолжали негромкие разговоры между собой.

— ...А он говорит: бери мой самолет, и чтоб к вечеру доложил обстановку, — приглушенно рассказывал полноватый генерал.

— Ну? — заинтересованно реагировал собеседник.

— Что — ну? Я же после аварии полетов не переносу!

— Полетел?

— Как миленький!..

И оба тихо посмеялись.

Из дверей кабинета поспешно вышел полный полковник, на ходу отирая платком лысый череп.

— Ну как? — негромко спросил сидевший у дверей моложавый генерал.

— Крут! — вздохнул полковник и вышел. Это признание не вызвало восторга среди ожидавших приема. Все зашептались, кто-то поспешно полез в портфель за документами.

Тем временем Алексей Иванович отдал порученцу удостоверение личности и пропуск:

— Генерал-майор Трофимов. Вызван на двенадцать часов. Но полагаю, это недоразумение: я — танкист.

— У нас недоразумений не бывает, — холодно отпарировал порученец. — Когда генерал-полковник освободится, я доложу. Пока можете присесть.

Раздался негромкий звонок. Порученец вскочил и, взяв удостоверение генерала Трофимова, прошел в кабинет.

Алексей Иванович достал деревянный портсигар, но, заметив на стене табличку «ПРОСЬБА НЕ КУРИТЬ», вышел в коридор.

Распахнулась дверь, и из кабинета пулей вылетел порученец:

— Где генерал?

— Который? — благодушно поинтересовался моложавый. — В нашем хозяйстве, Костя, генералов...

— Ну, этот... С орденами.

— Ушел, наверно.

— Как ушел?.. — перепугался порученец.

Он кинулся к дверям, распахнул их, выглянул в коридор:

— Товарищ генерал!.. Товарищ генерал, ждут!..

Трофимов вернулся в приемную. Порученец услужливо распахнул перед ним дверь, пропустил в кабинет и только после этого перевел дух.

— Что, Костя, не угадал на сей раз? — весело спросил моложавый генерал.

Все засмеялись. Майор-порученец еще раз вздохнул и сел за свой стол.

Генерал Трофимов стоял в дверном тамбуре. Он очень не любил срочных вызовов к начальству, но всегда пунктуально соблюдал предписанный уставом порядок. Поэтому, откашлявшись и переложив фуражку в левую руку, Алексей Иванович приоткрыл тяжелую дверь кабинета и негромко доложил:

— Генерал Трофимов просит разрешения войти.

В ответ раздался короткий смешок, а потом глуховатый командирский басок сказал неожиданно:

— Валяй!

Несколько удивленный таким приглашением, Трофимов шагнул в кабинет.

— Товарищ генерал... — начал было он и замолчал.

В глубине кабинета стоял худощавый подтянутый генерал-полковник с седым казачьим чубом. Он тоже был в парадном мундире, сплошь увешанном советскими и иностранными орденами, с двумя Золотыми Звездами Героя. Все ордена были на колодках, и только один орден Боевого Красного Знамени привинчен отдельно на алой розетке, как носили в годы Гражданской войны.

— Иван?.. — почему-то шепотом спросил Трофимов.

— Узнал, старый черт!.. — в полном восторге воскликнул Иван Варавва.

Они бросились друг к другу, крепко обнялись, сцепившись орденами, и потом долго не могли отцепить их друг от друга.

— Никак не ожидал, — бормотал Алексей Иванович, украдкой смахивая слезу. — Ну, никак, понимаешь, не ожидал... Иван, ты живой?.. Ванька!..

Еще раз обнялись, а потом Варавва подвел старого друга к дивану. Они сели, улыбаясь друг другу.

— Сидят два старика и молчат, — сказал наконец Алексей Иванович.

— Какие же мы старики, Алешка? Мы не старики. Мы — комсомольцы двадцатого года.

— Это точно. Курить-то у тебя можно, комсомолец?

Варавва с готовностью вскочил, принес пепельницу, сигареты. Но Трофимов отстранил их и с молчаливой торжественностью достал деревянный портсигар.

— Узнаешь, Ваня?

— Старый комэска... — вздохнул Варавва, бережно взяв портсигар. — Настоящий офицер, русский офицер. А было-то ему, Алеша, в ту пору ровнехонько двадцать шесть годков.

Они закурили из деревянного портсигара русского поручика, отдавая молчаливую дань уважения его прежнему владельцу. Потом Варавва спросил:

— Ну, как живешь-то, Алеша? Как Любочка? Егор-то, поди, полковник уже, а?

— Егор погиб, Ваня.

— Прости, Алексей. Прости, я не знал. Я же после войны за границей служил, только вернулся.

Он встал, принес коньяк, рюмки.

— Выпьем, Алеша. Светлая память Егору.

— Светлая память всем, кто погиб и погибнет за родину, — тихо отозвался Трофимов.

Торжественно выпили стоя. Помолчали. Потом Алексей Иванович спросил с ноткой укоризны:

— А написать ты не мог, да? Занят был выше горла?

— Да куда писать-то, Алеша? — оторопел Иван. — Красная Армия, Трофимову, что ли?

— А что? Адрес точный!

И они улыбнулись друг другу.

Раздался телефонный звонок.

— Извини, — Варавва прошел к столу, взял трубку одного из многочисленных телефонов. — Да, докладывайте, — выслушал, поморщился. — И это все? Ну, так вот. Пойдите к своему непосредственному начальнику и скажите ему, что я раз и навсегда запретил посылать вас в подобные командировки. Раз и навсегда, усвоили?

И резко положил трубку.

— Ты действительно крут, — улыбнулся Алексей Иванович. — У тебя там, между прочим, народу полно. Может, лучше вечером увидимся?

— Вечером само собой, — Варавва достал из папки лист плотной бумаги, подошел к Алексею Ивановичу. — Только я тебя тоже по делу пригласил. Не надоело тебе, старому, по войскам кочевать? Опыт у тебя огромный, пора передавать его молодежи.

— А я что делаю?

— Так ведь масштаб не тот, — Варавва протянул бумагу. — Ознакомься с проектом приказа.

— Н-да, — вздохнул Трофимов, прочитав приказ. — Заманчиво. Москва, академия. Заманчиво.

Он отложил приказ, прошел к окну, выглянул.

— Решайся, Алексей, — сказал Варавва. — Наконец-то опять рядышком служить будем.

— Заманчиво, — еще раз признался Алексей Иванович. — Только видишь ли, Ваня, дивизия-то у меня особенная. В ней Егор воевал.

— Понимаю, Алеша, и с ответом не тороплю. Возвращайся в дивизию, посоветуйся с Любой, а там...

— Зачем же откладывать? — Трофимов опять выглянул в окно. — Вон она, моя Люба. На лавочке сидит, как и положено офицерской жене.

— Где?.. — Варавва рванулся к окну, глянул. — Что же ты, старый хрыч...

И выбежал из кабинета.

Распахнулась дверь кабинета, и в приемную стремительно вышел генерал Варавва. Все вскочили.

— Потом, потом! — отмахнулся он.

Шагнул было к выходу, но вдруг остановился, развернулся на каблуках и, не обращая внимания на изумленные взгляды подчиненных, принялся обрывать цветы в горшках, ящиках, кашпо...

Любовь Андреевна с раскрытой книгой в руках сидела на скамейке неподалеку от входа в Управление. Но не читала, а с любопытством поглядывала на молодую женщину, нетерпеливо ходившую взад и вперед мимо нее.

— Валюша!

Женщина обернулась.

К ней спешил молодой офицер.

— Все! — радостно сообщил он. — Демобилизован вчистую!

— Слава Богу! — облегченно вздохнула женщина.

Взяв под руку мужа, она пошла рядом, приноравливаясь к его широкому шагу.

Любовь Андреевна с грустной улыбкой долго смотрела им вслед, а затем перевернула страницу книги и углубилась в чтение.

Варавва выбежал из дверей Управления без фуражки, но с цветами в руках. Следом неторопливо шел Алексей Иванович.

— Здравствуйте, Люба Трофимова, — тихо произнес Варавва, подойдя к скамейке.

Любовь Андреевна вздрогнула, подняла глаза.

— Ванечка...

И беззвучно заплакала.

Варавва склонился к ее руке, и Любовь Андреевна поцеловала его в висок.

— Живы, — улыбаясь сквозь слезы, прошептала Любовь Андреевна. — Живы, Ванечка...

— Жив, Любочка, — Иван положил ей на колени охапку цветов.

Подошел Трофимов, генералы сели по обе стороны от Любви Андреевны, и все трое молча улыбались.

— А вы несколько не изменились, Любочка, — сказал, наконец, Варавва. — Гляжу на вас и вижу перепуганную девчонку в туркестанских песках.

— Да будет вам, — Любовь Андреевна вытерла слезы. — Вот вы действительно не изменились. Чуб тот же.

— Только седой, — уточнил он.

— Да орденов полная грудь, — сказал Трофимов.

— У тебя тоже хватает, — смущенно напомнил Варавва.

— Половина ее, — очень серьезно сказал Алексей Иванович, улыбнувшись жене.

Поодаль маячил майор-порученец с генеральской фуражкой в руках, не решаясь подойти. Наконец Варавва заметил его:

— Что тебе, Костя?

— Фуражка ваша, — майор подбежал, подал фуражку.

— Спасибо. Скажи, что скоро буду, — Варавва надел фуражку, поймал веселый взгляд Любви Андреевны, неуверенно улыбнулся. — Что? Не так?

— Не так, — она сдвинула его фуражку набекрень, и теперь стал виден седой казачий чуб. — Вот как носил свою кубанку комвзвода Ваня Варавва.

Генерал грустно усмехнулся.

— Как живете, Ванечка? Семья? Дети?

Варавва сразу перестал улыбаться.

— Неужели так и не женился? — удивился Трофимов.

— Не встретил такую, как твоя жена, вот и не женился.

— Ну, раньше надо было отбивать. В Туркестане.

— У такого отобьешь, как же! — улыбнулся Варавва. — Одни красные штаны чего стоили!

И они засмеялись. Только Любовь Андреевна была почему-то грустна.

— Ты, правда, иди, Иван, — сказал Алексей Иванович.

— Служба есть служба. Вечером встретимся, телефон я записал. А что мне начальству доложить, ребята? Может, посоветуетесь, а вечером решим?

— Зачем же на вечер откладывать? — Трофимов повернулся к жене. — Вот, Любаша, предлагают нам дивизию бросить. В Москву зовут.

— В Москву?.. — Любовь Андреевна внимательно посмотрела на мужа и сразу поняла, чего именно он ждет от нее: настолько они любили друг друга, настолько изучили каждый взгляд. Подавила вздох:

— Нет, Ванечка, спасибо, мы уж лучше домой. В дивизию.

Из-за кустов вдруг появился суворовец Ваня Трофимов. Сопя, то и дело поправляя сползавшую на нос фуражку, он волок объемистый чемодан.

Увидев деда с незнакомым генералом, остановился, одернул гимнастерку, взял чемодан в левую руку и старательно затопал, завопив еще издали:

— Товарищ генерал-полковник, разрешите обратиться к генерал-майору товарищу Трофимову!

— Это еще что за явление? — удивился Варавва.

— Внук, — с гордостью сообщила Любовь Андреевна.

— Разгильдяй, — уточнил Алексей Иванович. — Ну, все полы перешил?

Разгильдяй неопределенно пожал плечами и застеснялся.

— Вот оно что... — протянул посерьезневший Варавва. — Как зовут-то тебя, Егорыч?

— Иваном, товарищ генерал-полковник!

Лицо Вараввы резко изменилось, непроизвольно дернулась голова. Он посмотрел на улыбающихся Трофимовых, сказал тихо:

— Ну здравствуй, тезка.

— Здравия желаю, товарищ генерал-полковник!

— Ну совсем оглушил. Зачем кричишь-то?

— Командный голос вырабатываю, товарищ генерал-полковник! — прокричал Ваня, покосившись на деда.

— А почему ты с чемоданом?

— Отбываю в очередной отпуск, товарищ генерал-полковник!

— Ах, отбываете? — вдруг обратился Алексей Иванович к жене. — Унижались, стало быть? За внучонка хлопотали?

— Ваня, пойді купи деду «Военную мысль», — поспешно сказала Любовь Андреевна и тут же полезла в сумочку за деньгами.

— «Военная мысль» в киосках не продается, — хмуро пробубнил внук. — Ругайтесь, я отойду.

Варавва хохотал в голос.

— Я не желаю, чтобы Иван рос генеральским внуком! — шумел Алексей Иванович. — Не желаю, понятно? И не допущу!

— Ваня едет с нами, — твердо сказала Любовь Андреевна. — Это я велела ему прийти сюда с чемоданом.

— Нет, не едет, — с ехидством возразил Алексей Иванович. — Никуда не едет, а возвращается в училище. Пешком! С чемоданом!

Ваня угнетенно сопел, низко опустив голову.

— Как старший по званию и по должности я отменяю ваше решение, товарищ генерал Трофимов, — вмешался Варавва. — И приказываю взять нашего замечательного внука с собой.

Набрав полную грудь воздуха, Алексей Иванович хотел было рассердиться, но, встретив веселый взгляд Вараввы, не выдержал и рассмеялся. Смеялась и Любовь Андреевна, и даже

Ваня позволил себе тоненько похихикать. И — напрасно, потому что дед сразу же нахмурился.

— Ну, ты не очень-то веселись. Ты у меня пять дней полы в квартире будешь драить.

— Есть полы драить! — весело выкрикнул Ваня, и фуражка немедленно сползла ему на нос.

Варавва сгреб его в охапку:

— А почему у тебя фуражка на носу?

— Так, — шепотом сказал Ваня, застеснявшись.

— Голову изнашивает, — серьезно пояснил Алексей Иванович. — Хочет круглым отличником стать, а в большой голове, естественно, и мозгов больше умещается.

— Молодец, — Варавва с трудом сдержал смех. — Ну, жду вечером и не прощаюсь.

Пошел было к подъезду, но вдруг остановился, снял парадную фуражку и протянул Ване:

— Держи, внучок. На память.

И, не оглядываясь, пошел к Управлению, такой же на редкость стройный и подтянутый, каким был всегда. Но что-то пригнуло сегодня его по-кавалерийски прямую спину: не просто годы, а едкий горестный осадок этих лет.

И не только Алексей Иванович и Любовь Андреевна, но и суворовец Ваня Трофимов почувствовали вдруг тяжесть этой невыносимой горечи и долго молча смотрели вслед дважды Герою Советского Союза генерал-полковнику Ивану Варавве.

По шоссе быстро мчался военный «газик». Рядом с водителем сидел генерал Трофимов, а позади — Любовь Андреевна и Ваня с парадной фуражкой Вараввы на коленях.

Вскоре они нагнали хвост танковой колонны, которая двигалась в ту же сторону, но по параллельной шоссе дороге.

Танкист в шлемофоне, стоявший в люке последнего танка, равнодушно глянул на обгонявший их «газик» и вдруг поспешно нырнул в люк машины.

«Газик» обгонял колонну. Машина уже почти поравнялась с головным танком, когда тот внезапно развернул башню поперек шоссе, перегородив путь оружием стволом.

— Что такое? — недоумевающе спросила Любовь Андреевна.

— Останови, — приказал Алексей Иванович.

«Газик» остановился, и генерал вышел из машины.

А из головного танка вылез молодой офицер в комбинезоне и побежал к генералу.

— Насовсем, товарищ генерал? — еще на бегу кричал он.

Танковая колонна остановилась. Из командирских люков выглядывали танкисты.

— В чем дело, подполковник Сергеев? — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, спросил Трофимов.

— Двенадцатый гвардейский танковый полк вверенной вам дивизии следует на боевые стрельбы. Докладывает командир полка подполковник Сергеев!

— Ну так следуйте.

— Слушаюсь, товарищ генерал. Вы только скажите, насовсем прибыли или нет?

— Освободите дорогу, подполковник Сергеев! — резко отчеканил Трофимов.

— Слушаюсь. Только скажите, вы насовсем прибыли или так, за вещичками?

— Да я вас под арест...

— Насовсем, Юра, насовсем! — засмеялась Любовь Андреевна.

— На-сов-сем!.. — повернувшись к колонне, протяжно и громко прокричал офицер. — Арестовывайте, товарищ генерал! С удовольствием!..

И, откозыряв, побежал к головному танку.

— Что значит арестовывайте?.. — вскипел Трофимов. — Что значит с удовольствием?

Грохот танковых моторов заглушил его слова. Мимо генерала одна за другой шли боевые машины, в каждом люке стоял командир и, вскинув ладонь к шлему, приветствовал своего командира. И Алексей Иванович поднял руку к козырьку.

А танки шли, как на параде, и лицо генерала постепенно светлело: он и в самом деле вернулся домой.

А в машине сидел суворовец Ваня Трофимов. Держа в руках шитую золотом парадную генеральскую фуражку, он восхищенно смотрел то на деда, то на идущие мимо грозные боевые машины...

Внук

Серьезное, сосредоточенное лицо тридцатилетнего капитана Ивана Трофимова.

Раздается размеренный командный голос:

— За успешное окончание военной академии и проявленные при этом выдающиеся успехи в освоении учебных дисциплин, а также за активное участие в научно-исследовательских работах приказываю наградить капитана Трофимова Ивана Георгиевича почетной золотой медалью...

Мужская вечеринка. Молодые офицеры празднуют окончание военной академии. Во главе стола — полный веселый усатый капитан-грузин.

— Водки нет и не будет, не просите и не ищите, — говорил он, расставляя на столе бутылки грузинского сухого вина. — Мы — наследники русского офицерства, а оно употребляло водку только в двух случаях: когда было слишком жарко и когда было слишком холодно. Я благодарен вам, друзья, что вы избрали меня тамадой, но предупреждаю, что тамада — главнокомандующий застолья. — Он встал, поднял бокал. — И первый наш тост всегда и везде — за родину-мать. Покоя ей, счастья, процветания, красивых дочерей и отважных сынов. Ура!..

— Ура! — дружно отозвались вставшие из-за стола офицеры.

Они выпили и с молодым аппетитом навалились на скромную закуску. За столом возникли веселое оживление, смех, шутки, а потом, как это всегда бывает, общий разговор как бы рассыпался по группам и парам.

— А все же ты счастливчик, Иван, — говорил рослый майор своему другу и соседу по столу капитану Ивану Трофимову. — Нет, не потому, что закончил курс с золотой медалью. А потому, что иметь двух таких дедов — все равно, что родиться наследным принцем.

— И я непременно этим воспользуюсь, — улыбнулся Иван. — Поплачусь бабке, она мобилизует резервы, и завтра я начальник штаба дивизии, как минимум.

— Нет, Ванюша, ты слишком хорошо воспитан для этого. Но твои непосредственные начальники, где бы ты ни служил, не имеют ни дворянских бабок, ни дедов с двумя академическими ромбами на генеральских мундирах. И они, исходя из доступного им понимания ситуации, будут всю жизнь подметать перед тобой твою военную стезю.

— Если бы я не знал тебя, майор Алеша, я бы решил, что ты — завистник, — вмешался тамада. — Но в тебе нет зависти, а есть тревога за друга и особая манера предостережения.

Офицеры рассмеялись.

— Но ты вовремя выделил среди нас Ваню Трофимова, — сказал тамада и встал. — Вряд ли за нашим столом найдется человек, у которого не пал бы смертью храбрых кто-либо из близких на Великой Отечественной войне, но... — тамада сделал паузу и поднял палец... — но только у Вани Трофимова погибли и отец, и мать. Только у него отец никогда не видел сына, а у Вани остались только их школьные фотографии. Так поднимем же бокалы, товарищи офицеры, за всех, кому не суждено было вернуться с войны. Вечная им слава, низкий поклон и вечная наша память.

Офицеры вытянулись, как на смотре, и медленно, торжественно осушили бокалы.

С пирушки Иван и майор Алексей возвращались поздно. В метро было гулко и пусто, уборщицы уже запустили свои громоздкие пылесосы, и у края платформы стояли только две припозднившиеся девушки.

— Следовательно, ты отрицаешь сам смысл героизма, — сказал Алексей, останавливаясь подле девушек и продолжая начатый спор. — По-твоему, в героизме есть нечто аномальное.

— Столько же, сколько и в гениальности, которая всегда есть аномалия естественного существования. Так и героизм есть самоотречение, мгновение, когда человек во имя исполнения долга или спасения других людей становится нравственно гениальным. Если

вовремя подавить огневую точку, солдату не придется заслонять ее собственным телом, разве не так?

— Ну, знаешь, в бою могут возникнуть любые неожиданности, Ванюша.

— Могут, но их надо просчитывать и пытаться заранее свести к минимуму. Именно в этом и заключается долг офицера, как мне кажется. Исполнение его...

— «Пусть каждый исполнит свой долг», — с чувством процитировал майор. — Так, кажется, звучал приказ адмирала Нельсона перед Трафальгарским сражением? Кто тебя учил военной истории?

— Дед. Сначала в одиночку, а потом они принялись за меня вкупе со вторым дедом. И вечно спорили...

— Ой!.. — растерянно воскликнула белокурая девушка.

Из ее рук неожиданно выскользнула сумочка и упала на рельсы.

Из туннеля уже доносился гул подходившего поезда, но Иван не задержался ни на долю секунды. Он тут же спрыгнул на пути, поднял с рельсов сумочку, протянул девушке...

— Руку, Ванька!.. — крикнул майор.

Поезд уже показался из туннельной дыры, когда сильная рука друга буквально выдернула капитана Трофимова из-под колес на платформу.

Уже оглушительно свистела дежурная, уже бежал милиционер, и уборщицы побросали свои машины.

Но все четверо-двое молодых людей и две девушки — успели вскочить в распахнувшиеся двери вагона, которые захлопнулись перед самым носом рассерженной не на шутку дежурной.

А потом белокурая девушка и капитан Трофимов отправились в театр имени Ленинского Комсомола. Шел знаменитый в те времена «Тиль» с Караченцовым в главной роли.

А потом был зал Консерватории, где звучала Шестая симфония Бетховена. Белокурую девушку, так вовремя уронившую сумочку на рельсы, звали Леной.

А потом был Первый концерт для фортепьяно с оркестром. И Лена с Иваном, затаив дыхание, слушали Вана Клиберна.

Теплым летним вечером из Концертного зала расходилась публика.

— У меня никогда не было такой счастливой сессии, — сказала Лена Ивану, когда они вышли на площадь Маяковского. — И на экзаменах мне — тьфу-тьфу — везет, и... И вообще.

Она смущенно засмеялась и взяла Ивана под руку.

— У меня тоже, — сказал он. — Жаль, что дня на три-четыре нам придется расстаться.

— Ты уезжаешь к родным?

— Нет, в деревню. Ненадолго.

— Командировка? Или это секрет?

— Просто я получил письмо от бабушки. После долгой переписки с архивами ей все же удалось узнать, где погибла моя мама.

— Я понимаю, — она помолчала. — Но все же рискну показаться бестактной. Возьми меня с собой, Ваня. Пожалуйста. Может быть, тебе будет хоть чуточку легче.

— А как же очередной экзамен? — Иван остановился и взял ее за плечи.

— Я договарюсь. Ты как-то сказал, что ничего нет на свете важнее дружбы.

— Ленка! — он благодарно прижал ее к груди. — Завтра я беру три билета.

— Почему три?

— Потому что ничего нет на свете важнее дружбы...

Кто из них первым поцеловал другого, они так никогда и не смогли вспомнить...

Летний вечер. В сторону заходящего солнца шел пассажирский поезд.

Маленькая смоленская деревенька затерялась среди бедных полей и бесконечных березняков. Серые, кое-как отремонтированные, а то и вовсе заброшенные избы, среди которых новые постройки можно пересчитать по пальцам одной руки, потому что заросших пожарищ с остатками печей куда больше.

В деревенской избе сидели Иван, Лена, Алексей и сама хозяйка — весьма пожилая женщина, постаревшая не столько от прожитых лет, сколько от пережитых бед. Пили чай из самовара, а на столе, кроме скромного деревенского, красовалось и непривычное для этих мест московское угощение: печенье, конфеты, вафельный торт, что-то еще.

— Наша земля издавна на костях стоит, — говорила хозяйка. — Сынку моему Бог германскую землицу уготовил, а муж — здесь, в родной своей.

Она помолчала, и все молчали, понимая, что это как бы пролог к рассказу об общей беде.

— Много мы тут повидали, а девушку ту помню, — вздохнула хозяйка. — Конец марта был, поля протаивать начали, ручьи побежали, когда ее привезли. До того бои были, немцы Семин лес со всех сторон обложили, а в ту ночь стрельба закончилась. Тихо стало, и вышла я, помню...

Немцы сгоняли народ на площадь перед бывшим зданием колхозного правления. Больше всех усердствовал переводчик из русских.

Посреди площади уже стояла Маша. Почерневшая и измученная, босиком на талом снегу. А за редкой цепочкой окружавших ее немцев в темную единую массу сгрудились жители. Громко плакали дети и тихо, приглушенно — женщины.

Офицер о чем-то спросил Машу, но она медленно покачала головой, отказываясь отвечать.

И тогда ее повели по деревне, что-то громко кричал переводчик. Может быть, он кричал, что она радистка и диверсантка, может быть, просто партизанка. Следом гнали народ с плачущими детьми и судорожно рыдающими женщинами. Остановились за последним гумном. Дальше начинались поля.

И опять офицер что-то сказал Маше. И опять она отрицательно покачала головой.

Офицер пожал плечами и отошел. А переводчик развязал Маше руки и протянул лопату. Но Маша, словно не заметив ее, медленно пошла к бревенчатой стене.

Она шла по талому снегу, и следы ее маленьких босых ног тут же заполнялись водой. Подошла к гумну и стала у стены, повернувшись лицом к немцам. Коротко ударила автоматная очередь.

— Вот как маму вашу убили, детки. Я ивушку посадила там, чтоб могилка ее не затерялась.

Иван сидел, закрыв ладонью глаза. По лицу Лены текли слезы. Алексей встал, прошел к лавке у входа, где сложили они свои пожитки, достал бутылку водки. Молча налил в чайные стаканы.

Все встали.

— Есть такая профессия: защищать свою родину, — тихо сказал он.

— Вечная память им, — тихо всхлипнула хозяйка. — Лесу в России не хватит, чтоб каждому крест поставить.

Все молча, торжественно выпили и тихо поставили стаканы на стол.

За околицей под большой пышной ивой Иван и Лена старательно обкладывали дерном могильный холмик. Дерн подносили парнишки и девчата, а немногочисленные мужики резали его на самом зеленом и свежем месте луга.

Поодаль стоял председатель в темном костюме с орденами и медалями в обязательной шляпе на голове. Рядом с ним — баян и две балалайки — весь местный оркестр.

— Удастся ли Алексею? — тихо вздохнула Лена.

— Прошибет, — сквозь зубы процедил Иван без тени сомнения в способностях друга.

Холмик был уже обложен дерном, и теперь не только они двое, но и все девчата укладывали дерн вокруг могилы.

— Едут!.. — закричали издалека мальчишки.

Подъехал грузовик с пятью вооруженными карабинами солдатами под командованием лейтенанта, с какими-то торжественно и строго одетыми представителями райкома. Из кабины вылез Алексей, солдаты сгрузили выкрашенный белой эмальюobelisk со звездочкой и понесли к могиле.

Иван и Алексей установили обелиск на могиле, воткнув в землю четыре штыря.

На обелиске была надпись:

«МАША БЕЛКИНА. 1923—1943

ПАРТИЗАНСКАЯ РАДИСТКА».

И ниже: «СПАСИБО, МАМА».

Троекратно грохнул салют из карабинов.

Последняя квартира Трофимовых. И мебель в ней — уже без инвентарных номеров.

На звонок в прихожую спешит постаревшая Любовь Андреевна. Открыла дверь.

— Знакомься, ба, — сказал капитан Трофимов, пропуская в квартиру смущенную девушку. — Это — Лена. Моя жена. Пока будет жить с вами.

— Ванечка! — Любовь Андреевна бросилась к внуку, как-то не очень обратив внимание на юную жену. — А почему ты сказал — «пока»?

— Потому что я обрываюсь: самолет через час пятнадцать.

— Куда, Ванечка?

— Служба, бабуля, служба. Где деда?

— Служба, Ванечка, служба, — в тон ему ответила Любовь Андреевна.

— Ясно, — сказал внук. — Звонят?

— Регулярно: Алексей — по вторникам, Иван — по четвергам.

— Значит, мой день — среда, — Иван поцеловал бабушку, потом жену. — Не горюйте, солдатки!

И вышел.

— Вот сумасшедший, — скорее с удовольствием, чем с осуждением произнесла Лена.

Это были ее первые слова, и Любовь Андреевна посмотрела на девушку с особым вниманием.

— Оставь вещи. Идем.

Они прошли в комнату. Любовь Андреевна сразу направилась к окну, выглянула.

— Мужу помаши, — не оглядываясь, сказала она.

Лена поспешно кинулась к окну. У такси стоял Иван и смотрел на окна. Увидев женщин, улыбнулся, помахал им и сел в машину.

А в комнате тихо плакала Любовь Андреевна.

— Зачем же вы плачете, Любовь Андреевна? — удивленно спросила Лена.

— Никакая я тебе не Андреевна. Я тебе бабка, поняла? А реву потому, что ты — дура, и мне тебя, дуру, жалко.

— Почему? — упавшим голосом спросила Лена.

— Потому что не знаешь ты их, Трофимовых этих, а я знаю. Нахлабаешься ты с ним горя, второй-то женой быть совсем невесело.

— Отчего же — второй?

— А оттого, что первая у них — армия. Чуть поманила — и упорхнул твой муженек неизвестно куда. А ты одна в подушку плакать будешь. Реветь и ждать — вот и вся радость.

— А я не боюсь ждать! — вдруг взорвалась Лена. — И не пугайте меня! А реветь все равно не буду!

— Так ведь уже ревешь.

— Это не считается. Это в последний раз.

И Лена замолчала, увидев, что Любовь Андреевна ласково улыбается ей.

На военном аэродроме в трюмы огромных транспортных самолетов вползают танки.

В самолеты садятся десантники в полной боевой выкладке. У трапа стоит в такой же выкладке капитан Трофимов и пропускает мимо себя своих солдат.

Вечерело. Любовь Андреевна и Лена пили в комнате чай.

— Когда-то нас, жен офицеров, называли боевыми подругами, — продолжала разговор Любовь Андреевна. — Мы умели перевязать раненого, расседлать коня, набить пулеметную

ленту. Конечно, сейчас другие времена, но суть осталась прежней. Ты понимаешь меня, Леночка?

— Понимаю, бабушка.

— Нет, пока не понимаешь, — грустно улыбается Любовь Андреевна. — Но надеюсь, поймешь правильно. Поймешь, почему твоего мужа будут будить среди ночи и посылать неизвестно куда. Поймешь, почему он никогда не скажет тебе, где был и что делал. Поймешь, что означает тревожный чемоданчик, который всегда будет у него под рукой и с которого дай тебе Бог всю жизнь только стирать пыль. Не думай, что так просто привыкнуть к такой жизни.

— Привыкнем, — беспечно улыбается Лена. — Мы еще так молоды.

— Молоды?..

Любовь Андреевна вдруг встала и вышла в другую комнату. Лена встревоженно смотрела ей вслед.

Любовь Андреевна вернулась быстро. В руках ее были две красные орденские коробочки.

— Они были моложе вас, отец и мать Ивана. Это их ордена. Этот — Егора, этот — Машеньки. Я хранила их — теперь настала твоя очередь. Придет время, и ты передашь их другой женщине: жене твоего сына. И скажешь: есть такая профессия — защищать свою родину.

Лена открыла коробочки и бережно достала из них тяжелые ордена Отечественной войны...